

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»

В. Б. Помелов

У ИСТОКОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ВЯТКЕ

Киров
2019

УДК 378(470.342)(091)
ББК Ч403(2Р-4Ки)
П551

*Печатается по рекомендации Научного совета
Вятского государственного университета*

Рецензенты:

Н. В. Булдакова, доктор педагогических наук, профессор и зав. кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»;

Р. С. Наговицын, доктор педагогических наук, доцент, декан факультета педагогического и художественного образования ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

Помелов, В. Б.

П551 У истоков высшего образования на Вятке : [монография] / В. Б. Помелов. – Киров : Вятский государственный университет, 2019. – 215 с.

ISBN 978-5-98228-210-1

В монографии воссоздана история открытия первого вуза на Вятской земле – Вятского учительского института. Автором активно использован биографический метод: исторические события подаются через судьбы героев книги, педагогов – создателей института. Это, прежде всего, А. М. фон-Вилькен, Н. А. Дернов, Н. А. Желваков, С. А. Алыпов, В. М. Дьяконов, А. И. Кондаков, И. Я. Депман, М. А. Елсуков, П. К. Мейер, Н. Ф. Пережогин и др. Большое внимание в монографии уделено показу вятских реалий, относящихся главным образом к периоду 1-й половины XX в. Издание адресовано специалистам в области истории образования и педагогической мысли, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, всем интересующимся историей Вятского края.

УДК 378(470.342)(091)
ББК Ч403(2Р-4Ки)

ISBN 978-5-98228-210-1

© Вятский государственный университет
(ВятГУ), 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
I. Открытие Вятского учительского института	7
II. Поборник просвещения (А. М. фон-Вилькен)	22
III. Вятский Макаренко (А. И. Кондаков)	28
IV. Не плакать, не смеяться, не отворачиваться, но понимать! (Н. А. Дернов)	47
V. Красавец, с фигурой и лицом Аполлона (С. А. Алыпов)	68
VI. В тени великого ученика (А. К. Волнин)	88
VII. Н. М. Каринский и Вятский край	97
VIII. Теоретическая сила правления (Н. А. Желваков)	100
IX. Самый скромный и самый компетентный (В. М. Дьяконов)	104
X. Популяризатор науки (И. Я. Депман)	109
XI. Гражданин мира (П. К. Мейер)	111
XII. Потомок Гёте (В. А. Трейтер)	120
XIII. Такой он запомнил старую Вятку... (Н. П. Борисов)	133
XIV. За то, что был самым лучшим... (М. А. Елсуков)	160
XV. Первый доктор педагогических наук «на Вятке» (П. Н. Шимбирёв)	179
XVI. В трудный час (Н. Ф. Пережогин)	192
XVII. Фортунатовы – пример служения народу	201
Заключение	208
Библиографический список	210

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая монография ставит своей целью дать целостную картину начального этапа развития высшего образования на Вятской земле. Для достижения этой цели автору пришлось решать две главные задачи: показать начальные шаги работы Вятского учительского (педагогического) института и охарактеризовать деятельность видных деятелей высшего педагогического образования, крупных педагогов и психологов, тех из них, кто внёс заметный вклад в организацию работы первого вуза на Вятской земле и при этом имел самое непосредственное отношение к Вятскому краю, то есть родился здесь или учился либо провёл значительную часть жизни в Вятской губернии (Кировской области); иными словами, стал по-настоящему *вятским*.

Проблема нашего исследования состояла в том, чтобы максимально достоверно и с возможной полнотой раскрыть ключевые факты истории возникновения Вятского учительского (педагогического) института, используя прежде всего биографический метод, то есть осуществить показ событий сквозь призму судеб героев монографии.

Теоретическую значимость своей работы автор монографии усматривает в том, что содержащийся в ней фактологический материал в определённой степени способствует углублению представлений научного сообщества об истории возникновения и становления высшего образования в нашей стране, а также даёт своего рода образец решения вышеуказанной проблемы. Практическая значимость монографии состоит в том, что она может использоваться в качестве источника при изучении ряда гуманитарных дисциплин в вузе.

Вятский край дал немало крупных учёных, известных далеко за пределами России. Некоторые из этих замечательных людей стали героями книги. Мы не ставили перед собой задачу давать всестороннюю картину развития Вятского (Кировского) государственного педагогического института или других местных вузов – эта задача систематически решается автором данной монографии на протяжении уже более 30 лет и нашла своё отражение в значительном количестве публикаций.

Помимо этого в разные годы в Вятке (Кирове) выходили обстоятельные труды, в том числе и при участии автора предлагаемой вниманию читателя монографии (1989, 1993, 2004), в которых подробно рассказывалось об истории первого вятского вуза. В основном эти книги были приурочены к юбилейным датам истории института. Поэтому в

предлагаемой монографии мы заострили своё внимание лишь на тех аспектах проблемы истории возникновения высшего образования в Вятском крае, которые ранее практически не становились предметом научного исследования. В частности, нами имеются в виду имена известных в своё время, а сегодня практически забытых замечательных деятелей педагогического образования, таких как А. М. фон-Вилькен, Н. А. Дернов, Н. А. Желваков, С. А. Алыпов, П. К. Мейер, А. А. Фортунатов, И. Я. Дедман и др.

Также определённое внимание уделено автором монографии тем выпускникам института, которые со временем стали известными учёными (Н. П. Борисов) или самоотверженными тружениками сферы образования (Н. Ф. Пережогин). Но, разумеется, обо всех достойных педагогах и выпускниках Вятского учительского (педагогического) института в одной монографии рассказать было невозможно.

Отметим, что различные аспекты развития образования в Вятской губернии (Кировской области) были отражены автором в первых трёх монографиях нашей авторской серии *«Просвещение на Вятке»*, которые уже вышли в научном издательстве Вятского государственного университета в 2018–2019 гг. Предлагаемая монография является *четвёртой* монографией этой серии. Исторические и педагогические реалии первой половины XX в., нашедшие отражение в монографии, служили автору прежде всего средством для характеристики действующих персонажей предлагаемой читателю книги.

Автор включил в содержание монографии по возможности достаточно полные биографические и статистические данные исторических персонажей, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Мы не ставили перед собой задачу давать подробную оценку научных трудов героев книги, тех из них, кто занимался наукой. Их научное наследие очень разнопланово и не может быть раскрыто в одной монографии. Поэтому желающие поближе познакомиться с соответствующими научными публикациями могут сделать это самостоятельно. Следует также иметь в виду, что в ряде случаев в центр повествования сознательно был поставлен именно вятский период жизни тех, о ком идёт речь в книге. В работе над монографией немалое содействие оказали родственники и сослуживцы героев книги.

С начала 1980-х гг. автором монографии были получены подробные биографические сведения от В. А. Кондакова, Ю. Н. Дернова, И. Н. Дерновой, С. М. Дриго, И. М. Елсуковой, Н. В. Трейтер,

Г. М. Сунцовой, Н. Б. Есиповой, Ц. А. Пуни и других, а также от зав. музеем КГПИ И. А. Воробьёвой. Большую ценность в процессе создания книги представляли личные встречи с некоторыми её героями, в частности с Н. П. Борисовым, В. Н. Никологорским, В. С. Крекниным и др. В процессе работы над книгой автором использовались также письма и рукописные воспоминания П. Н. Шимбирёва, А. И. Кондакова, других преподавателей и выпускников Вятского учительского (педагогического) института, материалы архивов, центральная и местная печать.

Работа над книгой была делом кропотливым, но очень радостным. «Это вхождение в прошедшую эпоху, в былую общественную обстановку, в круг ушедших от нас людей имеет пленительно-увлекательный характер; он полон волнующих встреч, неожиданных открытий и неразрешенных таинственных загадок» – эти прекрасные, вдохновенные слова принадлежат одному из героев книги, Анатолию Ивановичу Кондакову, и они, эти слова, как нельзя лучше характеризуют то возвышенное душевное состояние, в котором находился автор монографии в ходе работы над ней.

I. ОТКРЫТИЕ ВЯТСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

В начале XX в. во многих российских регионах были сделаны первые шаги по реализации идеи подготовки педагогических кадров в так называемых учительских институтах. Так, в губерниях, входивших в Казанский учебный округ, – а в него входила и Вятская губерния, – педагогические кадры высшей квалификации готовились только в педагогическом институте, существовавшем при Казанском университете. Выпускники университета проходили там дополнительную подготовку к учительской работе для последующей работы в гимназиях и народных училищах. Количество этих специалистов было крайне невелико и никак не могло удовлетворить постоянно растущий спрос на квалифицированные педагогические кадры [12, с. 30].

В дальнейшем подготовка учителей для городских и уездных училищ осуществлялась в учительских институтах, метко прозванных педагогической общественностью «плебейскими университетами», поскольку эти школы-тупики с трёхлетним сроком обучения, носившие громкое имя «институт», не давали ни высшего образования, ни даже права поступления в университет. Однако их создание было для того времени, тем не менее, значительным шагом вперёд в деле развития педагогического образования [12, с. 30].

Несмотря на то что решение о создании учительских институтов было принято правительством ещё 31 мая 1872 г., в Вятке учительский институт был открыт лишь 1 июля 1914 г., одним из последних в стране, и до Великой Октябрьской социалистической революции он успел сделать лишь первый выпуск в 15 человек в 1917 г. [17, с. 6] Естественно, деятельность Вятского учительского института не могла иметь какого-либо существенного значения для подготовки педагогических кадров в губернии, и только после Октября 1917 г. этот институт, будучи преобразованным в действительно высшее учебное заведение, вошёл в число ведущих в стране. Тем не менее открытием в 1914 г. Вятского учительского института было положено начало подготовке учительских кадров в г. Вятке в специализированном учебном заведении [30, с. 7].

Предыстория открытия Вятского учительского института такова. В 1911–1912 гг. ряд уездных земств Вятской губернии (малмыжское, затем сарапульское, котельничское, уржумское, яранское) выступили с предложением об открытии учительского института. 23 октября 1912 г. управление Казанского учебного округа предложило

губернским властям округа рассмотреть вопрос об открытии ряда учительских институтов, в том числе и в городе Вятке [86, л. 12].

В ответ на это предложение директор народных училищ Вятской губернии, замечательный просветитель-демократ А. Д. Сильницкий подготовил доклад о состоянии учебных заведений в губернии, в котором с особенной силой выделил то обстоятельство, что в связи с введением с 1 сентября 1912 г. в Вятской губернии всеобщего начального обучения возник особенно большой недостаток в учительских кадрах. 19 ноября 1912 г. он направил свой доклад попечителю Казанского учебного округа и высказал настоятельную просьбу «ходатайствовать перед министерством народного просвещения об открытии в Вятке учительского института, неотложно необходимого для Вятской губернии, отдав ей предпочтение перед другими губерниями Казанского учебного округа» [99, л. 13об.].

Однако, несмотря на все усилия руководства учебного округа, а также земств и директора народных училищ, открыть в Вятке в 1913 г. институт не удалось, поскольку просьба об открытии поступила слишком поздно, уже после утверждения государственного бюджета. 7 февраля 1913 г. 45-е очередное губернское земское собрание постановило: признать настоятельно необходимым открытие учительского института в Вятке, возбудить соответствующее ходатайство перед министерством народного просвещения, дать от земства институту единовременное пособие на постройку здания в 10 000 рублей, учредить 11, по числу уездов, стипендий, отпустить средства на приобретение оборудования [59, с. 6].

В мае 1913 г. Вятская городская управа направила ходатайство в министерство об открытии института в 1914 г. К решению вопроса подключились губернатор и депутат Государственной думы Н. П. Стародумов. Итогом предпринятых усилий стало положительное решение министерства по этому вопросу, которое письмом от 5 июля 1914 г. извещало Вятскую губернскую земскую управу о том, что «министерство народного просвещения разрешает открыть учительский институт в городе Вятке с 1 сего июля, о чём и сообщено попечителю Казанского учебного округа 28 минувшего июня» [99, л. 71]. 11 июля 1914 г. на страницах губернской газеты «Вятская речь» появилась небольшая заметка под названием «Открытие учительского института». В ней сообщалось, что министр народного просвещения Лев Аристович Касо разрешил открыть в г. Вятке с 1 июля 1914 г. учительский институт. Попечителем Казанского учебного округа командировался для органи-

зации института директор Бугурусланской учительской семинарии статский советник Александр Модестович фон-Вилькен [59, с. 5].

В этой же газете в номерах за 3 и 4 сентября сообщалось об итогах приёма в институт; в частности, отмечалось, что было подано 71 прошение о приёме, вступительные экзамены держал 51 человек, принято 29, из них шестеро без экзаменов, как имевшие среднее образование. Большинство принятых на учебу молодых людей – а принимались поначалу только мужчины – были сельскими учителями [57, с. 197].

В 1914 г. в штате института были следующие преподаватели и сотрудники: директор – статский советник Александр Модестович фон-Вилькен, кавалер орденов Анны 3-й степени (через год – 2-й степени) и Станислава 2-й степени; законоучитель протоиерей Василий Яковлевич Чанцев, кавалер ордена Анны 2-й степени; преподаватель русской словесности Константин Петрович Суханов; математик Фёдор Фёдорович Чернов; преподаватель естествознания и физики Николай Дмитриевич Смирнов и преподаватель пения губернский секретарь Николай Иванович Суворов. Это были первые преподаватели Вятского учительского института [58, с. 124].

Для такого небольшого количества воспитанников штат института был довольно значительным. Кроме того, имелись незанятые вакансии преподавателя истории и географии и учителя графических искусств. Через год первая из них была заполнена Александром Алексеевичем Григорьевым, ставшим впоследствии руководителем института, а вторая – Леонидом Аркадьевичем Плетнёвым. Длительное время оставалась вакантной должность преподавателя гимнастики [58, с. 124]. Некоторые из этих первых преподавателей работали в институте недолго. Так, Н. Д. Смирнов выбыл из состава преподавателей уже в 1915 г. Другие же, напротив, трудились в институте долгие годы. Например, К. П. Суханов был преподавателем русской словесности, впоследствии заведовал библиотекой и выбыл из состава сотрудников лишь в январе 1955 г. в связи со смертью.

Назовём и первых учителей «городского при институте училища» («карликовой образцовой школы», по выражению А. И. Кондакова): Николай Петрович Венценосцев, Михаил Николаевич Бобылёв, Георгий Николаевич Осипов, врач Семён Павлович Дубровин, писмоводитель и эконо́м Валентин Степанович Капустин [58, с. 124].

Спустя год, 3 июля 1915 г., «Вятская речь» познакомила читателей с итогами первого учебного года. В институте в ту пору был один класс, в котором обучались 27 человек. Кроме того, при институте

существовало городское училище с двумя классами, причём в одном классе числился 31 учащийся, в другом – 17. В этом училище воспитанники института проходили педагогическую практику. Уже в течение первого учебного года в институте началось формирование учебно-вспомогательных учреждений: физического и естественноисторического кабинетов, библиотеки – фундаментальной и ученической. Собирались учебные пособия. Занятия проводились регулярно, и программа выполнялась в полном объёме, несмотря на все тяготы военного времени [59, с. 5].

Учебный план учительских институтов был строго определён и оставался неизменным для всех российских учебных заведений этого профиля. Объём изучаемых предметов соответствовал содержанию программ городских уездных училищ. Он включал такие предметы, как Закон Божий, русский язык и церковнославянское чтение, арифметика и начала алгебры, геометрия, география русская и всеобщая, естественная история и физика, черчение и рисование, чистописание, ручной труд, пение и гимнастика. Программа по предмету «Педагогика», например, включала следующие разделы: умственное, нравственное и физическое воспитание, общие требования дидактики и методики, школьная дисциплина. В институте соблюдалась строгая дисциплина.

В «Правилах для воспитанников», составленных педагогическим советом и утверждённых 18 марта 1915 г. попечителем Казанского учебного округа, последним вменялось в обязанность «ревностно усваивать христианское вероучение и нравоучения, ежедневно присутствовать на общей утренней молитве перед началом занятий, регулярно исповедоваться и ходить к святому причащению на страстной седмице». Воспитанникам запрещалось посещать рестораны, трактиры и пивные, а также участвовать в союзах, обществах, сходках и митингах, в составлении петиций и «выборе делегаций». Тем самым царский режим стремился предостеречь молодежь от участия в политических событиях, которые назревали всё сильнее и сильнее по мере снижения жизненного уровня народа, вызванного прежде всего империалистической войной, в которую ввязалась Россия вследствие неосмотрительной политики императора Николая II.

В июле 1915 г. был проведён второй приём в Вятский учительский институт. Каких-либо социальных препятствий к поступлению не было; принимались юноши всех званий и сословий в возрасте не моложе 16 лет. Вот только женатые мужчины должны были испра-

шивать разрешение у попечителя Казанского учебного округа, в который входила в то время Вятская губерния; это было связано с военным положением, вызванным мировой войной. В 1915/1916 учебном году было выделено 40 казённых стипендий, так что значительная часть учащихся, главным образом сельские учащиеся, была ими обеспечена [58, с. 123–124].

Время открытия учительского института в Вятке совпало с началом Первой мировой войны. В Вятке постоянно проводился сбор пожертвований для организации детских приютов и на бесплатные обеды и завтраки учащимся из малоимущих семей, которых становилось всё больше и больше. В их пользу организовывались благотворительные вечера. В одном из таких вечеров принимали участие артисты московского Императорского Малого театра, которые тогда давали спектакли в Вятке. В районе деревни Филейка «туберкулезная лига» в летнее время регулярно устраивала «детскую оздоровительную колонию для слабогрудых мальчиков». Существовало Вятское общество вспомоществования учащимся высших учебных заведений, которое оказывало материальное содействие вятчанам – студентам Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и других университетов [59, с. 5].

Идёт война, а в Вятке открывается 2-я мужская гимназия и бесплатный детский сад, в Мурашах – высшее начальное училище. Организуются детские праздники на природе, проводятся молодёжные гулянья с лотереями, сбор от которых также идёт на благотворительные цели, главным образом на нужды образования и помощь детству. Особую активность в этом деле проявляет открывшееся в мае 1915 г. Вятское общество содействия народному образованию. В октябре того же года разворачивает свою работу Вятское педагогическое общество, возглавлявшееся директором 2-й мужской гимназии Дмитрием Иосифовичем Нивинским. Оно организует в ноябре «учительский день» («день учительского заработка»): учителя переводят дневной заработок в пользу пострадавших от войны коллег – эвакуированных или лишившихся кормильца [59, с. 5].

Не остаётся в стороне от общего дела помощи нуждающимся и учительский институт, преподаватели которого становятся инициаторами создания педагогической комиссии, куда вместе с ними входят преподаватели гимназий и высших начальных училищ. Комиссия организует бесплатные занятия для детей малоимущих и для желающих подготовиться к вступительным экзаменам в институт и другие учеб-

ные заведения. Регулярно проводились в гимназиях Вятки родительские собрания. Обставлялись они торжественно, чинно: давалось объявление в газете, родители одевались, как в церковь, во всё лучшее. Пропустить собрание без крайне важной причины казалось делом немислимым. Высокие городские и губернские чины считали своим долгом посетить собрание и сказать приличествующую случаю речь [59, с. 5].

Разумеется, внимание к проблемам образования не было случайным, ибо в предшествующие годы в Вятке была заложена довольно прочная основа для его развития. Достаточно сказать, что, например, в 1900 г. по сравнению с 1890 г. расходы на народное образование в губернии на душу населения увеличились в два с половиной раза по уездным сметам, а по губернским сметам – даже в восемь раз! «Вообще расходы на образование, – писал историк П. А. Голубев, – были любимым детищем Вятского земства. В этом отношении с народным образованием могли поспорить лишь расходы на медицинское обслуживание» [13, с. 118].

Естественно, Вятское земство пользовалось среди всех остальных земств и российского образованного общества вполне понятными симпатией и почётом. На душу населения в 1900 г. в Вятской губернии земствами тратилось на образование 36,1 коп. Это был второй показатель по России после Олонецкой губернии (59,1 коп.); но Олонецкая была самой малонаселённой в стране губернией, отсюда и такой высокий показатель. (Ныне это территория Республики Карелия.) Далее, в порядке убывания после Вяткой губернии, шли Московская (35,8 коп.), Таврическая (35 коп.), Пермская (32,6 коп.), Тверская (30,6 коп.), Вологодская (31,7 коп.), Санкт-Петербургская (14,5 коп.) и др. В среднем в 34 земских губерниях приходилось на человека по 22 коп. в год, а в целом по России – 14 коп. в год. (Разумеется, земство было лишь одним из источников финансирования образования.) [13, с. 122]

После приведённых статистических данных уже не покажется удивительным тот факт, что с одного из последних мест по образованности своего населения в 1874 г. Вятская губерния перешла на пятое место к началу XX в., и на Всемирной выставке в Париже (1900) за успехи в деле образования Вятское земство было отмечено золотой медалью.

Также золотой медалью был награждён директор народных училищ Вятской губернии Александр Алексеевич Красев (1844–1921),

работавший в этой должности в 1888–1902 гг. и сумевший поднять учебно-воспитательную работу в народных школах губернии на небывалую доселе высоту. Ранее, в 1878–1888 гг., он работал под руководством выдающегося российского деятеля образования Ильи Николаевича Ульянова инспектором народных училищ Карсунского уезда Симбирской губернии, постоянно проживая в губернском городе [59, с. 6]. Ещё до работы в Симбирске Красев имел 12-летний педагогический стаж, обладал немалым учительским талантом, что позволяло ему продуктивно инспектировать вверенные школы и руководить вятским образованием. Усилия директора народных училищ А. А. Красева в Вятской губернии были направлены, прежде всего, на качественную подготовку народных учителей и на повышение квалификации инспекторов школ, на открытие новых начальных и повышенных училищ, а также на улучшение преподавания в них. К Всероссийской выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде А. А. Красев опубликовал брошюру о достижениях народных школ Вятской губернии. Учителям всей России были известны его труды по педагогике, которые он продолжал писать и по окончании своей служебной деятельности [59, с. 6].

Имя Андрея Ивановича Анастасиева, сменившего А. А. Красева на посту директора народных училищ Вятской губернии, также было известно всему российскому учительству. Эту известность ему прежде всего принесла книга «Народная школа», изданная в Симбирске в 1890 г. (её объём составил 430 страниц). В дальнейшем она выходила в Москве и Санкт-Петербурге; при этом её размер увеличился до двух томов. Эта книга являлась фундаментальным трудом, своего рода настольной энциклопедией для народных учителей. Книга включала указания («правила») практического характера по школоведению, подробно разработанные варианты расписаний и конспекты учебных занятий в одноклассной сельской школе, где один учитель был вынужден заниматься сразу с тремя «отделениями» (классами). Интересны помещённые в ней списки учебных пособий и книг школьной библиотеки, всевозможные деловые справки и другие полезные для учителей и заведующих школами сведения. С 1894 г. Анастасиев был редактором-издателем Симбирского педагогического журнала «Городской и сельский учитель», в котором печатались и его статьи [59, с. 6].

А. И. Анастасиев не был в полной мере последовательным сторонником прогрессивной демократической педагогики 1860-х гг., ярким представителем которой был, например, его коллега и наставник

Илья Николаевич Ульянов. Но нужно отдать ему должное как видному российскому дидакту, методисту, историку педагогики и организатору народного образования. Его педагогические и организаторские способности ярко проявились как во время инспекторской работы в Симбирской губернии под началом И. Н. Ульянова, так и в его последующей деятельности на посту директора Казанского учительского института (1896–1902), а затем – директора народных училищ Вятской губернии (1902–1909) [59, с. 6].

При А. И. Анастасиеве 1 июля 1903 г. в слободе Кукарка (ныне – город Советск Кировской области) была открыта первая в Вятской губернии учительская семинария. Её директором был назначен видный российский методист Гурий Михайлович Вишневский, автор многочисленных учебных пособий, которыми пользовались учителя всей России. Невольно возникает вопрос: почему именно в Кукарке, а не, например, в Слободском, Котельниче или Орлове, которые в то время уже были достаточно крупными городами, не говоря уж о губернском городе Вятке? По-видимому, устроители семинарии учли завет К. Д. Ушинского о том, что учительские семинарии желательно открывать не в городах, а в сёлах, то есть подальше от мирской суеты, смуты и городских соблазнов; поближе к природе, народным истокам и сельским ребятишкам, ибо семинарии должны были готовить учителей главным образом из крестьян и для крестьян [70, с. 66].

Первые два года семинария жила тихо и спокойно. Ученики по субботам и воскресеньям аккуратно ходили в церковь. После шести часов вечера они не смели показывать носа за ворота общежития, строго подчинялись батюшке и классным наставникам. Первая русская революция 1905–1907 гг. внесла кардинальные перемены во весь уклад жизни семинарии. Начались собрания и митинги, появилось самоуправление. Учащиеся отказались от обязательного посещения церкви, потребовали выписки газет и журналов, сами стали выпускать нелегальные издания. Но, когда революция пошла на убыль, в семинарии начались обыски и ужесточился режим. Семинариста Михеева арестовали и отдали в солдаты [51, с. 68].

В 1907 г. семинария дала первый выпуск народных учителей. Далеко не все из них получили направление на работу. Вятский губернатор Горчаков за революционную деятельность не утвердил в должности учителя Мельникова, Вологжанина, Моралёва и некоторых других выпускников. Чиновники так отзывались о воспитанниках Кукарской семинарии: «Этот из учительской семинарии? – Значит, социалист!» [70, с. 68]

В целом для школ и других учебных заведений Вятской губернии конца XIX – начала XX в. характерным явлением было проникновение прогрессивных идей демократической педагогики, чему способствовала интенсивная деятельность Вятского земства и благотворное влияние таких замечательных педагогов, как В. М. Стржалковский, И. В. Ишерский, В. И. Фармаковский, А. Д. Сильницкий, А. А. Красев, А. И. Анастасиев, К. И. Иньков [59, с. 6].

...На Новомакарьевском кладбище города Кирова рядом с дымковской мастерицей Ольгой Ивановной Коноваловой и краеведом Василием Григорьевичем Пленковым покоится Макар Афанасьевич Чашин (1890–1979), доцент двух кировских вузов – педагогического и сельскохозяйственного. Хмурым февральским днем коллектив Кировского пединститута прощался со своим старейшим преподавателем Владимиром Александровичем Петровым (1892–1986). М. А. Чашин и В. А. Петров были воспитанниками Вятского учительского института *первого* набора и, соответственно, *первого* и *единственного* выпуска, состоявшегося в 1917 г. Со смертью В. А. Петрова оборвалась последняя живая нить, связывавшая нас с тем уже далёким прошлым [58, с. 125].

Но, к счастью, до нас дошли воспоминания первых выпускников. Написанные хотя и не по горячим следам событий, а в 1958 г. и включающие в себя ряд конъюнктурных моментов, обусловленных временем их написания, они, тем не менее, отражают атмосферу ушедшей эпохи, передают неуловимый аромат времени. Наибольший интерес представляют воспоминания Анатолия Ивановича Кондакова (1894–1979).

Перелистаем отдельные страницы воспоминаний А. И. Кондакова, те из них, где речь идёт о первых годах становления Вятского учительского института.

«...Наш новорожденный трёхгодичный учительский институт на первых порах не оказывал влияния на повышение окружающей культуры. Во всех отношениях он был микромиром, маленьким учебным заведением, дававшим общее среднее и повышенное педагогическое образование, и ставил целью подготовку преподавателей для вновь организованных высших начальных училищ. Этой задаче соответствовало суженное содержание обучения в трафаретных формах классно-урочной системы. Институт размещался в арендованном губернским земством небольшом двухэтажном каменном доме с подвальным помещением, с двумя флигелями, с надворными постройками и

двориком на углу улиц Копанской и Владимирской (ныне угол улиц Герцена и К. Маркса. – *В. П.*). Во втором этаже были классные помещения, а в нижнем этаже, – карликовая образцовая школа для педагогической практики. В 1914 г. в институте было 36 учащихся и 8 преподавателей. В последующие годы прибывало ещё по 20 учащихся, преимущественно народных учителей. На женских двухгодичных педагогических курсах при институте училось по двадцать слушателей на каждом курсе. Всего к 1917 году числилось около ста учащихся.

Бесконтрольным владыкой и деспотом института был директор А. М. фон-Вилькен, – низкорослый, рыжебородый и молчаливый, удивительно похожий на сказочного Черномора, надевшего позолоченные очки, через которые он строго смотрел снизу вверх на всех подчинённых. Требуя установленного им порядка и чистоты, он был по-немецки педантичен и придирчив. Входя в класс, он проводил чистым носовым платком по классной доске и затем молча показывал снятую пыль. Преподавая элементарный курс психологии, он добивался дословного пересказа учебника Г. И. Челпанова и совсем не интересовался самостоятельной работой студентов.

В институте господствовал словесный метод обучения. Не было учебных лабораторий, наглядных пособий, экскурсий. В целях обучения не были использованы коммунальные и фабрично-заводские предприятия, и находившиеся в соседнем здании знаменитые вятские кустарные мастерские учебных пособий. (В дальнейшем здания мастерских и института были соединены и на протяжении длительного времени составляли собой производственный корпус завода «Физприбор» № 2 имени А. В. Луначарского; в дальнейшем – торгово-развлекательный центр «Фабрика». Ныне здание находится на реконструкции. – *В. П.*)

...Урок вероучения. Старый законоучитель, окончивший когда-то духовную академию, садится за кафедру и вопрошает: “Расскажите о космологическом доказательстве бытия Божьего. В чём сущность онтологического доказательства бытия Божьего?” При ответе требуется излагать наизусть слова из “Катехизиса” митрополита Филарета столетней давности. Пока священник излагает очередной “материал”, я читаю газеты...

Урезанные знания усваивались нами путем заучивания учебников, если не считать углублённой самообразовательной работы, которая не интересовала институтских наставников. В институте поначалу не было даже библиотеки, поэтому мы пользовались книгами го-

родских публичных книгохранилищ. Наш директор скрывал от нас свои личные богатейшие сокровища, среди которых находилось уникальное первое издание "Слова о полку Игореве". В целом объём сообщаемых знаний не выходил за рамки средней школы. Элементарные знания по педагогическому циклу (основы психологии, педагогики, дидактики и методик) давались без исторической перспективы и методологических обоснований, без экспериментов и дискуссий.

Учительский институт представлял собой узкий мирок, в котором не было ни одной внеклассной отдушины, ни одного самостоятельного мероприятия; не было научных лекций, концертов, спектаклей и товарищеских вечеров, на которых могло бы установиться общение молодежи. Для полноты картины институтской жизни следует отметить также жалкий быт студентов, которые получали мизерную стипендию в 166 рублей 66 копеек годовых. Мы подрабатывали репетиторством, питались в благотворительной столовой (обед стоил 5 копеек), ютились в нездоровых подвалах и чердаках и стыдились по бедности костюмов показываться в театре и большом обществе.

Пределом нашего унижения было то, что нас, взрослых и зачастую семейных людей, официально именовали воспитанниками, а не студентами. Мы не имели определённой формы одежды. Нам не давали права поступления в высшие учебные заведения из опасения, что школы останутся без учителей. Перед началом учебных занятий мы, возмужалые "воспитанники", выстраивались рядами, как школьники, солдаты или арестанты, и исполняли церковный обряд. Впереди и справа становились директор, законоучитель и остальные педагоги, а слева у окна – дежурный чтец, произносивший слова молитв, чередуя их с хоровыми песнопениями. Затем мы смиренно расходились по трём классам и начинались уроки.

Так, по узаконенному шаблону изо дня в день шла наша неприглядная учебная жизнь под гнетущим прессом самодержавия, подавляя в нас путём зубрёжки и дрессировки индивидуальные черты, свободные убеждения и творческие способности. В институтские годы происходили острые столкновения горячих мечтаний и суровой действительности, "милльон терзаний" и духовные конфликты и в то же время плодотворное формирование устойчивых моральных убеждений и высоких идеалов, определение будущего жизненного пути.

Освобождение учащихся от власти закоренелых реакционеров проходило в острой борьбе. В марте 1917 г. мы подали прошение с двадцатью восемью подписями Вятскому губернскому комиссару

Временного правительства об отстранении ненавистного фон-Вилькена. Помнится, как лишённый должности, наш маленький Черномор вошёл к нам в последний раз, молча посмотрел на нас сквозь позолоченные очки, глухо произнёс “до свидания” и после нашего красноречивого молчания вышел. Больше мы его не видели, так как он вместе со своими книжными богатствами отбыл в Казань...» [59, с. 8–9].

А. И. Кондаков написал свои воспоминания по просьбе руководства Кировского пединститута в 1958 г., когда отмечалось 40-летие присвоения институту статуса *высшего* учебного заведения. Вся страна ещё находилась под впечатлением 40-летнего юбилея Великого Октября, отмечавшегося с доселе небывалым размахом. Царившая в советском обществе коммунистическая моноидеология не допускала, несмотря на начавшуюся робкую хрущёвскую «оттепель», каких-то позитивных оценок деятельности «царских сатрапов», к которым, по мнению Кондакова, вполне относился и фон-Вилькен. Кроме того, автор воспоминаний не мог быть уверен в том, что его откровения станут *всего лишь* составной частью какого-нибудь рукописного сборника. Можно предположить, что эти обстоятельства сдерживали Кондакова в его стремлении дать значительно более объективную картину событий тех лет. Но, несмотря на то что его воспоминания строятся по обычной для тех лет схеме – «то, что было при царизме, – всё плохо, а то, что было при коммунистах, – всё хорошо», – они, эти воспоминания, читаемые в том числе и между строк, позволяют узнать много нового и интересного.

Заметим, что другие выпускники давали прямо противоположную оценку деятельности института первых лет его существования. В частности, товарищ Кондакова по учёбе Владимир Александрович Петров отмечал в своих воспоминаниях, написанных в 1957 г., хорошо организованные практикумы по различным учебным предметам, особенно практические занятия в опытном городском училище при институте, тщательную подготовку к ним, а также много дававшие учащимся в плане совершенствования педагогического мастерства конференции по анализу практических уроков [26].

Разумеется, очень многого институту в те годы не хватало; прежде всего, недоставало опытных работников и материальных средств. Шла мировая война, забиравшая все материальные и лучшие людские ресурсы. И можем ли мы сейчас строго судить наших предшественников только за то, что они излагали материал «без экспериментов и дискуссий»? Нет, наш сыновний долг состоит в том, чтобы вспом-

нить первопроходцев российского педагогического образования словами благодарности за ту благородную просветительскую миссию, которую они вели в Вятке в дни величайших народных мук, наперекор самым неблагоприятным обстоятельствам. В первую очередь слова благодарности должны быть адресованы замечательному просветителю Александру Модестовичу фон-Вилькену, к которому на долгие десятилетия прилипло определение, вскользь брошенное каким-то безымянным мелким чиновником, представителем Временного правительства в Вятке, – «приверженец старого режима».

Деятельность и личность фон-Вилькена характеризуется целым рядом исследователей исключительно с положительной стороны: как ревностного служителя просвещения и как страстного библиофила, поставившего свою библиотеку на службу народу. Так, в частности, характеризуют его известный кировский краевед Е. Д. Петряев [27, с. 33], историк и журналист из Казани В. Павлова [24]. Правда, все эти исследователи, в отличие от А. И. Кондакова, не были, разумеется, лично знакомы с А. М. фон-Вилькеном.

События февраля-марта 1917 г. побудили граждан, в том числе и учащуюся молодежь, к активной политической борьбе. Не стояли в стороне от происходящих в стране событий и воспитанники Вятского учительского института. Они выдвинули требования, состоявшие из 16 пунктов, а именно: отменить институтские «Правила...» как «унижающие достоинство свободного гражданина», разработать новые правила и ввести их только после одобрения учащимися, разрешить представителям учащихся участвовать в работе педагогического совета с правом решающего голоса, не допускать отчисления учащихся без согласия всего коллектива. Было выдвинуто требование добросовестного отношения педагогов к осуществлению учебного процесса и др. 7 марта педагогический совет, под давлением развертывавшихся в стране событий, был вынужден принять большинство требований, в том числе и требование об отставке А. М. фон-Вилькена. Вместо него руководство институтом стал осуществлять Александр Алексеевич Григорьев [30, с. 7].

И здесь нам целесообразно вернуться к воспоминаниям А. И. Кондакова. «...Освобождение» учащихся некоторых учебных заведений города Вятки носило комический характер. Так, всем составом городского комитета союза учащихся мы пришли к зданию губернского епархиального училища (впоследствии в течение длительного времени учебный корпус педагогического института, ул. Ленина, 111. – В. П.) и

потребовали от епископа «отпустить на свободу» епархиалок, с наивным волнением смотревших из окон на всё происходящее. После настойчивых переговоров радостно взволнованные «спящие красавицы» присоединились к нашим рядам, боязливо входя в мужскую компанию. Большинство из них в советское время стали народными учительницами, а не поповскими жёнами, к чему их готовили... [59, с. 10].

Как же складывались судьбы первых выпускников Вятского учительского института? Расскажем о некоторых из них. Владимир Александрович Петров (1892–1986) многие годы работал учителем, директором Кировского областного института усовершенствования учителей, заведующим кафедрой педагогики Кировского пединститута (1956–1962). Он автор содержательной кандидатской диссертации на тему «Земская школа в Вятской губернии» (1954), которая положила начало исследованию региональных проблем образования. Его дочь Марионелла Владимировна также была педагогом, продолжив педагогическую династию.

Дочь Макара Афанасьевича Чащина Елена Марковна всю жизнь посвятила работе с детьми, многие годы работала на естественно-географическом факультете Кировского пединститута.

Другие первые выпускники института, например, такие как И. Г. Пауткин и П. М. Смирницкий, стали передовыми учителями, воспитали достойных сыновей. Один из них, Владислав Смирницкий, стал певцом, много лет выступал на сцене кировской филармонии.

Аркадий Пауткин в своё время был героем ряда газетных статей, о нём есть очерк в сборнике «Пионерская летопись» (Киров, 1972). На фронте он получил тяжёлые ранения (лишился обеих рук и ног), но несмотря на это заочно с отличием окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, нашёл своё место в жизни [17, с. 9]. 7 сентября 1945 г. «Комсомольская правда» опубликовала его «Думу о солдате». Стихи Аркадия Ивановича Пауткина печатались в журналах «Молодая гвардия», «Знамя». Аспирантуру он также окончил с отличием, в 1965 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук на тему «“Пётр Первый” А. Н. Толстого и проблемы исторического романа». Его перу принадлежит ряд книг по истории литературы. Долгие годы он работал доцентом кафедры истории советской литературы МГУ. С женой Маргаритой Петровной, врачом по профессии, воспитали сына Алёшу...

Всего в Казанском учебном округе на 1 января 1917 г. было четыре учительских института, а по всей стране (на 15 учебных округов) – 58. По этому показателю Казанский учебный округ в целом и

Вятская губерния в частности занимали среднее положение. Февральская революция внесла некоторые элементы демократизации в деятельность учительских институтов. Было разрешено принимать на учёбу женщин. Педагогические советы стали включать в свой состав не только учителей, но и учащихся. Появились специализации, то есть стала вестись подготовка учителей-предметников. Так, в Вятском институте осенью 1917 г. на первый курс принимались учащиеся по трём отделениям: словесно-историческое, физико-математическое и естественно-географическое. Тем не менее учительские институты всё равно оставались средними учебными заведениями [17, с. 10].

5 октября 1918 г. государственная комиссия по просвещению обсудила Положение об учительских институтах и признала необходимым преобразовать их в вузы. Отдел подготовки учителей Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – НКП) 10 октября телеграммой уведомил совет Вятского учительского института о необходимости незамедлительного реформирования института. Однако фактически уже с 1 сентября институт работал как высшее учебное заведение. Количество студентов составляло 156 человек. Для первых двух курсов были созданы четыре цикла: физико-математический, биологический, социально-исторический и литературно-художественный. Все студенты третьего курса считались обучавшимися на биологическом цикле. 4 октября было сформировано правление в составе преподавателей Н. А. Дернова, К. П. Суханова, А. А. Григорьева и студента П. И. Кротова. Улучшилась учебно-производственная база института. Губернский отдел народного образования и Вятская мастерская учебных пособий передали институту немало ценного оборудования, книги из библиотек епархиального училища и духовной семинарии [17, с. 11].

Все эти, пусть и достаточно скромные, преобразования позволили Вятскому губернскому отделу народного образования (губоно) 18 ноября 1918 г. направить в НКП постановление, в котором указывалось, что губернский отдел народного образования, рассмотрев отношение (то есть просьбу) Совета Вятского учительского института от 15 ноября с. г. за № 918, постановил считать Вятский учительский институт «Высшим педагогическим автономным учебным заведением» [17, с. 13].

Разумеется, местные органы власти не должны были иметь права на подобные решения; на это недвусмысленно указывалось в утвержденном НКП буквально на следующий день, 19 ноября 1918 г.,

Уставе для педагогических институтов – институты должны были находиться в непосредственном ведении НКП. Этот Устав был получен в Вятке 25 ноября 1918 г. 24 декабря 1918 г. из отдела подготовки учителей НКП поступило письмо, в котором сообщалось о преобразовании двадцати пяти учительских институтов, в том числе Вятского, в высшие педагогические учебные заведения. Так в декабре 1918 г. Вятский учительский институт был преобразован в педагогический институт, возникло первое высшее учебное заведение на Вятской земле [17, с. 14].

II. ПОБОРНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ (А. М. ФОН-ВИЛЬКЕН)

Александр Модестович фон-Вилькен был первым директором Вятского учительского института. Он родился в Казани 13 (25) ноября 1874 г. [39, с. 88] в семье небогатых латышских дворян немецкого происхождения, коллежского асессора Модеста Вильгельма фон-Вилькена и его жены Варвары Александровны.

А. М. фон-Вилькен окончил 1-ю мужскую гимназию в Казани, а в 1898 г. – отделение естественных наук физико-математического факультета Казанского университета, получив диплом первой степени, что соответствует нынешнему диплому с отличием [33, с. 19]. Будучи студентом, он был библиотекарем зоотомического кабинета профессора М. М. Усова.

С 1898 г. началась педагогическая деятельность А. М. фон-Вилькена. Он преподавал естествознание в Казанском промышленном училище и одновременно читал курс естествоведения и товароведения в частной профессиональной школе, организованной Лидией Петровной Степановой (Шумковой). За изготовление оборудования для естественноисторического кабинета был отмечен благодарностью [35, с. 49]. Он работал учителем биологии в школах г. Казани, был среди самых первых преподавателей Казанского промышленного училища, приват-доцентом строительного института. Важной вехой в научной деятельности А. М. фон-Вилькена было его многолетнее участие в работе Общества естествоиспытателей при Казанском университете. 13 марта 1899 г. он стал действительным (а с 1909 г. – пожизненным) членом Общества. В 1919 г. он выступил на юбилейном заседании с обзором деятельности Общества естествоиспытателей за 50 лет его существования [36, с. 12].

В 1902–1912 гг. А. М. фон-Вилькен работал преподавателем естествоведения, географии и физики в Казанской учительской семинарии. В Казани в начале XX в. он считался одним из наиболее заметных специалистов в области естествознания. Попечитель Казанского учебного округа ценил организаторские и преподавательские качества статского советника А. М. фон-Вилькена и назначил его директором вновь создававшейся Бугурусланской учительской семинарии в 1912 г. Когда в г. Вятке вопрос об открытии учительского института перешёл в практическую плоскость, кандидатура фон-Вилькена оказалась наиболее подходящей, и он в итоге был утверждён директором [39, с. 88]. Одновременно он заведовал Вяткой губернской общественной библиотекой.

Важной задачей первого и, как оказалось, единственного директора Вятского учительского института было привлечение на работу в институт подходящих преподавателей. Также особенное внимание А. М. фон-Вилькен, страстный библиофил, уделял созданию институтской библиотеки [63, с. 119]. Несмотря на все тяготы военного времени и связанные с этим материальные трудности, он пытался использовать в своей работе опыт лучших учебных заведений аналогичного профиля, в частности Казанского и Нижегородского учительских институтов, Бугурусланской учительской семинарии и др. В процессе ознакомления с особенностями постановки учебно-воспитательного процесса в них он стремился к установлению культурных и научно-педагогических связей вятских просвещенцев с видными деятелями в этой области, работавшими в других регионах, к ознакомлению местных педагогов с процессами развития педагогического образования и научно-педагогической мысли в России.

Благодаря своей настойчивости ему удалось в кратчайшие сроки организовать приём в институт и наладить полноценный учебный процесс, оборудовать необходимые кабинеты. При институте была открыта «образцовая» школа, в которой проходили педагогическую практику воспитанники института. (В воспоминаниях А. И. Кондакова она называется «карликовой».) [64, с. 13]

Но не во всём А. М. фон-Вилькену сопутствовал успех. Время его директорства в Вятке пришлось на период коренных социально-политических изменений в России. Его самоотверженная борьба с невежеством и шовинизмом продолжалась в течение всех трёх лет его работы в Вятке. Тогдашних ура-патриотов, а среди них были и некоторые воспитанники института, возмущало его «вражеское» проис-

хождение и немецкая фамилия. К сожалению, как уже отмечалось, к имени директора Вятского учительского института А. М. фон-Вилькена на десятилетия прилипло определение, вскользь брошенное каким-то безымянным мелким чиновником представителем Временного правительства в Вятке, – «приверженец старого режима» [30, с. 12].

Однако теперь, освободившись от груза идеологических предрассудков, мы можем непредвзято судить об этом незаурядном, замечательном человеке. Факты и практическая деятельность А. М. фон-Вилькена в Вятке дают основание для совсем другой оценки, позволяют считать его по-настоящему крупным подвижником просвещения. Это видно хотя бы на примере его деятельности по распространению книжной культуры. А. М. фон-Вилькен действительно внёс значительный вклад в дело распространения книги в Вятке. Это особо отмечал видный вятский краевед Евгений Дмитриевич Петряев [27, с. 33].

Страстный библиофил, обладатель уникальной личной библиотеки, А. М. фон-Вилькен справедливо полагал, что полноценный учебно-воспитательный процесс в институте, вообще в любом учебном заведении, возможен лишь при наличии в нём хорошей библиотеки. Поэтому он прилагал значительные усилия по приобретению необходимой литературы в книжных складах и издательствах целого ряда городов России. Преподаватель и заведующий библиотекой института в 1914–1955 гг. К. П. Суханов особо подчёркивал, что увлечение книгами Александра Модестовича самым благоприятным образом отражалось на библиотеке института. Особенное внимание фон-Вилькен уделял отделу естествознания. К. П. Суханов вспоминал, что, «говоря о первоначальном периоде комплектования библиотеки, необходимо отметить компетентную работу по приобретению книг А. М. фон-Вилькеном» [27, с. 106].

А ведь нельзя не учитывать того негативного обстоятельства, что комплектование библиотеки института происходило при самых неблагоприятных обстоятельствах: война, отдалённость от Вятки крупных издательских центров, скудные ассигнования вообще – всё это не могло не отразиться на библиотеке. К тому же в 1914–1915 гг. в Вятке была всего лишь одна книжная лавка И. И. Ончукова, в которой, кроме гимназических учебников, не было почти никакой другой литературы [59, с. 9].

Личная библиотека А. М. фон-Вилькена повсюду, где он жил, становилась известной, являлась фактом местного культурного значения, достойным специального краеведческого описания. Знатоки

вятской старины Е. Д. Петряев в своей известной книге «Вятские книголюбцы» отмечал, что «одним из лучших книжных собраний в Вятке перед мировой войной считалась библиотека фон-Вилькена» [27, с. 33]. Были в библиотеке А. М. фон-Вилькена и по-настоящему редкие, почти уникальные издания. Как утверждает казанский историк В. Ф. Павлова, среди них была, например, «Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие» (М., 1800). Это и есть первое издание «Слова о полку Игореве», количество сохранившихся экземпляров которого исчисляется единицами [35, с. 51]. Ссылаясь на свидетельства П. К. Малюгина (1893–1981), В. А. Петрова (1892–1986) и ряда других вятских педагогов-старожилов – любителей книги, Е. Д. Петряев также подтверждает тот факт, что в домашней библиотеке Александра Модестовича был экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» (1800), который, как пишет Петряев, «по особому доверию могли подержать в руках слушатели института» [27, с. 33].

Помимо литературы по специальности фон-Вилькена (педагогика, естествознание), в его библиотеке были разделы истории, философии, искусства, библиотековедения, языкознания и археологии. Особенно широко была представлена художественная литература. Не один вместительный шкаф занимали прижизненные, в том числе первые, издания сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоедова и Толстого. Была в библиотеке А. М. фон-Вилькена «Российская грамматика Михайлы Ломоносова» (СПб., 1755) – первая грамматика русского языка [33, с. 120].

Также следует отметить уникальный сборник «Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н.» – сборник ранних стихов Н. А. Некрасова, весь тираж которого, за исключением крайне небольшого количества проданных книг, был уничтожен самим автором! [59, с. 9–10].

Любовно собирал А. И. фон-Вилькен редкие альбомы по истории искусства, комплекты журналов и газет. Отличался богатством и рукописный отдел. Библиофил стремился сделать свою обширную библиотеку доступной многим. Это ли не свидетельство его широкой и доброй натуры! [65, с. 56]

Большая любовь к книге и знание библиотечного дела помогали ему в собирании личной библиотеки. Сначала это были в основном книги по специальности: по физике, химии, минералогии, геологии,

палеонтологии, ботанике. Позднее круг его интересов значительно расширился. Появились книги по истории (в том числе по истории Татарии и Поволжья), литературе, языкознанию, искусству и т. д. Для пополнения коллекции А. М. фон-Вилькен изучал библиографические обзоры в газетах и журналах, бюллетени книжных магазинов. Большую помощь в знакомстве с книгами оказывала переписка с коллегами-библиофилами. Н. Машковский в письме из Москвы сообщал, что приобрёл для фон-Вилькена каталоги литературных выставок Пушкина, Гоголя, Толстого. Часто сами владельцы книжных магазинов (Н. В. Соловьев – в Санкт-Петербурге, М. А. Голубев – в Казани и др.) активно предлагали вновь поступившие книги. Они приобретались оптом и в розницу. Чета Вилькенов постоянно испытывала материальные затруднения, и приобретение книг часто шло в ущерб другим нуждам семьи.

В мае 1918 г. чувашская национальная организация приступила к созданию в Казани Чувашской национальной библиотеки и обратилась с просьбой к Александру Модестовичу принять звание члена совета библиотеки [24]. В октябре 1920 г. при Казанском отделении Государственного издательства был создан кружок «Друзей книги», который с 1921 г. начал издавать критико-библиографический журнал «Казанский библиофил». А. М. фон-Вилькен стал активным участником кружка и входил в состав редколлегии журнала. Из «Казанского библиофила» мы узнаём о том, что научный отдел Татнаркомпроса в качестве поощрения научных трудов постановил выдать ему субсидию в размере 250 000 рублей за «Обзор работ по зоологии Камско-Волжского края». В. Ф. Павлова отмечала, что его библиотека была хорошо известна в его родном городе Казани.

Поборник просвещения сделал своё замечательное собрание книг доступным для всех желающих с ним ознакомиться. В своём доме он устроил читальню, которую посетители называли «башней» за её своеобразную форму. Здесь любили заниматься студенты и школьники, преподаватели вузов и школ, друзья и знакомые, любители чтения [24]. Ко времени его смерти в библиотеке насчитывалось 13 тысяч томов (без учёта отдела периодики и рукописного отдела). Согласно завещанию библиотека не должна была передаваться за пределы Казани. Вдова библиофила Вера Петровна в тяжёлые военные годы была вынуждена продать часть книг в букинистические магазины. В 1950-е гг. значительную часть сохранившейся литературы приобрёл государственный музей Татарской АССР. Всё оставшееся в

1956–1957 гг. было передано В. П. фон-Вилькен в дар Казанскому филиалу Академии наук СССР и сохранено в его библиотеке отдельным фондом [59, с. 10].

Как же проходила жизнь известного педагога после его отъезда из Вятки в 1917 г.? А. М. фон-Вилькен возвратился в Казань после избрания его на должность преподавателя естествоведения, минералогии, геологии и физики в Казанском политехническом училище. С 1 января 1919 г. училище было преобразовано в Казанский политехнический институт, где вплоть до 1930 г., времени его ликвидации, он состоял профессором на кафедре прикладного естествознания. Кроме того, с 1920 г. он директор академической библиотеки Казанского политехнического института. Одновременно в разные годы он читал курсы естествознания, физической географии, геологии, ботаники и химии на гидротехнических курсах народного комиссариата земледелия, в рабочем университете в казанском районе Заречье, в химико-технологическом институте и других учебных заведениях. В 1927 г. профессор фон-Вилькен был выдвинут месткомом политехнического института и общегородским собранием союза работников просвещения «за выдающуюся 27-летнюю службу делу просвещения» в Герои Труда. Это звание было тогда только что введено и присваивалось местными органами власти. Не следует путать его со званием Героя Социалистического Труда, учреждённым руководством страны в 1938 г. [58, с. 129]

Важной особенностью трудовой деятельности А. М. фон-Вилькена было сочетание педагогической деятельности с работой в библиотеках тех учебных заведений, где он преподавал. Так, например, согласно расчётной книжке № 31 за 1929 г. его заработная плата за педагогическую работу составляла 60 руб. 27 коп., а за заведование библиотекой – 100 руб. в месяц [58, с. 129].

А. М. фон-Вилькен некоторое время заведовал Казанской публичной библиотекой. И даже в 1930 г., после закрытия института, когда А. М. фон-Вилькен потерял работу и вынужден был встать на биржу труда, его спасло любимое дело: в октябре того же года он был зачислен на должность главного библиотекаря объединённой фундаментальной библиотеки трёх институтов – химико-технологического, коммунального строительства и энергетического [58, с. 129].

Наконец, 10 ноября 1933 г. Александр Модестович уволился с должности заведующего библиотекой «по собственному желанию из-за болезненного состояния». В июле 1934 г. А. М. фон-Вилькен узнал о

том, что по распоряжению дирекции Казанского института инженеров коммунального строительства в новом 1934/1935 учебном году он освобождён от ведения курса геологии и петрографии. Впрочем, дни педагога были сочтены. 14 августа 1934 г. он скончался [36, с. 21].

Да, в Казани прошла большая часть жизни А.М. фон-Вилькена, здесь его помнят и ценят. Но и вятские люди не должны забывать первопроходцев просвещения, среди которых фон-Вилькен занимает одно из самых первых мест, наряду с учредителем первой вятской школы епископом Лаврентием Горкой. Плодотворные усилия замечательного просветителя А. М. фон-Вилькена не пропали даром на Вятской земле. Заложенные в далёком 1914 г. семена дали прекрасные всходы. Вятский государственный гуманитарный университет, который отметил в 2014 г. своё столетие, был одним из крупнейших в Российской Федерации. В успехах и достижениях современного вятского образования есть и частица труда человека, который был первым руководителем первого института на Вятской земле [58, с. 130].

III. ВЯТСКИЙ МАКАРЕНКО (А. И. КОНДАКОВ)

В числе студентов первого набора Вятского учительского института был Анатолий Иванович Кондаков. Он родился 29 января (10 февраля) 1894 г. в г. Яранске в рабочей семье [50, с. 206]. Его отец Иван Васильевич, рабочий винокуренного завода, умер рано, когда Толе было всего восемь лет. В семье было пятнадцать детей, и Анатолий был четырнадцатым, предпоследним. Мать Анфиса Дмитриевна осталась пятидесятилетней вдовой с кучей ребятишек на руках. Семья проживала в деревянном доме с огородом и кое-какими пристройками для скота. Добывая средства к существованию, мать выкручивалась как могла, на этой скудной «материальной базе»: занималась огородничеством, разводила на продажу цветы, держала квартирантов, организовывала обеды для холостяков, большей частью ссыльных [42, с. 29].

Гимназия была для Толи недоступна, и он прилежно учился в Яранском городском училище, обучение в котором было бесплатным. Окончив училище в 1908 г., он летом того же года служил писцом у городского судьи, а затем поступил на земскую стипендию в Кукарскую учительскую семинарию, отличавшуюся в те годы хорошей постановкой учебно-воспитательной работы [59, с. 7]. Поэтому Анатолий получил там прочную общепедагогическую и методическую под-

готовку. Естествознание и физику в семинарии преподавал находившийся под полицейским надзором И. М. Дурнев, бывший студент Санкт-Петербургского университета, большевик, прошедший ссылки в Сибири и в г. Нолинске. После Октября он избирался председателем педагогического совета и директором семинарии, преобразованной в 1919 г. в трёхгодичный педагогический техникум, а в 1937 г. – в педагогическое училище [70, с. 73].

Были в семинарии и другие передовые педагоги, передававшие учащимся материалистические и свободололюбивые идеи. Среди них, например, талантливый преподаватель В. Н. Хлебников, окончивший Санкт-Петербургскую академию художеств. Он не только учил рисовать, но и стремился привить будущим учителям вкус к чтению произведений писателей-демократов [70, с. 67]. Историк В. Н. Тарасов знакомил учащихся с внепрограммными научными трудами В. О. Ключевского. Кстати, в 1914–1917 гг. Тарасов работал в Полтавском учительском институте, и среди его учеников был будущий великий педагог А. С. Макаренко, который учился там как раз в эти три года. Более того, именно в 1914–1917 гг. директором этого учительского института работал Александр Константинович Волнин, который впоследствии стал одним из первых сотрудников кафедры педагогики Вятского педагогического института в 1921–1925 гг. В дальнейшем В. Н. Тарасов преподавал в Калининском пединституте [59, с. 7].

Хорошими методистами были математик А. Н. Коридалин, географ П. И. Невский и словесник В. Н. Мельников, ставшие впоследствии инспекторами народных училищ. В Кукарской семинарии работали учителя-ульяновцы, бывшие воспитанники чувашской учительской школы, организованной при деятельном участии И. Н. Ульянова. Они были любимыми наставниками учащихся. Это и преподаватель пения В. И. Колпаков, и преподаватель гимнастики и ручного труда Г. Д. Космовский. Таким образом, приобщаясь к живительным идеям русской прогрессивной педагогики, юные учащиеся Кукарской семинарии становились как бы духовными внуками выдающегося деятеля народного просвещения Ильи Николаевича Ульянова [59, с. 7].

В Кукарской семинарии учились дети многонационального трудового народа: русские, марийцы, удмурты, коми, татары, башкиры. Из окончивших её в разное время выпускников некоторые стали известными специалистами. Это, например, партийные работники Д. В. Крупин, А. И. Лобов, С. А. Алыпов, учёные М. О. Веселов, А. И. Кондаков, Ф. И. Каратыгин, М. И. Меркулов, организаторы просвещения

П. С. Чухлин, Я. Н. Сушенцов, Н. А. Заровнядный. И конечно же, замечательные народные учителя, всю жизнь самоотверженно трудившиеся во благо народного образования. Некоторые из названных людей стали героями данной монографии [51, с. 73].

После окончания семинарии в 1912 г. Анатолий вместе с другим выпускником В. П. Зверевым был направлен в деревню Овечкино Яранского уезда. Там они и работали вдвоём в начальной земской школе. Кондаков был заведующим школы, которая размещалась в частном доме и состояла из двух классных комнат и учительской квартиры. Молодые учителя относились к делу творчески, стремились заинтересовать учением деревенских ребятишек, используя для этого элементы близкой им окружающей жизни: природу и труд крестьян. Они стремились к тому, чтобы дети чувствовали себя с ними, учителями, как с товарищами, причём «понятными в своих действиях», как впоследствии вспоминал А. И. Кондаков. Педагоги считали своим долгом нести просвещение и родителям учеников, участвовали в повседневных заботах и делах жителей деревни. В общем, это был, выражаясь современным языком, поиск путей к «педагогике сотрудничества» [59, с. 7].

Летом 1913 г. состоялся первый выезд А. И. Кондакова из родного лесного края в широкий культурный мир, в Москву и большие волжские города. В Москву он ехал по путевке московского общества грамотности, которое устраивало для сельских учителей месячные познавательные путешествия. Путь для Кондакова был неблизким: сначала 80 километров пешком от Яранска до Кукарки, затем пароходом по рекам Пижме, Вятке, Каме и Волге до Нижнего Новгорода и дальше по железной дороге в Москву. Главным в этой поездке было посещение летних педагогических курсов, которые были открыты при стационарных женских «тихомировских» курсах, организовывавшихся выдающимся деятелем российского образования Дмитрием Ивановичем Тихомировым на свой собственный счет.

На курсы собралось около семисот народных учителей из разных губерний. Заведовал (с 1910 г.) московскими женскими педагогическими курсами известный педагогический деятель Н. В. Чехов (1857–1947). Познакомившись с ним, Анатолий не предполагал тогда, что в будущем, в 1925–1947 гг., ему посчастливится совместно работать с Николаем Владимировичем как со своим непосредственным научным руководителем и коллегой в НКП, а также в научно-исследовательском институте педагогики при 2-м МГУ, а затем и в Акаде-

мии педагогических наук (АПН) РСФСР [59, с. 7]. В чтении ежедневных лекций на педагогические темы участвовали крупные специалисты: Н. В. Чехов (школьное образование в России), Г. И. Россолимо (психология и педагогическая патология), Н. В. Воронков (методика естествознания), Н. Г. Тарасов (методика истории), Н. Н. Ивакин (рисование в начальной школе) и др. Слушатели курсов совершали образовательные экскурсии в Третьяковскую картинную галерею, в музей антропологии и анатомии при университете, в музей этнографии (Румянцевский музей), в музей учебных пособий, на современные промышленные предприятия, в частности на завод Гужона. Таким способом им прививался вкус к применению экскурсионного метода как эффективного средства обучения и познания.

Уделялось внимание и эстетическому совершенствованию приехавших учителей, в массе своей сельских, через посещение концертов, театров и выставок. Встречи с ведущими педагогами страны их лекции с новой силой разожгли у Анатолия жажду знаний, помогли осознать недостаточность собственной педагогической подготовленности, подвели его к намерению продолжить обучение в только что открывшемся Вятском учительском институте [62, с. 216].

Период обучения в институте (1914–1917) и последующие годы А. И. Кондаков отразил в своих воспоминаниях [57, с. 197–198].

Приведём отрывок из них, в котором речь идёт о весне 1917 г., когда учащиеся первого набора и, соответственно, первого выпуска, и среди них А. И. Кондаков, прощались с институтом и выходили в открытое «жизненное плавание».

«...Освобождённые от выпускных экзаменов в связи с дороговизной жизни в городе и стремлением большинства учащихся принять участие в весенних сельскохозяйственных работах мы окончили институт 24 марта 1917 г., получили на руки аттестаты, дававшие право преподавания в высших начальных училищах.

Я с разбегу погрузился на всё лето в бушующие общественные волны, сначала в качестве инструктора по переписи населения, а затем, – по культурно-просветительной работе в Котельничском уездном земстве. Постоянное общение с крестьянами и сельской интеллигенцией, помощь в реорганизации общественной жизни и в подготовке выборов в Учредительное собрание, бесчисленные выступления – всё это до предела захватило меня» [58, с. 127].

Однако политическая активность А. И. Кондакова продолжалась, по его словам, крайне недолго. Он пишет: «В результате вместо

благодарности я получил потрясающий удар от эсеровской верхушки уездного земства, возглавлявшегося его председателем Куимовым. На уездном земском собрании в конце лета он в присутствии эсеровского центра выступил с речью, в которой обвинил меня в распространении большевистских идей среди населения. Никогда не забуду злобные крики в мой адрес разъярённых гласных – кулаков и подкулачников. Куимов торжествовал и ухмылялся, когда я, потрясённый происходящим, говорил ему за кулисами: “Как Вам не стыдно было выступать против меня после того, как Вы ранее обращались со мной как с коллегой?!” “Политическая борьба не знает снисхождения”, – усмехаясь, ответил он. (В 1926 г., поступив в аспирантуру при 2-м МГУ, я с великим удивлением встретился здесь с исполняющим обязанности профессора Куимовым, которому удалось замести следы после Октября. Вскоре, впрочем, он был снят с работы в университете и, кажется, преподавал позднее в Костромском пединституте.) Это было мое первое боевое крещение на поприще общественной деятельности. В тот же день я покинул Котельничский уезд и перебрался в родной Яранский, ставший с сентября ареной моей общественно-педагогической работы в течение пяти лет...» [59, с. 10]

Как же складывалась в дальнейшем судьба одного из первых пятнадцати выпускников Вятского учительского института?

В 1917/1918 учебном году А. И. Кондаков учительствовал в Оршанском высшем начальном училище Яранского уезда (ныне – территория Республики Марий Эл). В методическом плане он продолжал поиск нового содержания и новых форм обучения, которые опирались бы на активизацию познавательных интересов у учащихся. Он увлёк детей сбором природного и исторического материала для школьного краеведческого музея. В вечерние часы проводились весёлые игры, готовились концерты художественной самодеятельности. Здесь, в Оршанке, молодой учитель познакомился с Софьей Николаевной Сухорецкой, ставшей его женой и коллегой. В 1918 г. у молодых супругов родился сын Лев. Окончив незадолго до войны МВТУ имени Н. Э. Баумана, он стал конструктором артиллерийских систем, затем научным сотрудником, специалистом в области гидравлики, автором многих научных работ.

Второй сын, Виктор (1920–1991), закончил войну гвардии капитаном, окончил Кировский пединститут, защитил кандидатскую диссертацию. В 1953–1961 гг. работал доцентом, зав. кафедрой физики в родном вузе, а позднее в Куйбышевском пединституте. Подготовил к

научной деятельности десятки учеников. Им написано немало серьезных книг, в частности учебное пособие «Строение и свойства вещества» (М., 1970). Именно с Виктором Анатольевичем, вплоть до его кончины, мы поддерживали тесную переписку и узнали многое о семье Кондаковых. Младший сын А. И. Кондакова Рэм (род. в 1926 г.) был крупным специалистом в области радиотехнических исследований. Дочь Зоя (род. в 1923 г.) работала в сфере лесного хозяйства, преподавала в Кировском сельскохозяйственном институте. Есть в семье педагоги в третьем поколении. Две дочери Виктора Анатольевича окончили Куйбышевский пединститут, дочь Зои Анатольевны Зинаида получила специальность учителя биологии и химии в Кировском пединституте [59, с. 10].

Зимой 1917–1918 гг. в школах Яранского уезда, как, впрочем, и повсюду в России, сложилась напряжённая социально-политическая обстановка. Шло расслоение учительства. Большинство учителей постепенно вынуждено было принимать сторону советской власти. Для учительства взамен всероссийского учительского союза большевиками был создан всероссийский союз учителей-интернационалистов. В мае 1918 г. в Яранске состоялся первый уездный съезд совета по народному образованию, на который Кондаков был избран делегатом. Этот совет был контрольно-совещательным органом при отделе народного образования. Самое активное участие в работе первого съезда совета принял зав. уездным отделом образования П. Ф. Костерин. При его энергичном содействии были приняты решения, направленные на преобразование школы на новых социалистических началах. Впоследствии Костерин стал первым секретарем Вятского губернского комитета ВКП(б), в годы сталинщины был репрессирован и погиб в 1940 г. [59, с. 10]

Сотрудничая с уездным отделом народного образования, А. И. Кондаков активно проводил в жизнь «Положение о единой трудовой школе», утверждённое ВЦИК РСФСР. Эта его работа была одобрена выездной комиссией ВЦИК, возглавлявшейся известным партийным деятелем Сергеем Иосифовичем Мицкевичем, кстати, уроженцем Яранского уезда Вятской губернии [59, с. 10–11].

В конце 1918 г. по решению уездного исполкома на месте Знаменского женского монастыря, в шести километрах от г. Яранска, была открыта школа-коммуна, а впоследствии и школьный городок. Что же представляли собой эти учебные заведения? С целью реализации «Положения о единой трудовой школе РСФСР», опубликованно-

го ВЦИК РСФСР 16 октября 1918 г., в ряде городов и посёлков были организованы инновационные учебно-воспитательные учреждения: опытно-показательные школы-коммуны, а также школьные городки, которые объединяли в себе детские ясли, детский сад, детдом, школы 1-й и 2-й ступени в единое целое. У них было общее имущество, общее педагогическое и административное руководство [77, с. 67].

В 1919 г. в России было 27 опытно-показательных школ подобного типа, в 1920–1921 гг. – уже около ста. Из семи школьных городков четыре находились в Вятской губернии. Школы-коммуны и школьные городки являлись, с одной стороны, одним из важных средств борьбы с детской беспризорностью, а с другой – результатом поиска новых, непроторённых путей в деле воспитания и обучения подрастающего поколения [77, с. 67].

23 сентября 1918 г. в яранской уездной газете «Крестьянин-коммунист» появилось сообщение об образовании в селе Знаменка новой школы, которая «будет представлять собой слияние высшего и начального училища с домоводческой школой. Помимо общеобразовательных предметов будет изучаться ведение сельского хозяйства и домоводство, ручной труд, искусство. Все учащиеся и учащие должны быть единой трудовой семьёй, живущей под единым кровом, собственными силами добывать и обрабатывать продукты сельского хозяйства. При школе – участок земли, молочная ферма и мастерские...» [59, с. 11].

Открытие этой первой в Вятской губернии и одной из первых в России школы-коммуны состоялось 15 октября 1918 г. А через три месяца был организован и школьный городок. А. И. Кондаков был назначен директором школы и завучем городка, избран председателем объединённого школьного совета. Помимо большого двухэтажного здания бывшей двуклассной женской школы, существовавшей с 1897 г. при Знаменско-Марийском женском монастыре, в распоряжение городка было передано двадцать монастырских угодий и двадцать пять гектаров земельных угодий.

В школьном городке были созданы учебные кабинеты, библиотека, столярная, слесарная, швейная, чулочная, сапожно-пимокатная мастерские (всего было девять мастерских различного профиля), животноводческая ферма, конный двор, оранжерея, теплица, станция сельскохозяйственных орудий и машин, электростанция и лесопилка, а также небольшая больница, баня, прачечная, столовая [77, с. 68]. В состав Знаменского городка входили также детские ясли, два дет-

ских сада, две начальные школы, средняя школа и даже учительские курсы. На воспитании находилось одновременно до 450 детей разного возраста, в основном сирот и беженцев. Был в городке и свой клуб («народный дом»), в котором регулярно ставились спектакли и концерты, привлекавшие окрестное население близлежащего совхоза и деревень.

Одно перечисление всего того, что входило в состав школьного городка, показывает, насколько сложной и насыщенной была жизнь Кондакова и его коллег, сколько усилий им приходилось прикладывать к организации этого нового дела. Воспитанники Знаменки много читали. В библиотеке в активном пользовании находилось свыше 9 тысяч книг, собранных большей частью из частных библиотек. Интерес к чтению, к книге педагоги стремились передать детям [59, с. 11].

Одним из любимых учеников А. И. Кондакова, нашего «вятского Макаренки», был Ваня Овчинников – отличник учебы, проявивший большие способности к математике. По окончании Знаменской школы в 1923 г. он поступил учиться в Московский финансово-экономический институт. Затем работал в Наркомфине РСФСР. Он погиб на войне, будучи гвардии капитаном. И ведь каких только совпадений не бывает в жизни: осенью 1941 г. И. В. Овчинников командовал ротой ополченцев, в которой состоял рядовым его бывший учитель А. И. Кондаков.

В штат школы-коммуны и городка были привлечены лучшие учителя уезда, а также педагоги, эвакуированные из Москвы и Петрограда. Математику преподавали М. И. Меркулов, получивший образование в учительской семинарии и учительском институте, и М. И. Петров, получивший высшее образование в Петрограде; позднее – А. И. Сычёв, ставший в дальнейшем преподавателем вуза. Учителем физики работал Д. Д. Рылов. В преподавании математики и физики неплохо применялся экскурсионный метод. Проводились экскурсии на водяную и паровую мельницы, на спичечную фабрику, электростанцию, водокачку и другие местные промышленные объекты. Разделы курса математики иллюстрировались выполнением практических работ (маршрутные съёмки, определение географических координат, геодезические измерения и т. п.). Успешно вела обучение группа словесников: Е. Я. Киселёва, прошедшая «тихомировские» курсы; Л. Д. Глазычев – бывший студент Петроградского университета; позднее – бывший инспектор народных училищ Н. Е. Петухов и В. С. Лобовиков. Обществоведение преподавал молодой коммунист

А. И. Тарасов, получивший образование в советско-партийной школе и университете. Преподавание естествознания в 1918–1922 гг. осуществлял А. И. Кондаков, в 1923–1925 гг. – агроном В. Н. Щекатуров [77, с. 76–77].

Учебно-воспитательная работа в школе-коммуне представляла собой продуманную систему, но без военной строевой атрибутики, как это имело место в опыте А. С. Макаренко. Большое внимание уделялось гуманитарному, эстетическому и трудовому воспитанию, которое было ориентировано на подготовку воспитанников к жизни в местных условиях. Преобладали сельскохозяйственные работы в полном объеме, а также швейное и сапожное дело. Преподавание рисования, лепки, а также композиционно-оформительские работы вели А. Д. Евсеев, художник, учившийся в молодости в Московской художественной школе под руководством выдающихся живописцев Коровина, Маковского и Поленова, и получившая художественно-педагогическое образование Г. П. Замбжицкая.

Учителем музыки и пения была С. Н. Кондакова (23.02.1893–09.05.1972), щедро одарённая музыкально-вокальными данными. Софья Николаевна была прекрасным педагогом. Она посвятила учительской профессии более полувека своей жизни. Окончив в 1930-е гг. вечернее отделение филологического факультета Вятского пединститута, она проявила себя как один из лучших учителей-филологов. Она работала в ряде школ г. Кирова, в физкультурном и авиационном техникумах. Была хорошо известна как хороший педагог вятским учителям-словесникам своего поколения. Среди её подруг была знаменитая спортсменка, трёхкратная абсолютная чемпионка мира по конькобежному спорту, вятская уроженка Мария Григорьевна Исакова (1918–2011). Последние годы жизни С. Н. Кондакова провела в Москве, там и похоронена, на Кузьминском кладбище [77, с. 77].

В скором времени благодаря усилиям А. И. Кондакова и созданного им коллектива Знаменский школьный городок приобрёл известность, стал одним из лучших учебно-воспитательных учреждений НКП. Поэтому сюда приезжали для изучения опыта педагоги из разных регионов страны. В летние месяцы здесь проходили уездные учительские курсы, зимой – учительские «практикумы» и экскурсии. Подробный анализ и положительная оценка работы Знаменского школьного городка были даны на заседании научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУС) НКП 2 февраля 1924 г. [59, с. 12]

Н. К. Крупская знала о работе Знаменского школьного городка по отчётам и докладам, из беседы с учащимися во время их экскурсии в Москву в 1924 г. и по неоднократным беседам с заведующим. Однако нарождавшейся административно-бюрократической системе ни к чему были коммунарские объединения, и в 1925 г. Знаменский школьный городок в числе многих других учреждений подобного типа закончил своё существование. Осенью того же года в Знаменку был переведён из Яранска сельскохозяйственный техникум. Малышей разместили по детским домам, а желающие из старших классов поступили в техникум, куда перешли и некоторые педагоги.

Ликвидация Знаменского школьного городка вызвала глубокое сожаление у Н. К. Крупской. Узнав об этом от слушателя Академии коммунистического воспитания Л. В. Мамаева (мужа сестры А. И. Кондакова Людмилы, который до поступления в Академию заведовал Знаменской школой 1-й ступени, а в 1924–1925 гг. – всем школьным городком), она воскликнула: «Как? Почему? По чьему распоряжению? Почему не сумели отстоять это важное для народного просвещения дело? Вам следовало обязательно сообщить в Наркомпрос мне или Н. В. Чехову... Мы могли бы Вам помочь...» [76, с. 200] Увы, реально помочь Н. К. Крупская ничем уже не могла; ведь школы-коммуны и школьные городки закрывались повсеместно, и она не могла этого не знать. Однако признать своё административное бессилие в разговоре с провинциальным педагогом ей было, конечно, неудобно. О работе Знаменского школьного городка А. И. Кондаков, уже не заставший его ликвидации, рассказал в своих воспоминаниях [20].

Авторитет А. И. Кондакова среди учителей уезда был в то время очень высок. Не случайно именно его избрали делегатом на второй Всероссийский съезд учителей-интернационалистов, проходивший в Москве с 12 по 19 января 1919 г. Там ему довелось видеть и слышать В. И. Ленина, а также А. В. Луначарского, В. П. Потёмкина и других крупных деятелей просвещения и культуры. На съезде был образован Союз работников просвещения и социалистической культуры. Кондаков был одним из его организаторов «на местах», состоял в течение трёх лет членом уездного правления и делегатом губернских конференций [42, с. 31].

В 1923 г. А. И. Кондаков был назначен сотрудником-методистом в Вятском губернском отделе народного образования (губоно), где ведал вопросами повышения квалификации учителей, работников дошкольных учреждений и детских домов, разрабатывал программы

для начальных школ. В частности, ему было поручено составление учебного плана для «единой трудовой 4-х летней школы 1-й ступени Вятской губернии». Эта работа отражена им в статьях, которые печатались в журнале Вятского губоно «Путь просвещенца» в 1924 г. (№ 2, 3, 5). Кроме того, в это время он исполнял обязанности председателя губернского объединения дошкольных работников, был заведующим губернскими курсами учителей. В 1923–1924 гг. Вятский губоно решал ряд важных задач культурной революции: введение всеобщего «первоначального» обучения, пересмотр содержания и методов обучения и воспитания на основе программ ГУСа, повышение квалификации учителей и т. д.

В губоно сложился опытный и квалифицированный коллектив инициативных работников. Например, среди сотрудников были такие авторитетные педагоги, как зав. губсоцвосом (губернский отдел социального воспитания) В. П. Нарышкин, зав. отделом школ 1-й ступени Л. Е. Головин, зав. отделом школ 2-й ступени В. А. Петров, зав. отделом внешкольного воспитания И. Т. Огородников и др. Петров был однокурсником Кондакова по институту; впоследствии он станет кандидатом педагогических наук, зав. кафедрой педагогики Кировского пединститута, директором Кировского института усовершенствования учителей, а И. Т. Огородников в будущем станет известным московским учёным [59, с. 12].

Свою административно-методическую деятельность А. И. Кондаков успешно совмещал с учебно-педагогической работой. По поручению губоно он организовал в заречном селе Макарье небольшую школу-интернат под названием «Зоновка», где использовался, правда, в меньшем масштабе, опыт Знаменской школы-коммуны. Одновременно он заведовал дошкольным отделением педагогического техникума (при Вятском пединституте), где вёл занятия по основам общей и дошкольной педагогики, руководил педагогической практикой в дошкольных учреждениях Вятки [42, с. 31].

15–21 октября 1924 г. А. И. Кондаков был делегатом от Вятской губернии на третьем всероссийском съезде по дошкольному воспитанию. На следующий год он был зачислен в состав сотрудников-методистов отдела единой трудовой школы Главсоцвоса НКП, где занимался сбором и обобщением передового педагогического опыта, участвовал в создании новых школьных программ [59, с. 12].

Вспоминая свой педагогический путь «на фронте просвещения», А. И. Кондаков отмечал в своих воспоминаниях, что в первые годы Со-

ветской власти были открыты широкие возможности для быстрого роста и раскрытия творческого потенциала у молодых педагогов, преданно служивших своему народу. В условиях развернувшейся культурной революции для учителя из глубинки, каковым был А. И. Кондаков, открывался «вполне реальный путь роста, вплоть до того, чтобы войти в “штаб просвещения”, – НКП, и плодотворно работать на этом поприще». В НКП Кондаков постоянно общался с земляками-вятчанами: О. Л. Бемом, С. А. Алыповым, Б. П. Есиповым, Н. А. Сапожниковым, Н. А. Заровнядным, И. Т. Огородниковым [49, с. 30].

Огромное влияние на совершенствование профессионального уровня А. И. Кондакова оказал крупнейший деятель народного просвещения того времени А. В. Луначарский. Деловые встречи с первым наркомом просвещения оставили у Кондакова незабываемые воспоминания. Общавшихся с ним Анатолий Васильевич, кстати, выпускник Женевского университета по специальности «культурология», покорял широкой эрудицией, неутомимой энергией, глубоким проникновением в суть проблемы. Заседания коллегии НКП под руководством Луначарского, вспоминал А. И. Кондаков, проходили исключительно интересно и продуктивно, «в стиле гибкого сочетания коллегиальности с высокой ответственностью за принимаемые решения». Подчеркнём, это мнение А. И. Кондакова [59, с. 12].

Личное знакомство А. И. Кондакова с Н. К. Крупской состоялось 10 декабря 1925 г., когда он на заседании научно-педагогической секции Государственного учёного совета (ГУС) делал обобщающий доклад на тему «Опыт применения программ ГУСа в массовой школе I-й ступени». В прениях по докладу выступали Н. К. Крупская, Б. П. Есипов, С. Т. Шацкий, О. Л. Бем, а также инспектора Ивановской и Рязанской губерний [59, с. 12]. В течение 1925–1927 гг. научно-педагогическая секция, возглавлявшаяся Н. К. Крупской, осуществляла научно-методическую отработку программ и методических материалов для школ. А. И. Кондаков работал тогда в комиссии Главсоцвоса по школе 1-й ступени, которой руководил Б. П. Есипов, в течение длительного времени бывший постоянным советником наркомов просвещения. Между земляками установились прочные дружеские отношения [37, с. 204].

Значительное влияние на рост А. И. Кондакова, как учёного, оказал выдающийся советский педагог, ведущий член ГУСа С. Т. Шацкий (1878–1934). Станислав Теофилович состоял членом коллегии НКП, директором центральной экспериментальной педагогической лаборатории

(ЦЭПЛ), в которой под его руководством Кондаков вёл научную работу. А. И. Кондакову доводилось общаться при разработке школьных программ в 1925–1927 гг. с одним из ведущих теоретиков новой, социалистической школы П. П. Блонским (1884–1941). А. И. Кондаков вспоминал: «Профессор университета и высших научно-педагогических курсов, автор философских, педагогических и психологических трудов, экспериментатор, связанный с выдающимися педагогами Запада, смелый искатель новых путей культурного строительства П. П. Блонский оставался для нас простым и доступным Павлом Петровичем, к которому можно было всегда обратиться за помощью и советом» [59, с. 13].

Новые программы ГУСа проходили проверку на обширной территории [67, с. 96]. Кондаков вёл интенсивную работу по их внедрению через семинары, курсы и конференции посредством расширения опытно-показательных учреждений. Он помогал учителям в освоении программ и выезжал с этой целью в Мурманск, Новгород, Галич, Кострому, Йошкар-Олу, Вятку и другие города. В итоге он объехал чуть не всю России. В 1925–1926 гг. Кондаков по совместительству с работой в НКП заведовал учебной частью в так называемом «детском посёлке» Московского отдела народного образования, находившегося в подмосковном селении Тарасовка, заселённом сотнями беспризорных детей, взятых милицией на улицах, рынках и вокзалах столицы. Он перенёс сюда многое из того, что было в Знаменском школьном городке: сочетание классных учебных занятий с зимней и летней физкультурой, с трудом в мастерских и по самообслуживанию, а также художественную самодеятельность, пионерскую организацию.

Спортивно-массовая работа среди беспризорников была поставлена настолько хорошо, что увидевшие работу А. И. Кондакова и его коллег знаменитые в ту пору спортсмены братья Пётр, Андрей и Николай Старостины решили именно здесь построить базу будущего спортивного общества «Спартак» [59, с. 13].

С целью углубления научных познаний в области психологии и педагогики А. И. Кондаков поступил в октябре 1926 г. в аспирантуру при 2-м МГУ (позднее – Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, с сентября 1990 г. – Московский государственный педагогический университет). Это был первый в истории и очень небольшой количественно набор аспирантов по педагогике. В апреле 1930 г. вместе с Кондаковым аспирантуру окончили М. Н. Скаткин, М. А. Мельников, Т. Ф. Корнейчик, В. А. Вейкшан, С. Лянский, И. В. Чувашёв и Н. И. Руфин. Каждый из этих учёных

вошёл в историю отечественной педагогики как значительная величина; все они стали видными исследователями, авторами многих книг и учебников.

Научными руководителями Кондакова и его товарищей были крупные педагоги Н. В. Чехов, А. Г. Калашников, Е. Н. Медынский. Одновременно с учёбой в аспирантуре А. И. Кондаков вёл курс педагогики на заочном отделении во 2-м МГУ, работал в 1-м опытном педагогическом училище, в комиссиях Главсоцвоса, в редакции журнала «Пионер». Много печатался [59, с. 13].

С апреля 1930 г. для него началась преподавательская работа в высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях (последовательно) Самары, Ярославля, Ульяновска, Казани, Кирова, Москвы, Рязани. Частая смена места работы объяснялась главным образом тем, что в те годы обладателей учёной степени кандидата наук было очень немного; каждый был, что называется, «на счету» и официально относился к числу номенклатурных работников, которые подчинялись не только своему непосредственному начальству в вузах, но и НКП, который постоянно давал указания о перемещении того или иного преподавателя в тот или иной институт с целью укрепления в нём соответствующей кафедры. Квалифицированных кадров не хватало, и надо было ехать работать туда, куда приказывала партия [59, с. 13].

Самарский период научно-преподавательской деятельности Кондакова был связан с освоением им методов обучения молодёжи в высшей педагогической школе, с поиском оптимального соотношения лекционной и лабораторно-практической форм занятий. Большое внимание уделялось им участию в работе по политехнизации средней школы. Накопленный опыт позволил ему испытать свои силы в качестве заведующего кафедрой педагогики Ярославского пединститута [59, с. 13].

В 1933 г. А. И. Кондаков был приглашён С. Т. Шацким на работу в возглавляемую им Центральную экспериментальную педагогическую лабораторию. Главной проблемой, над которой работала лаборатория, был поиск путей повышения качества урока как основной формы учебной работы. Сотрудники лаборатории занимались обобщением и распространением передового педагогического опыта. Исследования проводились в так называемых образцовых и опытных школах, сеть которых была достаточно широка. Только Кондаковым были изучены и обобщены материалы по пятидесяти опорным шко-

лам. За ним были закреплены школы Москвы и Московской области, г. Саратова, Нижегородского и Северо-Кавказского краев. Работой лаборатории живо интересовался нарком просвещения А. С. Бубнов. После неожиданной скоропостижной кончины Шацкого в 1934 г. зав. лабораторией стал П. В. Кованов; в дальнейшем он был директором НИИ школ НКП, а после войны – крупным партийным и государственным деятелем [59, с. 13].

В 1930-е гг. у А. И. Кондакова постепенно созрел замысел приступить к крупному научно-педагогическому исследованию в области истории педагогики, а именно написать книгу о жизни и деятельности выдающегося российского педагога, отца В. И. Ленина, директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова. Книгу он мыслил и как сочинение для защиты кандидатской диссертации. Удобнее всего было выполнить эту работу там, где наиболее ярко проявил себя И. Н. Ульянов, – в Симбирске (Ульяновске) [59, с. 13].

В 1935–1940 гг. А. И. Кондаков заведует кафедрой педагогики и психологии Ульяновского пединститута. Кстати, много позднее, в 1970-е гг., А. И. Кондаков по приглашению ректора этого вуза возобновил связь с ним. Получилось так, что в 1971 г. он выступил на научной конференции института с докладом о И. Н. Ульянове. По окончании выступления ректор института Василий Васильевич Наймушин, вятчанин и выпускник Кировского пединститута, попросил 80-летнего А. И. Кондакова помочь в организации музея И. Н. Ульянова.

В работе над темой «Директор народных училищ И. Н. Ульянов» проявились незаурядные творческие способности Кондакова как серьёзного исследователя. Результаты научного исследования по теме были оформлены в многочисленных научных статьях. Главным же итогом была, помимо самой диссертации, книга, которая так и называлась: «Директор народных училищ И. Н. Ульянов» (М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. 220 с.). В переработанном и дополненном виде монография переиздавалась в 1964 г. в издательстве «Просвещение», причем её объем увеличился на 100 страниц. В 1952 г. книгу издали в Праге на чешском языке. Наконец, на эту тему в 1947 г. Кондаков защитил кандидатскую диссертацию в НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР [59, с. 13].

...Первым этапом исследовательской работы А. И. Кондакова стал сбор материала. Учёный поставил перед собой задачу показать И. Н. Ульянова как выдающегося прогрессивного педагога XIX в. Эта прогрессивность выражалась в его гуманистических и демократиче-

ских воззрениях, а также в продуманной и настойчивой практической просветительской работе как административного деятеля – директора народных училищ. Исследователь стремился раскрыть облик, характер, поведение и речь И. Н. Ульянова, быт семьи Ульяновых, систему плодотворного труда главы этой семьи. Естественно, что наряду с изучением имевшихся библиографических источников и работой в архивах и музеях большое место занимали прямые человеческие контакты с живыми свидетелями педагогической деятельности Ильи Николаевича – с тогда ещё здравствовавшими учителями-«ульяновцами» [59, с. 14].

Отправным пунктом в поисках стал Ульяновский дом-музей В. И. Ленина. Здесь Кондаков установил круг лиц, близких семейству Ульяновых и проживавших в то время в Ульяновской области. Последовали многочисленные встречи с ними. Помимо этого музей располагал значительным количеством документальных материалов, связанных с педагогической деятельностью И. Н. Ульянова. Ему удалось получить, а позднее и опубликовать свидетельства славных народных учителей, знавших семью Ульяновых или работавших под руководством Ильи Николаевича: М. Н. Волковой, Е. С. Горбуновой, В. В. Кашкадамовой, А. А. Родионовой и др. Удалось побеседовать и с последними учителями-«ульяновцами», ещё продолжавшими работать в то время: с Р. А. Преображенским и А. А. Волковым, с пенсионером С. С. Рогозиным, который тоже начал учительствовать под началом И. Н. Ульянова, с одноклассником В. И. Ленина М. Ф. Кузнецовым. В детских книжках он фигурирует как Миша Кузнецов, детский друг Володи Ульянова [59, с. 14].

А сколько некогда известных, но к тому времени уже забытых имен воскресил из плена забвения А. И. Кондаков! Укажем лишь на некоторые из них, а именно на те, что связаны с Вятским краем.

...Владимир Михайлович Стржалковский окончил Казанский университет и с 1852 г. состоял на службе в учебных заведениях Елабужского уезда Вятской губернии. В Симбирской губернии в течение двенадцати лет он выполнял обязанности инспектора народных училищ сначала Алатырского уезда, а затем – с 1876 по 1886 г. – Симбирского и Сенгилеевского уездов. Он был наиболее близким сотрудником и другом И. Н. Ульянова. Их объединяли жизнь в городе Симбирске, установившиеся между семьями добрые отношения, а главное – совместная деятельность на ниве народного просвещения. После кончины Ильи Николаевича в январе 1886 г. Стржалковский

выполнял обязанности директора народных училищ, но, увы, очень недолго. Он умер 20 марта того же года [59, с. 14].

Некролог на В. М. Стржалковского (Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1886. № 4) написал Иван Владимирович Ишерский, преемник И. Н. Ульянова, работавший в Симбирской губернии в 1877–1886 гг. инспектором 3-го района (Алатырский и Буинский уезды), а в 1886–1908 гг. – директором народных училищ.

Ранее, в 1873–1877 гг., И. В. Ишерский состоял преподавателем в учебных заведениях Вятки: в духовном училище, духовной семинарии (преподавал философию, педагогику, психологию и пение) и в «училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления народных учителей», где преподавал педагогику, историю, русский язык с методикой (А. И. Кондаков, видимо, «для краткости» называет это училище земской учительской семинарией). Протоколы 1875 г. по разбору «практических уроков», данных воспитанниками 4-го класса Вятской учительской семинарии, свидетельствуют, как пишет Кондаков, о большой эрудиции методиста Ишерского, о его педагогическом такте и умении глубоко анализировать педагогический процесс. При разборе уроков он обращал внимание на их убедительность для детей, последовательность, живость, на занятость всех учеников и дисциплину, на правильность речи и умение учителя держаться в классе [59, с. 14].

В 1877–1881 гг. под руководством И. Н. Ульянова работал прибывший из Вятки Владимир Игнатьевич Фармаковский (1842–1922), инспектор народных училищ. В 1881 г. он был переведён на ту же должность в Оренбург, в 1885–1895 гг. состоял на службе инспектором и директором народных училищ Херсонской губернии, а затем жил в Санкт-Петербурге. В молодости Фармаковский выступал в печати под псевдонимом «С. Михно» (см., например, «Русский дневник», 1859). Фармаковский был известен как автор серии популярных брошюр, написанных им в Вятке и Симбирске в 1874–1879 гг. для низовых общественных работников (присяжных заседателей, волостных судей, волостных старшин, земских гласных и др.), а также как автор многих статей и книг на педагогические темы. Среди них отметим такие как «Школьная диететика» (Вятка, 1872), «Методика школьных дисциплин» (Одесса, 1886), «Методика ручного труда» (Одесса, 1889), «Охрана здоровья учащихся» (Одесса, 1905), «Методика правописания по воззрениям русских педагогов и по учению экспериментальной школы» (Киев, 1908; Одесса, 1911), «Педагогика дела» (Одесса,

1911), «Начальная школа Министерства народного просвещения (Санкт-Петербург, 1910). О В. И. Фармаковском и его сыне Борисе, уроженце Вятки (31.01.1870–29.07.1928), товарище Володи Ульянова по Симбирской гимназии, ставшем археологом, историком античного искусства, членом-корреспондентом АН СССР, есть ряд публикаций [23; 28; 79; 91].

В Ульяновске А. И. Кондаков встретился вновь со своим бывшим учителем по Кукарской учительской семинарии В. И. Колпаковым, который когда-то учился в начальной школе в Симбирской губернии. Учитель П. И. Краденов поделился воспоминаниями о посещениях И. Н. Ульяновым Порецкой учительской семинарии в 1884–1885 гг., многое рассказал об инспекторах и учителях-«ульяновцах». Так, переходя «по цепочке» от одних собеседников к другим, исследователь постепенно формировал достоверный фактологический базис темы. Очень скрупулезно работал он в архивах. Так, только в государственном архиве Ульяновской области, в материалах фонда дирекции народных училищ Симбирской губернии им были изучены 1275 дел, из которых использованы впоследствии в тексте книги 72 дела. Фактически каждое достаточно значимое высказывание автора в книге сопровождается указанием на архивный источник. Такая добросовестность была характерной чертой стиля научной работы А. И. Кондакова [59, с. 14].

С работой Кондакова об отце был знаком Дмитрий Ильич Ульянов. Он поддерживал автора, неоднократно встречался с учёным. Содержание этих бесед позднее публиковалось [21].

В 1940 г. А. И. Кондаков перешёл на работу в Рязанский пединститут. Главным мотивом перехода было желание работать поближе к Москве, где он смог бы осуществлять более регулярные контакты с учёными-педагогами на заключительном этапе оформления своего большого труда. Легче из Рязани было и «продвигать» в печать результаты научных исследований.

Большую часть военного времени А. И. Кондаков провёл в эвакуации в Кирове. Работал инспектором НКП (НКП РСФСР в первый год войны находился в эвакуации в Кирове и размещался в здании гостиницы «Центральная»). Он также выполнял обязанности старшего научного сотрудника областного института усовершенствования учителей и доцента пединститута. Сам институт был эвакуирован в районный город Яранск, но в областном центре оставалось заочное отделение – со студентами-заочниками Кондаков и работал. Рукопись и материа-

лы его научного труда о И. Н. Ульянове во время эвакуации затерялись, долго «блуждали» и отыскиались лишь в 1942 г. благодаря энергичной помощи Ульяновского дома-музея В. И. Ленина и Д. И. Ульянова, кстати, скончавшегося в том же году [59, с. 14].

В качестве инспектора НКП по детским домам Кондакову приходилось совершать трудные командировочные выезды из Кирова в Горький, Куйбышев, Ярославль, Вологду, Иваново и другие города для оказания помощи местным органам образования, работавшим в сложных условиях военного времени. Особенно большие трудности вызывало размещение эвакуированных детей из Ленинграда и других оккупированных фашистами территорий. После возвращения НКП в столицу в 1942 г. Кондаков остался в Кирове. Продолжал разработку научной темы, сотрудничал с лекционным бюро облоно.

Работая заместителем директора и старшим научным сотрудником в Кировском областном институте усовершенствования учителей, А. И. Кондаков постоянно общался с учительской общественностью области, регулярно посещал многие городские и сельские школы, был в курсе живой школьной практики. Во время одной из командировок вместе с заведующим областным отделом народного образования (облоно) А. С. Ходыревым он посетил Яранск, выступил с докладом на районной учительской конференции, встретился со старыми товарищами по работе в Яранском уезде, побывал в Знаменке [59, с. 15].

1 октября 1944 г. А. И. Кондаков был назначен заведующим отделом информации Президиума Академии педагогических наук (АПН) РСФСР, которая была незадолго до этого организована, так что Кондакова вполне можно считать одним из её основателей. Основным направлением работы возглавлявшегося им отдела были подготовка и выпуск сборников информационных материалов, куда входили сведения о работе всех пяти существовавших в те годы НИИ академии, информация о научно-педагогической деятельности на местах, библиографические сведения и т. д. В эти годы А. И. Кондаков был тесно связан практически со всеми крупнейшими учёными в области педагогики, психологии и смежных с ними наук. Да и сам он был уже крупным ученым. Особенно часто в силу служебной необходимости он встречался с Владимиром Петровичем Потёмкиным (1878–1946), первым президентом АПН РСФСР и одновременно наркомом просвещения России.

С огромным уважением вспоминал А. И. Кондаков выдающегося ученого и наркома здравоохранения Н. А. Семашко (1874–1949), в

те годы возглавлявшего НИИ школьной гигиены АПН РСФСР. (Кстати, Н. А. Семашко и А. И. Кондаков были родственниками.) Углубились научные связи А. И. Кондакова с вице-президентом АПН РСФСР К. Н. Корниловым (1879–1957), который приобрёл большой научный авторитет ещё до Октябрьской революции [59, с. 15]. С большой признательностью Кондаков вспоминал своих научных наставников: прежде всего, Николая Владимировича Чехова (1865–1947), сохранившего до конца жизни черты простого народного учителя, открытого, жизнерадостного человека с широкой русской душой, мудрого и доброжелательного советчика, а также Евгения Николаевича Медынского (1885–1957), первого консультанта Кондакова в научной работе.

Добрую память сохранил он о профессоре Николае Александровиче Константинове (1894–1958), входившем в руководство АПН РСФСР со дня её организации, сначала в качестве директора музея народного образования, а затем директора НИИ теории и истории педагогики [59, с. 15].

В 1950-е гг. А. И. Кондаков вернулся к научно-преподавательской работе, вёл занятия по педагогике, истории педагогики и педагогической психологии в Московском институте физкультуры и Московском областном пединституте им. Н. К. Крупской. В последние два десятилетия своей жизни он особенно много печатался, был постоянным рецензентом педагогических издательств, интенсивно работал на благо педагогической науки.

Умер А. И. Кондаков 18 апреля 1979 г. в Москве [59, с. 15].

IV. НЕ ПЛАКАТЬ, НЕ СМЕЯТЬСЯ, НЕ ОТВОРАЧИВАТЬСЯ, НО ПОНИМАТЬ! (Н. А. ДЕРНОВ)

...К комнате, в которой работает институтская приемная комиссия, решительным шагом подходит молодой человек. У двери он немного задерживается: читает на вывешенном плакате слова Бенедикта Спинозы, словно специально сказанные великим голландским философом в адрес абитуриентов и студентов: «Не плакать, не смеяться, не отворачиваться, но понимать!» Так вспоминал своё первое впечатление от Вятского института народного образования Иван Царегородцев. Вступительные экзамены, рассказывал Иван Васильевич на десятом десятке лет, его особенно не пугали. Он проделал такой путь до Вятки, что теперь его ничто не могло остановить.

По окончании Шарангской школы 2-й ступени он в числе трёх выпускников был командирован Яранским уездным отделом народного образования в Вятский институт народного образования. В лаптях, но в шляпе, купленной отцом в дорогу, нагруженный пудом сухарей, пудом гороховой муки, полушубком на зиму и другими необходимыми вещами отправился он в августе 1921 г. пешком к железнодорожной станции Котельнич. Пройти предстояло более двухсот километров. С тяжеленным мешком за плечами он едва оторвался от лавки и пошёл, пошатываясь. Путь до Котельнича через Санчурск и Яранск он осилил за шесть суток. В Котельниче с большим трудом удалось сесть на поезд. В дверях вагонов, набитых до отказа, стояли мужики с топорами в руках и никого не пускали. Многие ехали на крышах вагонов [59, с. 15].

В институте Ивана, как и других абитуриентов, определили в общежитие на улице Энгельса. Спали на полу, подкладывая под голову полено. После экзаменов занятия долго не начинались. Продукты у Ивана закончились, и он обратился за помощью к ректору Н. А. Дернову. Тот направил его в институтское учебное хозяйство. Заведующий хозяйством Яков Данилович Сатаев посочувствовал голодному первокурснику и выдал такую «охранную грамоту»: «Товарищу Царегородцеву разрешается сорвать несколько репок». В учхозе на подножном корме жили тогда многие нуждавшиеся студенты [59, с. 15].

Вятский институт был в те годы, несмотря на свою молодость, одним из самых известных в стране вузов. Объяснялось это тем, что он был в числе немногих институтов в стране, которые поддерживали Советскую власть и продолжали работать, несмотря на тяжелейшие материальные условия. Количество студентов в первые годы советской власти достигало в институте пятисот и более человек, что было немало по тем временам [17, с. 13].

В 1920 г. журнал «Народное просвещение» поместил ряд статей, в которых давалась высокая оценка деятельности Вятского института. Одни названия статей чего стоят: «Пионеры социалистической школы», «Берите пример с вятичей». В статьях давалась подробная положительная характеристика деятельности первого вуза на Вятской земле; в частности, автор отмечал хорошую постановку учебной работы, активную общественно-политическую деятельность коллектива института среди трудящихся и красноармейцев, а также оказание большой помощи органам образования в строительстве социалистической школы. Институт не пользовался никакими привилегиями,

получал, как и все другие вузы в то время, средства из центра с большим опозданием и в недостаточном количестве, ютился в убогом помещении и, тем не менее, как отмечалось в журнальных статьях, проводил творческую социалистическую работу. «Глядя на работу Вятского института, – делался вывод в одной из статей, – мы можем сказать только одно, обращаясь ко всем педагогическим учебным заведениям РСФСР: “Берите пример с вятичей! Ибо они доказали, что при доброй воле и преданности революции и социализму можно творчески работать и при совершенной разрухе”» [30, с. 31].

Энергичная работа института получила высокую оценку в НКП РСФСР. 7 декабря 1920 г. отдел подготовки учителей НКП известил Вятский институт, что он в числе четырнадцати вузов из шестидесяти существовавших тогда в РСФСР включён в группу «ударных». Свой высокий уровень институт неоднократно подтверждал и в дальнейшем [17, с. 24].

Примечателен и такой факт. В 1922 г. в связи с голодом и разрухой была прекращена деятельность почти всех высших учебных заведений страны. Среди всего лишь *четырёх* (!), продолжавших функционировать в РСФСР, был Вятский институт народного образования.

Столь заметные успехи в трудное время гражданской войны не пришли сами собой; они стали возможны во многом благодаря тому, что во главе института стояли такие замечательные организаторы, как Н. А. Дернов, Н. А. Желваков, С. А. Алыпов [34, с. 18].

Личность Н. А. Дернова впервые привлекла внимание автора данной монографии в конце 1980-х гг., когда Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина готовился отмечать свой 75-летний юбилей. По инициативе тогдашнего руководства вуза, прежде всего ректора Василия Афанасьевича Патрушева, было решено устроить музей истории института и издать книгу о КГПИ. В связи с этим проводилась работа по поиску документов, относящихся к первым годам и десятилетиям существования института. Автором данной монографии, в частности, были взяты десятки интервью у тогда ещё здравствовавших ветеранов института, таких как, например, руководитель студенческого профкома в 1920-е гг. Вадим Николаевич Никологорский, старейший преподаватель физики Василий Степанович Крекнин и др. Устанавливалась переписка с выпускниками довоенных лет. Был собран огромный объем документального материала, переданный на хранение в музей истории университета и, увы, впоследствии полностью там утраченный [35; 36].

Особенно ценными были сведения о первом ректоре института Н. А. Дернове, тем более что значительная их часть (фото, ксерокопии документов, воспоминания) была получена, так сказать, из первых рук – от его сына Юрия Николаевича, инженера по образованию, в ту пору уже пенсионера, проживавшего в городе Новосибирске. Он дважды по приглашению руководства КГПИ приезжал в Киров: встречался со студентами, участвовал в юбилейных торжествах в 1989 г., открывал мемориальную доску в память о его отце у кабинета № 221 тогдашнего главного учебного корпуса (ныне учебный корпус № 14 ВятГУ). Переписка с ним осуществлялась и в дальнейшем. В результате удалось восстановить не только основные вехи биографии Н. А. Дернова, но и многие факты, относящиеся к первым годам работы института [48].

Первый ректор Вятского института народного образования (впоследствии Вятского государственного педагогического института имени В. И. Ленина) Николай Андреевич Дернов родился 29 марта (10 апреля) 1891 г. в селе Верхопижемское Котельничского уезда Вятской губернии [43, с. 128]. Его отец Андрей Александрович служил учителем Закона Божьего в церковно-приходской школе в Яранском уезде. Родители Н. А. Дернова скончались в Санчурске незадолго до Великой Отечественной войны. У Н. А. Дернова было шесть сестёр: Варвара, Елизавета, Екатерина, Ольга, Елена и Любовь, но педагогом суждено было стать только Николаю [54, с. 239].

Н. А. Дернов получил прекрасное образование в столичном университете в области физики и математики. Его преподавателями в Санкт-Петербургском университете были ученики великого русского математика П. Л. Чебышева И. Л. Пташицкий, Ю. В. Сохоцкий, Д. Ф. Селиванов, И. И. Иванов, физик И. И. Боргман, астроном С. П. Глазенап и другие известные учёные [64, с. 13].

В годы учёбы Н. А. Дернов был активным общественником. В 1910–1913 гг. он входил в совет старост университета, работал в студенческом Красном Кресте. В те годы студенты-земляки для оказания взаимной помощи (деньгами, жильём, устройством на приработки и пр.) объединялись в землячества. Дернов был председателем вятского студенческого землячества [56, с. 164].

Однажды ему поручили пригласить выступить перед студентами Ф. И. Шаляпина, как известно, вятчанина по происхождению. Именно тогда под влиянием встречи с великим русским певцом у Николая возникла идея испытать себя на сцене самого престижного в

Санкт-Петербурге императорского Санкт-Мариинского оперного театра. Он принял участие в конкурсе на занятие должности статиста. Отбор вели ведущие артисты театра.

В результате Дернов был зачислен в штат и оставался в нем в 1910–1912 гг. Хотя в театре платили немного, для Николая была счастьем сама возможность выступать на сцене вместе с выдающимися артистами, такими как Антонина Васильевна Нежданова, Леонид Витальевич Собинов, Федор Иванович Шаляпин, пусть и в роли статиста. Шаляпин был необычайно строг и требователен как к себе, так и к другим. И горе было тому, кто «пускал петуха» на репетиции, а уж если во время представления, перед зрителями... [56, с. 165] У Николая было несколько «сольных выходов». Конечно, это были совсем крошечные роли. Так, в опере «Петр Первый» он изображал поварёнка, восклицавшего «Кушать подано!». В операх «Борис Годунов», «Орфей и Эвридика» и «Жизнь за царя» (в советское время она называлась «Иван Сусанин») он пел в хоре [55, с. 115].

Как ни притягателен был мир кулис, главным делом всё-таки оставалась учеба в университете. Учился Н. А. Дернов успешно; большинство отметок у него – «весьма удовлетворительно», что тогда было высшим баллом.

Университет Дернов оканчивал, так сказать, в два приёма. Дело в том, что он, обучаясь на физико-математическом факультете, стремился получить сразу две специальности: физика и математика. Это удавалось далеко не каждому, но в принципе было возможно, так как существовало немало общих предметов, отметки по которым засчитывались студентам обеих специальностей.

В 1912 г. Дернов сдал выпускные государственные экзамены на диплом физика, но не успел получить диплом. Как раз в эти дни произошли известные «ленские» события. За участие в организации студенческой демонстрации протеста против расстрела рабочих на ленских золотых приисках он был арестован 14.04.1912 г. 5 мая его вынудили подать прошение об отчислении из университета. Он был выслан в г. Кузнецк Саратовской губернии, где находился с 9.05.1912 г. по 8.01.1913 г. [87, с. 115] В связи с празднованием трехсотлетия царствования дома Романовых была объявлена широкая амнистия, которая коснулась и Дернова. По возвращении из ссылки он экстерном снова сдавал государственные экзамены на диплом физика, поскольку результаты ранее сданных экзаменов были аннулированы [59, с. 16] (учиться экстерном ему было не внове: ранее, ещё в 1908 г., он

таким образом оканчивал Вятскую мужскую гимназию и в августе того же года стал студентом [56, с. 165]).

В октябре 1913 г. Николай получил диплом 2-й степени «по группе физики», а в июне 1914 г. – диплом математика 1-й степени «с правом преподавания всех предметов, относящихся к циклу физики и математики». Следует заметить, что тогда университеты выдавали дипломы трёх степеней. Диплом 1-й степени вручался выпускникам, имевшим только отличные отметки. Претендент на диплом 2-й степени мог иметь несколько хороших отметок. Те же, кто не вполне соответствовал этим высоким требованиям – а таковых было значительное большинство, – получали диплом 3-й степени [55, с. 116]. Н. А. Дернов всегда стремился к знаниям, к повышению уровня своей образованности. Уже позднее, в мае 1920 г., он окончил в Москве Высшие педагогические курсы при Академии народного образования «по методической секции» [59, с. 17].

В январе 1914 г. Н. А. Дернов поступил нештатным преподавателем математики в частную гимназию и частное реальное училище П. К. Штемберга в Санкт-Петербурге и работал там до конца учебного года [56, с. 166]. С сентября 1914 г. в течение одного учебного года он работал в г. Бийске, где был допущен к исполнению обязанностей преподавателя в старших классах мужской гимназии. Вот таким сложным и продолжительным был испытательный срок для вступающих в должность учителя. И лишь 28 августа 1915 г. Н. А. Дернов был утверждён в звании преподавателя средних учебных заведений по разряду математики и физики [55, с. 116]. Три года молодой педагог проработал в Бийске. В гимназии он оборудовал физический кабинет и метеорологическую станцию, читал курсы метеорологии, физики и химии; подрабатывал на «народных чтениях» и на курсах сельскохозяйственных электромонтёров. С 1916 г. состоял членом хозяйственного комитета гимназии [56, с. 166].

В мае 1917 г. он ушёл добровольцем на фронт. Но воевать пришлось недолго. Уже через месяц, 25 июня в бою за город Калуш – ныне Ивано-Франковской области Республики Украина – осколком шрапнели ему повредило левое плечо. Извлечь осколок удалось лишь в 1929 г. в Воронеже, и он стал для детей своего рода семейной реликвией – «папиной пулей». За мужество, проявленное в том бою, Дернов был представлен командованием 8-й армии к Георгиевскому кресту IV степени, который он, впрочем, так и не получил [55, с. 116].

Выйдя из госпиталя, он предложил свои услуги в качестве преподавателя Вятскому учительскому институту. Педагогический совет

института в составе «исполняющего должность директора А. А. Григорьева и всех членов совета», обсудив «все данные биографии Н. А. Дернова», признал его «желательным кандидатом» на должность преподавателя и высказался за то, чтобы «предоставить ему все свободные часы по предметам его специальности, какие будут после введения новых программ преподавания» (протокол заседания совета института от 17 сентября 1917 г.) [55, с. 116]. Н. А. Дернову было поручено вести занятия по теоретической арифметике, введению в математический анализ, аналитической геометрии, химии и физике, позднее – по истории математики и методике математики [55, с. 116].

С мая 1918 г. по совместительству он заведовал техническими курсами для железнодорожников на станции Вятка-2. 4 октября 1918 г. Н. А. Дернова избирают в состав правления института, членами которого были также Константин Петрович Суханов, работавший в институте со дня его основания по 1955 г., и Александр Алексеевич Григорьев, сменивший в марте 1917 г. в должности директора института Александра Модестовича фон-Вилькена и теперь избранный председателем правления, а через несколько дней ещё и председателем президиума совета, в который, кроме названных преподавателей, вошёл также студент П. И. Кротов [30, с. 17].

То, что одним из руководителей института был избран Н. А. Дернов, не было, конечно, случайностью. Он сразу зарекомендовал себя талантливым преподавателем, умелым и инициативным организатором. Именно Дернов, как наиболее настойчивый и компетентный работник, был командирован в Москву, где с 18 по 25 августа 1918 г. проходило Всероссийское совещание «деятелей по подготовке учителей». На совещание он приехал с проектом реорганизации Вятского учительского института в высшее учебное заведение. Вятский проект был признан одним из лучших [17, с. 12].

В результате с разрешения НКП с 1.10.1918 г. институт стал работать как высшее учебное заведение, первое на Вятской земле.

Было преобразовано и название должности руководителя института. Директор учительского института А. А. Григорьев стал председателем правления и председателем президиума совета института. В том году в институте были созданы четыре «цикла» (позднее их стали называть факультетами): физико-математический, биологический, социально-исторический, литературно-художественный. (Ранее все студенты изучали одни те же предметы, деления на специальности не было [17, с. 13].)

Но уже через год грянула новая перестройка. В августе 1919 г. Дернов стал участником ещё одного совещания по реформе вузов. На сей раз они преобразовывались в институты народного образования. Вводилась специализация по так называемым *отделам*. Создавались следующие отделы: дошкольный, подготовки учителей школ 1-й ступени, 2-й ступени, школьных инструкторов по труду и работников по внешкольному воспитанию (политпросветработников). Вскоре первый и последний отделы были ликвидированы. Необходимо заметить, что в связи с обострившимся военным положением с апреля по июнь 1919 г. институт находился в эвакуации в Яранске [17, с. 17].

В апреле 1919 г. А. А. Григорьев выбывает из института. Несколько дней его возглавляет Дернов, вплоть до новых выборов. В соответствии с итогами выборов он передаёт руководство Николаю Александровичу Желвакову, который и руководил вузом с 20 апреля по 19 октября 1919 г. Затем руководителем снова (по 9 сентября 1920 г.) становится Н. А. Дернов [56, с. 167]. В период с 9.09.1920 г. по 6.12.1921 г. институт снова возглавлял Желваков, поскольку Дернов летом 1920 г. по рекомендации заведующего отделом подготовки учителей НКП К. Н. Левина, автора вышеупомянутых статей об институте, был приглашён для работы в этот отдел. Семья, правда, оставалась в Вятке, поскольку было не совсем ясно, где всё-таки в дальнейшем продолжит работу Н. А. Дернов. В Вятке это наркомпросовское назначение Н. А. Дернова было расценено как большая потеря. Поэтому 2 июля 1920 г. институт направил в НКП просьбу о возвращении его в Вятку. Но вопрос положительно не решался, и поэтому совет института на своем заседании 9 сентября 1920 г. всё-таки постановил считать Дернова выбывшим из состава сотрудников [56, с. 167–168].

Вятские власти высоко ценили Дернова и предприняли усилия для того, чтобы вернуть его в Вятку. На заседание коллегии Вятского губернского отдела народного образования 19 октября 1921 г. был вынесен вопрос «О назначении т. Дернова зам. зав. высшими педагогическими заведениями и зам. зав. высшими научно-педагогическими курсами». Было принято решение ходатайствовать перед НКП о снятии Дернова с вышеуказанных должностей и переводе его обратно в Вятку [56, с. 168].

В своём стремлении вернуть Дернова в институт его руководство и Вятский губоно решили поступить следующим образом: в соответствии с установленным Совнаркомом РСФСР «Положением о высших

учебных заведениях» были проведены выборы ректора, и на этих выборах, состоявшихся 7 декабря 1921 г., Н. А. Дернов был избран ректором института. Это были первые выборы ректора в первом вятском вузе. В правление (ректорат) также вошли заместитель ректора (про-ректор) Н. А. Желваков и представитель губернских общественных организаций политкомиссар Степан Акимович Алыпов [54, с. 240].

Мотивами избрания Николая Андреевича на должность ректора преподавательская комиссия сочла «длительный и успешный административно-хозяйственный опыт Н. А. Дернова в должности председателя совета института народного образования, его отзывчивость на общественные запросы жизни института и общественно-педагогическую жизнь местных организаций». Надо отметить, что сам Н. А. Дернов на процедуре выборов отсутствовал и вся история с выборами здорово напоминала ситуацию, которую отражает известное шутовое выражение «Без меня меня женили» [56, с. 168]. Будучи избранным ректором в Вятке, Н. А. Дернов продолжал как ни в чём не бывало по-прежнему работать в Москве. Наконец, 4 января 1922 г. НКП всё-таки удовлетворил просьбу вятских властей и принял-таки решение направить Дернова в Вятку. Так Н. А. Дернов, фактически вопреки своему желанию, приступил к работе в качестве ректора. Ответственную и хлопотливую должность ректора Дернов занимал по 17 октября 1926 г.

И как много он успел сделать за это время для института для дела просвещения в Вятской губернии! Он привлёк к работе в институте таких замечательных ученых и преподавателей, как Н. М. Каринский, И. Я. Депман, Б. С. Лукаш, П. Н. Луппов, М. Н. Шатров, П. Т. Решетников, А. С. Спасская, Б. П. Спасский, В. М. Дьяконов, И. Х. Ламберт, В. С. Крекнин, П. К. Мейер, П. П. Глезденёв, А. К. Волнин и др. Многие из них работали в институте долгие годы, снискали уважение своих коллег, студентов, педагогической общественности города и области [32; 67].

Исключительно много сделал Дернов для укрепления учебно-материальной базы института. Убогая обстановка, страшная теснота и нехватка помещений для занятий побуждали ректора искать выход. В марте 1920 г. он добился передачи институту части здания бывшего реального училища. Помимо института в этом здании разместились школа 2-й ступени имени А. И. Герцена, в которой часть студентов проходила педагогическую практику. Впоследствии в этом здании по адресу ул. Дрелевского (ныне Спасская), 67, размещался один из корпусов Кировского медицинского училища (колледжа).

Осенью 1921 г. институту было передано и здание бывшей мужской гимназии, в котором в 1918–1921 гг. размещалась школа им. И. С. Тургенева (ныне ул. Спасская, 12б), а впоследствии Кировский областной институт повышения квалификации учителей [56, с. 169].

Несмотря на некоторое улучшение, материальное положение института продолжало оставаться тяжёлым. Лаборатории и кабинеты располагались в нескольких кое-как приспособленных зданиях, ни одно из которых по большому счету не соответствовало потребностям института. Поэтому Н. А. Дернов настойчиво ставил вопрос о передаче институту одного из самых больших и красивых зданий города, построенного в первой половине XIX в. купцом Платоном Репиным. Длительное время в нём размещалось Вятское епархиальное училище. В конце концов Дернов добился своего: институт переехал в это здание в мае 1924 г. До настоящего времени оно остается учебным корпусом Вятского государственного университета под номером 14, хотя по праву должно бы было носить номер 1. Выглядело здание в ту пору совсем иначе; оно было двухэтажным, поскольку третий этаж был пристроен в 1932–1936 гг. уже при директоре М. А. Елсукове. Но по тому времени оно вполне устраивало институт. Большое количество аудиторий позволяло широко развернуть учебную и внеурочную работу, художественную самодеятельность, занятия физкультурой и спортом. Одновременно институту было передано несколько домов, находившихся поблизости. Там были устроены квартиры для преподавателей и общежитие. Ныне эти дома, кроме одного, снесены [56, с. 169–170].

В начале 1923 г. пединститут получил в своё распоряжение так называемый «истоминский» сад. История возникновения этого зелёного оазиса, и по сей день украшающего город Киров, такова. В 1913 г. отставной полковник Алексей Андреевич Истомин, получивший большое наследство (80 000 р.), решил в память о местах, где он бывал, разбить в утопавшей в грязи, провинциальной Вятке чудо-сад. Из столицы выписывались художники-декораторы, специалисты по парковому ландшафту. Вагонами поступали растения, и в один-два года в бывшем овраге Засора вырос сад с сотнями разнообразных кустарниковых пород и декоративных травянистых растений. Красивый таинственный уголок манил к себе горожан, был украшением Вятки.

Красочно описывает достоинства истоминского сада журналист Борис Зеленин в статье «Вятская Ривьера» (Вятская правда. 1929. 21 июня), но потом «спохватывается» и уже совсем другим тоном до-

бавляет: «В 1917 г. в числе прочих крупных культурных ценностей истоминский сад перешёл в руки новых, настоящих, по праву владельцев» [15]. То есть стал безхозным, ничейным и подвергся полному разграблению, добавим уже от себя. Поначалу – в 1918 г., а не в 1917 г. – сад перешёл в ведение естественно-научной лаборатории Вятского губернского музея, затем его передали губоно. То, что сад стал частью пединститута, позволило его восстановить; он сделался к тому же учебной базой для преподавателей и студентов-естественников. Ныне это всем известный Ботанический сад. Судьба же самого Истомина была крайне печальной. После национализации всего имущества он уехал в Кукарку, недолго работал там учителем биологии. Умер в 1920 г. [56, с. 170]

В 1926 г. по линии НКП Дернов добивается командировки в Германию и Францию на целых четыре месяца, с 16 мая по 16 сентября, для изучения постановки обучения в этих странах, прежде всего физики и математики, а также для приобретения приборов и литературы. На эти цели ему было выдано три тысячи рублей. Впечатления от этой поездки, для того времени невероятно продолжительной по срокам и свободной в смысле передвижения, он изложил в ряде статей для советских, французских и немецких изданий. В Берлине Дернов встретился с приехавшим туда на лечение известным профессором математики МГУ А. В. Цингером, и тот подарил вятскому институту целую библиотеку. Завязалась у Дернова дружба с французским профессором Требиньянцем; впоследствии они долго переписывались [59, с. 18].

Необходимо сказать о тесных связях, сложившихся у института с Н. К. Крупской. У истоков этой дружбы также стоял Н. А. Дернов. Крупская в своих письмах в Вятку не раз давала высокую оценку работе института. Так, учебный план 1923/1924 учебного года, разработанный институтом, рассматривался 18 февраля 1924 г. на заседании научно-педагогической секции Государственного ученого совета под председательством Крупской; он был признан одним из лучших и рекомендован к внедрению другим вузам.

Советы и указания Крупской вдохновляли студентов и преподавателей. Она оказывала институту материальную помощь выделением стипендий и оборудования, но прежде всего книгами. По её распоряжению прямо из Кремля шли в Вятский институт библиотечки, скомплектованные кремлёвским библиотекарем Шушаникой Никитичной Манучарьянц [55, с. 118]. Во время личных встреч с Дерно-

вым, а также в письмах Крупская неизменно подчёркивала необходимость просвещения масс. Осуществлять эту работу были призваны в первую очередь наиболее грамотные – студенты и преподаватели.

В начале периода новой экономической политики партией был выдвинут лозунг смычки города и села, шефства городских предприятий над деревенскими жителями. Институт подхватил этот лозунг и в числе первых развернул бурную деятельность в этом направлении. Особенно широко была поставлена работа по ликвидации неграмотности. По выходным дням десятки студентов с преподавателями отправлялись по деревням для чтения лекций и проведения бесед. Всего у института было около тридцати подшефных деревень и сел, в том числе и такие крупные, как Бахта, Русское, Ломовские и др. Широкому размаху шефской работы в деревне способствовало и то обстоятельство, что ректор института был председателем Вятского губернского шефского общества. Он считал необходимым как можно шире вовлекать студентов в просветительскую работу, и это было для них весьма полезной общественно-политической, а отчасти и педагогической практикой [55, с. 118].

Вся эта большая и ответственная работа среди населения и, прежде всего, конечно, заслуги института в обучении и воспитании студентов дали руководству института моральное право ходатайствовать о присвоении ему имени В. И. Ленина, что было для того времени величайшей честью. В этом вопросе Дернов нашёл поддержку у местных партийных и советских органов. Именем Ленина и других большевистских руководителей называлось огромное количество предприятий, вузов и т. д. Но это было чуть позже, уже после смерти самого Ленина. А вот в начале 1920-х гг. время этой «моды» ещё не пришло. Так что в этом плане руководители вятского института были в своём роде первопроходцами. Впоследствии руководители института неизменно с гордостью подчёркивали, что Кировский государственный педагогический институт является единственной организацией в мире, носящей имя Ленина с личного согласия вождя!

Как известно, со второй половины 1980-х гг. в нашей стране на страницах печати и по телевидению идут непрерывные споры между сторонниками и противниками Ленина и ленинизма. Многие из того, что ранее казалось бесспорным, незыблемым и даже аксиоматичным, стало в период горбачёвской «перестройки» – правильнее бы было сказать, «катастрофки» – подвергаться бескомпромиссному анализу и пересмотру. Рассказывая о судьбах наших героев, мы не можем из-

бежать упоминания о В. И. Ленине. Естественно, мы далеки от того, чтобы давать какую-либо оценку его личности и деятельности. Мы просто излагаем известные нам факты в таком виде, в каком они дошли до нас [59, с. 119].

В. И. Ленин знал о работе Вятского института от Крупской, передавал через неё коллективу института свои приветы и пожелания. Он не мог не знать и того, что этот вуз одним из немногих в стране сразу же поддержал новую власть, не устраивал забастовок. Крупская и убедила Ленина дать в порядке исключения согласие на присвоение своего имени институту. Со слов Ю. Н. Дернова автору этой монографии известно, что Ленин неохотно и не сразу дал это согласие. В конце концов он уступил настойчивым просьбам Н. К. Крупской и А. В. Луначарского, охарактеризовавшим Вятский институт как передовой, правофланговый, но в то же время Ленин поставил условие, чтобы руководители вуза приезжали к нему раз в год и отчитывались о проделанной работе. «Я не хочу краснеть за вуз моего имени», – сказал Владимир Ильич. Инициатива присвоения имени Ленина Вятскому институту была поддержана в НКП, где в то время работало немало вятчан. Один из них, заведующий Главсоцвосом Оттон Людвигович Бем, ранее заведовавший Вятским губоно, и прислал в Вятку долгожданную телеграмму: «Владимир Ильич согласие наименования пединститута его именем дал» [30, с. 39]. Это был, как уже отмечалось, один из очень немногих, а возможно, и единственный случай согласия вождя на подобного рода предложения. Официальное распоряжение по НКП о присвоении имени Ленина институту последовало 14 декабря 1922 г. Именно эта дата, вплоть до начала 1980-х гг., торжественно отмечалась в Кировском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина как актовый день [56, с. 172].

В ноябре 1923 г. Дерновым и Алыповым был получен вызов из Москвы: их приглашали с докладом о проделанной работе. Явившись 23 ноября в Кремль, они с огорчением узнали, что Ленин болен, находится в Горках и к нему никого не пускают. (Тогда сам факт тяжелой болезни Ленина тщательно скрывался от народа.)

«Приезжайте попозже, когда Владимир Ильич поправится», – посоветовали им в Кремле. Получив такое указание, Дернов с Алыповым растерялись: что же делать? И в самом деле, беспокоить больного Ленина было неудобно. Их сомнения рассеял один из сотрудников, посоветовав: «Раз вас В. И. Ленин вызвал и вызов не отменён, значит, вы должны ехать к нему в Горки». И они отправились к Ленину: сначала

поездом до станции Горки, а дальше – пешком по сугробам, в метель до усадьбы, где жил В. И. Ленин [56, с. 172]. Н. К. Крупская, встретив вятчан, сетовала, что они приехали в такую ненастную погоду, но сказала, что поступили они правильно. Она пошла в комнату, где находился Ленин. Через открытую дверь Дернов и Алыпов видели больного вождя, но беседовать с ними он был уже не в состоянии. Крупская лишь передала привет от него и выразила надежду, что в следующий раз, когда Владимир Ильич поправится, он их обязательно примет. Но новая встреча так и не состоялась...

Н. К. Крупская сказала гостям также, что она постоянно информирует Ленина о работе института. По ряду вопросов, которые было необходимо решить гостям, она посоветовала обратиться к Луначарскому и для ускорения решения вопроса снабдила их запиской к наркому просвещения. Вот так, в душевной беседе, за чашкой чая прошла эта незабываемая встреча. Прощаясь, Надежда Константиновна спросила Дернова: «Николай Андреевич, а у Вас дети есть?» – «Есть, сын Юра двух с половиной лет и дочь Ира шести месяцев», – ответил Дернов. Крупская вышла из комнаты на минуту и вернулась с кульком конфет: «Передайте Вашим детям от меня и Владимира Ильича». «Так что у меня был личный подарочек от Ленина», – говорил не без удовольствия автору монографии Ю. Н. Дернов. Надо ли говорить, что эти конфеты хранились в семье как святыня. Хранились до того самого черного дня 22 июля 1937 г., когда во время ареста Николая Андреевича проводивший обыск сотрудник сунул их себе в карман [56, с. 173].

О своём посещении Горок, о встречах с Крупской Дернов неоднократно рассказывал коллегам, детям. А детей у него было четверо: позднее родились ещё Надежда и Владимир. Именно эти имена были выбраны родителями, конечно, не случайно. Переписка Дернова с Крупской продолжалась и позднее, когда Николая Андреевича по распоряжению Луначарского перевели в Воронеж, а затем, уже при наркome А. С. Бубнове, – в Ростов-на Дону [56, с. 173].

В своих воспоминаниях преподаватели и студенты двадцатых годов с неизменной теплотой говорили о Н. А. Дернове. Ветеран института В. М. Дьяконов вспоминал, что Дернова отличали кипучая энергия, инициативность и деловитость, неустанная забота об институте. Расположение студентов и преподавателей к нему было всеобщим. Николай Андреевич был близок студентам. Объяснялось это и

небольшой разницей в возрасте, и тем, что ректор, как и большинство студентов, был родом из деревни, из простой трудовой семьи.

М. Л. Заболотных, приехавший учиться в Вятку в 1924 г. из Архангельской губернии, вспоминал: «Н. А. Дернов был невысокого роста, плотно сложенный, с седыми волосами “под бобрик”. Одет всегда был просто, скромно: неизменный чёрный китель, брюки в сапоги. Общительным и демократичным был руководитель нашего института. Студенты его очень уважали. Часто Н. А. Дернов выступал перед студентами на научные и политические темы. На вечерах всегда был со студентами, танцевал с молодежью. Особенно любил пройтись в вальсе со студенткой Аней Жаровских. В шутку и в знак признательности к Н. А. Дернову большой коридор на втором этаже студенты прозвали “дерновским проспектом”. Дернов имел привычку прогуливаться вместе со студентами по этому коридору и беседовать с ними». В ноябре 1989 г., в присутствии Ю. Н. Дернова, на втором этаже у входа в аудиторию № 221 была установлена мемориальная доска в память о Н. А. Дернове [55, с. 118].

Весело проходили в те годы институтские вечера. Большой популярностью пользовалась художественная самодеятельность. Активно работал агитколлектив «Синяя блуза». Под руководством ректора выступала так называемая «дерновская капелла». Большого количества музыкальных инструментов в распоряжении студентов не было, поэтому в качестве таковых нередко использовались самоварные трубы, заслонки, чугуны и прочая кухонная утварь. Выступления «капеллы» вызывали неизменно бурный смех [55, с. 118].

А жизнь между тем была тяжелая, голодная. Деньги совершенно обесценились. Зарплата в период так называемого военного коммунизма выдавалась обычно пайками, причем пайки выдавались нерегулярно, и состояли они порой из самых неожиданных предметов и вещей, которые реквизировались у «бывших». Это могла быть картина, веер, бюстик Вольтера или канделябры. Всё-таки чаще всего это были мануфактура или продукты, которые руководству института удавалось «выбить». Один раз в качестве месячной зарплаты могли выдать, например, буханку хлеба, в другой раз – пару селедочек или стакан пшена. Никакого обеда из такого пайка приготовить было невозможно. Поэтому семьи, жившие в тесно уплотненных коммунальных квартирах, нередко объединялись в «коммуны» и совместно питались. Кому что удавалось достать – всё шло в общий котел. Вот и Дерновы жили такой коммуной с семьями Константина Петровича

Суханова, преподавателя, работавшего преподавателем литературы со дня основания института вплоть до 1955 г., и братьев Сергея Владимировича, замечательного вятского музыканта, и Владимира Владимировича Дрягиных.

Все эти семьи были связаны узами родства. Женой С. В. Дрягина была сестра Н. А. Дрягина Екатерина. К. П. Суханов был женат на одной из сестер Дрягиных, Марии. Дом, ныне снесённый, в котором занимала одну из квартир эта «коммуна», стоял позади деревянного, тоже ныне снесённого, здания областного драмтеатра. (В свою очередь, здание снесённого драмтеатра располагалось позади нынешнего областного драматического театра [56, с. 174].)

Василий Федулович Смердов, тогдашний студент, впоследствии директор школы в Даровском районе, рассказывал, что Дернов всячески поддерживал стенную печать, считал её могучим орудием воспитания. В институте выходила стенная газета «Трудовое студенчество» и рукописная сатирическая газета «Жабрей». Членами редколлегии были Иван Царегородцев, Татьяна Боровикова, Михаил Карпов и Иван Сметанин, впоследствии почти полвека проработавший доцентом на кафедре философии родного института. На страницы «Жабрея» попадали все: от рядового студента до комсомольского вожака, от швейцара Ивана Павловича до ректора Дернова.

Кстати, со слов Ивана Минеевича Сметанина нам известно следующее. Будучи начинающим преподавателем, он получил в 1925 г. общественное поручение: подготовить к поступлению в институт директора местного кондитерского комбината М. И. Кошкина. Сметанин занимался с бывшим красноармейцем по гуманитарным и общественным дисциплинам. Однако поступил учиться Кошкин не в Кировский вуз, а в ленинградский, технического профиля. Это был тот самый Михаил Ильич Кошкин, ставший впоследствии конструктором танка Т-34... [55, с. 118]

То, что Н. А. Дернов стремился привить студентам интерес к печатному слову, понятно. Он и сам много писал. В те годы в Вятке издавались журналы «Просвещение», «Вятская жизнь», «Путь просвещенца». Правда, выходили они нерегулярно, были совсем небольшими по объёму, но всё-таки... В «Вятской жизни» Дернов был членом редколлегии с февраля 1923 г.; в «Пути просвещенца» — редактором (с января 1924 г.). Этот журнал издавался в помощь работникам просвещения Вятским губоно и Вятским правлением союза работников просвещения. Вот названия некоторых дерновских статей:

«Принципы организации трудовой школы с сельскохозяйственным уклоном», «Проверкомы и их роль в переподготовке учительства», «К летним занятиям по математике в школе 2-й ступени», «К вопросу об организации школ крестьянской молодежи», «Всем педагогическим техникумам губернии» и др. Уже названия статей позволяют сделать вывод о том, какие задачи ставила жизнь перед народным образованием в 1920-х гг., какие проблемы приходилось разрешать ректору Н. А. Дернову [56, с. 175].

Публикации Н. А. Дернова, представляющие до настоящего времени определённую историко-педагогическую ценность и дающие возможность сейчас понять и оценить путь, пройденный отечественной педагогикой и народным образованием страны за истекшие десятилетия, постоянно публиковались в 1920–1930-х гг. в региональных и центральных журналах, таких как «Научный работник», «Жизнь рабочей школы», «Красное студенчество», «Советское просвещение» (Воронеж), «Вятско-Ветлужский край» и др. Интересна его книга «Игра цифр» (Воронеж, 1934), включающая занимательные задачи, примеры и шутки из области математики. Всего выявлены 83 публикации Дернова. В мае 1922 г. ему было присвоено учёное звание профессора [55, с. 119].

Н. А. Дернов никогда не замыкался на работе в институте. Он жил широкими общественными интересами, принимал активнейшее участие в жизни губернии. По совместительству с февраля 1923 г. он исполнял обязанности зав. губернским отделом профессионально-технического образования, то есть был одним из заместителей заведующего губернским отделом народного образования.

Всего у него было около двадцати общественных поручений. В 1920–1924 гг. он избирался членом горсовета, членом губернского правления союза работников просвещения, членом бюро секции научных работников и т. д. В 1923 г. возглавлял губернскую комиссию по переаттестации работников просвещения. «Проверкомы» сыграли важную роль в организации переподготовки учительства и помогли избавиться от случайных людей. В ходе работы комиссии не только выявлялся уровень подготовки работников образования, но одновременно Дерновым и другими членами комиссии, как правило, уделялось внимание рассмотрению запросов и нужд рядовых учителей [56, с. 175].

В 1923 г. Н. А. Дернов был выдвинут кандидатом от Вятской губернии на всероссийский конкурс на звание лучшего учителя. «Вят-

ская правда» в большой статье подробно охарактеризовала Дернова как педагога. В итоге он оказался в числе победителей конкурса и получил памятный подарок.

Кстати, в этой же статье упоминался такой причательный факт: 2 июня 1923 г. Дернова избрали ректором одного из московских вузов, но Николай Андреевич не покинул Вятку и предпочёл остаться ректором вятского института.

Заметным событием того времени было посещение Вятской епархии в 1926 г. главой «обновленческой» церкви митрополитом Введенским, известным своими публичными дискуссиями на мировоззренческие темы с Луначарским. Руководство городской партийной организации решило провести антирелигиозный диспут под названием «Жил ли Христос?», пригласив на него приезжего митрополита, а в качестве оппонентов были выделены наиболее подготовленные научные силы, в том числе и Дернов.

Студент И. Д. Созонов вспоминал: «Наши студенты заполнили добрую треть зала и с большим вниманием слушали искусство спора о религии. Надо сказать, что митрополит Введенский оказался квалифицированным оратором, и его оппонентам пришлось немало потрудиться...» [56, с. 176]

30 октября 1926 г. Н. А. Дернов подал заявление об освобождении от обязанностей ректора «в связи с ухудшением здоровья». (При этом он ещё некоторое время работал преподавателем.) Действительной причиной ухода ректора с занимаемой должности были противоречия, сложившиеся в профессорско-преподавательском составе. Часть преподавателей в душе не поддерживала тогдашней политической линии, проводившейся в стране. Другие, наоборот, были активными проводниками идей социализма [56, с. 176].

Для того чтобы представить реальную ситуацию в коллективе института, приведём только один пример. С. А. Алыпову было поручено губкомом партии создать в институте так называемое объединение «Левое студенчество», из которого впоследствии формировались комсомольская организация и партийная ячейка. Борьба «правых» (так сказать, «традиционалистов») и «левых» (большевистски настроенных студентов и преподавателей) была особенно заметна при избрании депутатов в горсовет, кандидатов в правление и исполком коллектива, а также на выборах «уплсобеса» (уполномоченного по социальному обеспечению), то есть человека, ведавшего распределением продовольственных пайков, мануфактуры (обуви и одежды), то есть всего того, что было невозможно купить в магазинах [56, с. 176].

Нередко на выборных конференциях кандидатуры, предлагавшиеся партией, «проводились» в результате сильного нажима на студенческий и преподавательский коллектив. Например, как вспоминал ветеран института П. И. Лаптев, в 1921 г. на выборах правления института партией были предложены кандидатуры Дернова, Желвакова и Алыпova. Со стороны «правых» был выставлен список, включавший таких авторитетных преподавателей, как математик Иван Яковлевич Депман, филолог Николай Михайлович Каринский и др. Как видим, «правые» вовсе не были какими-то саботажниками и вредителями. Это были такие же уважаемые люди, придерживавшиеся, однако, несколько других политических ориентиров по сравнению с «левыми» «партвыдвиженцами».

Перед голосованием С. А. Алыпов, как вспоминал Лаптев, «авторитетно» заявил: «Партийцы, комсомольцы и “левое студенчество” голосуют за список партияки». «Таким ловким маневром, – продолжает Лаптев, – вполне оправдываемым в то время, удаётся с торжеством провалить кандидатуры, выставленные “правыми”».

Противостояние продолжалось и в дальнейшем, даже после того, как Каринский, Депман и другие известные учёные покинули Вятку и возвратились в столичные университеты. В такой ситуации Дернов, человек, сам прошедший школу столичного университета и учившийся у лучших российских преподавателей того времени, счёл за благо сложить с себя полномочия руководителя института [56, с. 177].

Как же складывалась в дальнейшем судьба первого ректора первого вятского вуза? У Н. А. Дернова были широкие связи и знакомства в наркомпросе, и ему, конечно, не составило большого труда устроиться в другом высшем учебном заведении. 28 апреля 1927 г. его назначили деканом педагогического факультета Воронежского университета. Фактически он приступил к работе с 13 мая и занимал эту должность до начала 1930 г. Воронежский университет был основан в июле 1918 г. на базе эвакуированного Юрьевского (ныне г. Тарту) университета. Поначалу университет имел историко-филологический, физико-математический, медицинский и юридический факультеты. В 1930–1931 гг., как раз в период работы в нём Дернова, из состава университета выделились и стали самостоятельными институтами медицинский, экономический и педагогический факультеты. В Воронежском университете в ту пору работали такие известные люди, как хирург Н. Н. Бурденко, химик А. В. Думанский, ботаники М. С. Цвет, Б. А. Келлер, Б. М. Козо-Полянский. В целом ко времени

прихода Дернова это был крепкий в материальном и кадровом отношении вуз [56, с. 177].

8 июня 1930 г. Н. А. Дернов утверждается профессором математики Воронежского университета. Далее его назначения следуют одно за другим. Надо, однако, иметь в виду, что большинство должностей он выполнял по совместительству или в порядке общественной нагрузки. Так, с июля 1930 г. Дернов – директор и профессор Воронежского рабочего университета им. Ф. Э. Дзержинского на общественных началах. В ноябре 1930 г. он назначается заведующим свекловичным факультетом Воронежского сельскохозяйственного института. С января по май 1931 г. он исполняет обязанности заведующего кафедрой математики этого же института. 4 апреля 1931 г. он был назначен заведующим сектором точных наук и заведующим кафедрой методологии математики НИИ математики, существовавшим при университете. В октябре того же года он заведующий математическим отделением и кафедрой математики ВГУ. 22 февраля 1932 г. он назначается заместителем директора университета «по учебно-методическому сектору», то есть становится проректором, с 10 ноября 1933 г. – по совместительству заведующим кафедрой геометрии ВГУ. В тот же год он одновременно выполняет обязанности зам. директора университета по научно-учебному сектору с одновременным возложением на него обязанностей директора НИИ математики [55, с. 177–178].

Вскоре в жизни Дернова новый поворот. Приказом по НКП № 222 от 16 марта 1934 г. он был освобожден от указанных должностей и назначен директором Ростовского университета. О своём возможном переводе в Ростов-на-Дону он знал ещё в конце 1933 г., когда его вызвали в Москву и с ним, по словам Ю. Н. Дернова, беседовал на эту тему секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреевич Андреев, сказавший тогда Дернову: «Вам даётся три года для того, чтобы университет вошёл в число лучших. Через три года отчитаетесь» [55, с. 119]. Как и ВГУ, Ростовский университет также был основан на базе эвакуированного вуза. В 1915 г. в этот южный русский город была переведена часть оборудования Варшавского русского университета, основанного в 1869 г. Университет не раз изменял своё название. В 1917 г. он стал Донским университетом, в 1925 г. – Северо-Кавказским, а в 1931 г., после реорганизации, завершившейся, как и в Воронеже, выделением ряда факультетов в отдельные институты, получил название Ростовского университета имени В. М. Молотова. В университете работали видные российские ученые: математик Г. Ф. Воро-

ной, химик Е. А. Вагнер, геолог и палеограф В. П. Амалицкий, кристаллограф Г. В. Вульф, ботаник и микробиолог Д. И. Иваницкий, хирург Н. А. Богораз. В то же время материальная база университета была незавидной. Потребовались настойчивые усилия Дернова и его коллег для того, чтобы университет твердо встал на ноги, стал одним из ведущих в стране.

Осенью 1936 г., через три года, Н. А. Дернова вызвали в Москву. На совещании в ЦК о деятельности Дернова было сказано немало хорошего. Казалось бы, все шло нормально. Но никто в нашей стране не мог в те годы чувствовать себя в безопасности. Теперь известно, что уничтожение лучших кадров велось сталинским режимом сознательно, последовательно и методично. Не избежал этой участи и Н. А. Дернов [55, с. 119]. Приказом по НКП № 1806 от 15 июля 1937 г. он был снят с должности директора и декана физико-математического факультета РГУ. В ноябре того же года арестовали жену. При обыске были изъяты ценные вещи, книги и другое имущество, которое, разумеется, так и не было возвращено. Изъяли письма, фотографии... Чудом уцелели несколько писем, фотографий и почтовых карточек. Одна из фотографий во время ареста прилипла к подошве ботинка сына Дернова и только поэтому сохранилась. Это именно та «классическая» фотография, которая впоследствии включалась в ряд изданий и позволяет нам теперь представить внешний облик Н. А. Дернова в 1930-е гг. [56, с. 179].

Дочь Дернова Ирина сохранила несколько открыток, которые отец в своё время посылал домой из Москвы, где находился в командировках. В 1988 г. она писала автору этой монографии: «Отца я помню прекрасно, прежде всего, как человека необыкновенно доброго, чуткого, веселого. Всегда он был очень занят, но редкие минуты отдыха умел превращать для нас в праздник. Поскольку многие годы никакого дома у нас не было, то и документов отца практически не осталось. Очень много посылали мы запросов, чтобы узнать о судьбе отца. Когда я училась в Москве, то передавала на имя Сталина письма. Ответы получали такие: “Десять лет без права переписки”. Простые люди тогда не знали, что такая формулировка, как правило, означала расстрел. Потом сообщили, что отец умер в 1943 г., в 1945 г. Были и другие даты смерти. Так было принято, чтобы запутать дело» [56, с. 179].

Только в 1989 г. был получен ответ, который вроде бы ставит точку. В ответе, полученном из Военной Коллегии Верховного Суда СССР, сообщалось, что Н. А. Дернов 20.06.1938 г. был осужден этой

самой Военной Коллегией по ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу. Он был признан виновным в том, что якобы являлся участником антисоветской террористической организации и участвовал в подготовке террористических актов в отношении руководителей партии и правительства. Абсурдность обвинений в адрес уважаемых и беззаветно преданных своей стране людей тогда никого не удивляла; именно таких и уничтожали в первую очередь. Поэтому многие воспринимали эту чушь как нечто само собой разумеющееся. Данных о времени приведения приговора в исполнение нет, но обычно расстрел производился в тот же день. 17 сентября 1957 г. Дернов был посмертно реабилитирован и приговор в отношении его отменён [56, с. 179].

В годы сталинщины подверглась гонениям и семья «врага народа». Жена Николая Андреевича Раиса Васильевна (1894–1983) в ноябре 1937 г. была выслана в Казахстан, а после ссылки жила с дочерью. Их дети (сын Юрий, дочери Ирина и Надежда) стали инженерами и жили (соответственно) в Новосибирске, Саратове и Новочеркасске. Малолетний сын Володя трагически погиб в военные годы в результате бытовой травмы [55, с. 119].

Н. А. Дернов оставил яркий след в истории Вятского пединститута. Его жизнь и деятельность и сегодня вызывают немалый интерес исследователей, в частности в тех городах, где он работал, особенно в Ростове-на-Дону. Автор монографии предоставил все имеющиеся в его распоряжении сведения о Н. А. Дернове в распоряжение ростовского исследователя М. Б. Налбандян, которая пропагандирует имя и деяния Николая Андреевича в местной прессе.

А вот Иван Васильевич Царегородцев прожил большую жизнь – без малого сто лет. По окончании института в 1926 г. он работал директором школы в Омутнинске и Кае, в 1934–1939 гг. руководил краеведческим музеем в Кирове (в то время он назывался музеем революции). Два предвоенных года работал преподавателем в родном институте. Затем служил в армии, вышел в отставку подполковником в 1954 г. В дальнейшем работал в учебных заведениях г. Ульяновска. Умер в 1992 г. [59, с. 22]

V. КРАСАВЕЦ, С ФИГУРОЙ И ЛИЦОМ АПОЛЛОНА (С. А. АЛЫПОВ)

В развитии просвещения на Вятской земле видную роль в начале 1920-х гг. сыграл Степан Акимович Алыпов. Он родился в 1898 г. в маленькой глухой деревушке Дубровцы Елганской волости Глазов-

ского уезда (ныне территория Фалёнского района Кировской области) в бедной, многодетной семье [34, с. 18].

Начальное образование Степан получил в школе села Елгань. Непросто было убедить отца отпустить мальчика на учебу. Стёпе было в ту пору уже 9 лет, по крестьянским понятиям почти готовый работник, а думы отца были заняты только одним: как прокормить семью, не умереть с голоду. А учёба что, баловство... За два года школа окончена, причём с отличием. Приходится отцу соглашаться на продолжение учёбы. Степан едет в Ухтымскую 2-классную земскую школу, затем в Кукарскую учительскую семинарию. В 1916 г. он получает звание учителя народных училищ. Приступает было к работе в земском училище в селе Порез...

Но уже вскоре, в 1917 г., его мобилизуют в царскую армию, где он служит в 133-м Симферопольском полку на румынском фронте. В конце всё того же столь печально знаменательного для России года Алыпов вернулся в родные края и активно включился в общественную жизнь. В 1918 г. началось формирование Красной армии, и Степан ушёл добровольцем в её ряды [59, с. 23].

Известный вятский хлебороб, дважды Герой Социалистического Труда, председатель орденоносного колхоза «Красный Октябрь» Кулёвского района Петр Алексеевич Прозоров вспоминал в 1960-е гг.: «Со Степаном Алыповым мы вместе служили в 17-м Приволжском полку. Он был тогда председателем культурно-просветительной комиссии полка, а я был её членом. Мы среди красноармейцев вели большую политическую работу, а также ликвидацию неграмотности. Уже тогда Алыпов был известен в Москве, куда не раз его вызывали» [80].

Старый коммунист Н. Четвериков рассказывал: «Со мной рядом сидел Алыпов Степан; бывший семинарист учительской семинарии, он работал тогда в политуправлении Восточного фронта. Отблески пляшущего в камине пламени играли на его лице и шинели. Красавец, с фигурой и лицом Аполлона, чудесный лектор. Он решил рассказать нам свои мысли о будущем. “Да, товарищи, раскрепощённый труд, как раскрепощённый Прометей, достанет с неба огонь. Своим трудом, овладев наукой, пролетариат построит корабли и полетит на Луну и другие планеты, зажжёт там жизнь...” В этот вечер мы все были под впечатлением его бурной и для тех времён поистине фантастической речи» [80].

Интересный отрывок из дневниковых записей своего прадеда Василия Фаддеевича приводит журналист Н. В. Ситникова: «...Мы

частенько ходили на антирелигиозные лекции Алыпova. Это был довольно высокий, видный молодой человек, хороший лектор и оратор. Вся аудитория состояла из людей, подобных мне, то есть красноармейцев. С особым вниманием слушали его и часто смеялись от души! Говоря серьёзно, он очень смешил публику разбором и критикой религии, всяких культов, жрецов. Юмор его был неистощим. Я всегда с удовольствием слушал его» [80].

Степан Алыпov страстно стремился к знаниям. Для таких, как он, собственно, и был открыт педагогический институт [58, с. 123]. Неудивительно, что он поступает в Вятский институт народного образования и вместе со студентами А. И. Беляевым, И. П. Венценосцевым и преподавателем Н. А. Желваковым становится активнейшим членом институтского кружка социалистической культуры в 1918/1919 учебном году. Кружок ставил своей целью «коренную реорганизацию института революционным темпом, всемерную поддержку и углубление школьной революции... непосредственное участие в общественно-политической жизни государства для приближения победы пролетариата и торжества идей Советской власти» [59, с. 23].

В кружок могли вступать как студенты, так и преподаватели, полностью принимавшие его программу. Ядром кружка была революционно настроенная молодежь. Члены кружка вели активную борьбу по чистке студенческих рядов от буржуазно и пассивно настроенных «элементов». В итоге были исключены около пятидесяти человек. На их места по командировкам губернского отдела народного образования был объявлен дополнительный приём [11, с. 20]. Кружок социалистической культуры был, по существу, политической организацией. Из него впоследствии выросли партийная и комсомольская ячейки. Кружок имел своих представителей в администрации института, развернул активную деятельность в борьбе «за новые методы работы».

Осенью 1919 г., по возвращении института из эвакуации из г. Яранска (реэвакуация прошла 25 июля и 8 августа, двумя потоками), создаётся коммунистическая ячейка. 31 января 1921 г. было принято постановление губкома ВКП(б) о введении С. А. Алыпova в состав правления Вятского института народного образования в качестве политрука [59, с. 23]. 5 февраля совет института «реконструировал» правление. Его председателем, а также заведующим научно-педагогической частью был избран Н. А. Желваков, его заместителем по административно-хозяйственной части – Н. А. Дернов. Третьим членом правления был С. А. Алыпov.

Однако осенью того же года прибыл циркуляр Главпрофобра от 26 октября 1921 г., в котором предлагалось, согласно новому положению, приступить к перевыборам правления института. 7 декабря 1921 г. состоялись новые выборы [30, с. 36]. В итоге в состав правления вошли Н. А. Дернов (ректор), Н. А. Желваков (проректор), и С. А. Алыпов. По существу, первые двое поменялись должностями. При этом Алыпов уже не выполнял официальной роли политрука, как раньше. Он был введён в состав правления в качестве так называемого представителя местных общественных организаций, для связи института с ними. Но фактически он, как и прежде, оставался политруком. В полной мере его можно считать первым в истории института секретарём партийной организации [59, с. 23].

До 1 июля 1926 г. работающими на постоянной основе в институте были двое: ректор и проректор. Алыпов основную работу выполнял вне института. К числу его обязанностей в институте относилась организация общественно-политической жизни студенчества. После С. А. Алыпova эти функции выполнял председатель губисполкома и преподаватель истории ВКП(б) Василий Николаевич Панфилов (с 22.09.1923 г. по 1.12.1925 г.), а затем преподаватель И. И. Чернин. В дальнейшем рост института требовал усиления состава правления постоянным работником. Поэтому при перевыборах правления в мае 1926 г. все три члена правления были избраны из состава работников института. Ректором был вновь избран Н. А. Дернов, проректором по учебной работе – Я. Л. Харапинский, проректором по административно-хозяйственной работе – В. М. Дьяконов.

А уже 18 ноября того же года ректором института был избран М. А. Фаворов. (В конце 1990-х гг. автор этой книги общался в Москве с его дочерью Людмилой.) Старейший преподаватель института Василий Михайлович Дьяконов (1893–1975) вспоминал, что люди, составлявшие руководство института в начале 1920-х гг. – Дернов, Желваков и Алыпов, хорошо дополняли друг друга. При этом Алыпova он характеризовал как глубоко принципиального партийного работника, отличного организатора масс, яркого оратора, талантливого журналиста. Алыпов был кумиром передового студенчества, грозой пассивного «болота» [59, с. 23–24].

И. В. Царегородцев вспоминал: «Большое впечатление на нас, студентов, производил Алыпов, политкомиссар института. Мы любили слушать его доклады на международные и антирелигиозные темы. Он же проводил с нами политзанятия, на которых давал нам азбуку

политической грамотности. Под его руководством еженедельно выпускались бюллетени с кратким содержанием политических событий в стране и за рубежом. Алыпов объединил нас, – детей рабочих и крестьян в так называемое “левое студенчество”, из которого позднее вербовались комсомольцы...» [59, с. 24] Действительно, как человеку молодому, близкому по возрасту студентам, да и сам он был студентом этого же вуза, С. А. Алыпову было поручено создание этого объединения.

Вскоре объединение «Левое студенчество» было создано. Оно повело борьбу с «правыми элементами», среди которых были в основном дети относительно более состоятельных родителей. В преподавательском коллективе, как уже отмечалось, также шла борьба «правого» и «левого» направлений. 25 октября 1920 г. партийная организация института постановила создать ячейку комсомола. Наиболее активно содействовали её организации молодой коммунист И. П. Венценов и Алыпов [30, с. 26].

Краевед из Фалёнского района Н. П. Шулепов рассказывал: «В институте Алыпов был признанным вожакom молодёжи. В то трудное время его всегда можно было встретить среди студентов: на разгрузке вагонов и очистке путей, на вылавливании дров из реки Вятки, во главе студентов, ведущих борьбу с беспризорностью или собирающих средства для голодающих Поволжья» [80].

Оказание помощи голодающим на некоторое время отодвинуло в сторону многие другие важные проблемы, разрешением которых занимался Алыпов. Невозможно без содрогания читать газетные материалы об ужасах голода в начале 1920-х гг. в Самарской, Саратовской и других губерниях Поволжья: «...Раскопки на кладбищах и поедание трупов... Местными властями отобраны запасы человеческого мяса... В сенях под ларём найдена голова мальчика 10–12 лет, оставленная на студень... Кокорин Борис, 60 лет, выел целый бок до ребер и левую руку до локтя у своего сына Ивана. На другой день, как отняли его от трупа, он умер... Дети с воплем собираются на пороге канцелярии сельсовета и рыдают: “Либо накормите нас или же зарывайте живыми”. Грозит полное мародерство... Питательные пункты, где кормили травой, корой деревьев и костяной мукой, закрываются по причине отсутствия и этих суррогатов... Поедают кошек, собак... поголовно вымирают целые семьи, целые села и деревни...» [59, с. 24]

Как же это могло произойти? Ведь до «Великой Октябрьской социалистической революции», которую, кстати, даже «кремлёвские

вожди» называли в то время «октябрьским переворотом», Россия кормила хлебом, мясом и маслом практически все европейские страны. В 1913 г. 80% ржи в Европе было собрано именно в России.

Задумывался ли над этими фактами «стальной боец революции» Степан Алыпов? Или прозрение наступило много позже, когда он сам попал под нож сталинской мясорубки? Кто знает? Во всяком случае, пока же от грандиозного ленинско-сталинского социального эксперимента страдали другие. А страдания других, как известно, как-то легче переносятся...

В 1922/1923 учебном году организуется организация «Послед-гол», ставившая перед собой цель ликвидацию последствий голода, прежде всего в Поволжье. С. А. Алыпов изыскивал возможность помочь умирающим от голода людям. Для этого организуется кружечный сбор пожертвований, ставятся платные спектакли, концерты, читаются лекции и доклады с привлечением научных сил института, организуются субботники [30, с. 27].

Вот типичное объявление, помещённое в «Вятской правде» 22 марта 1922 г.: «В среду 22.03 в 6 ½ вечера в педагогическом институте состоится оперный вечер из отрывков опер “Борис Годунов”, “Русалка”, “Лакме”, “Севильский цирюльник” в сценической обстановке, с участием местных и приезжих сил. После исполнения отрывков – буфет, лотерея, танцы. Весь чистый сбор поступит в пользу голодающих. Билеты от 50 до 100 тысяч рублей продаются в помещении института (угол улиц Дрелевского и Свободы) ежедневно с 10 до 3-х и с 5 до 8 часов» [59, с. 24].

Не стоит удивляться «высокой» стоимости билетов. Деньги обесценивались с каждым днём. За неделю работы где-нибудь на ремонте железнодорожных путей студенты порой зарабатывали каждый по несколько сотен тысяч рублей, и вскладчину покупали буханку хлеба. Одну на всех!

В 1922 г. новые банкноты имели такую надпечатку: «Один рубль выпуска 1922 г. равен 10 000 рублей всех ранее выпущенных образцов». На банкнотах 1923 г. надпечатка гласила: «Один рубль 1923 г. равен одному миллиону рублей дензнаками, изъятыми из обращения или ста рублям дензнаками 1922 г.».

Цены буквально на все были просто сумасшедшими. В марте 1922 г. экземпляр газеты «Вятская правда» стоил 6000 рублей в Вятке и 8000 рублей в уездах и на железнодорожных станциях. С начала мая цена одного номера в Вятке подскочила до 30 000 р., а к середине мая – уже до 40 000 р.!

Вот почему студенческую стипендию выдавали продуктами. На человека в тот период в месяц полагалось ржаной муки от 15 фунтов до 45; иногда она заменялась овсяной мукой или совсемкой, то есть «советскими семенами». Это была бросовая смесь разных семян; такую при «Николке-дураке», то есть при «проклятом царском самодержавии», бедняки запаривали на корм свиньям.

Официально пайки были поистине грандиозными. Например, мяса студенту полагалось от 3.5 до 10 фунтов (четыре килограмма!), масла от 0.75 до 3 фунтов (1.2 кг), табака – от 0.5 до 1.25 фунта и т. д. Это очень неплохо и по теперешним меркам. Но эти нормы, конечно, никогда не соблюдались, даже в сильно урезанном виде.

Изредка институту давали небольшое количество так называемых «пайков АРА» (американской рабочей помощи), куда обычно входили банка сгущёнки, галеты, бисквиты. Конечно, и они, эти пайки, обычно на руки не выдавались, а использовались для приготовления коллективных обедов в столовой [12, с. 24].

Н. А. Желваков, ведавший выдачей пайков, обычно вывешивал шутовское объявление в стихах, где под рифму перечислялось всё, что выдавалось: «Приходите, люди учёные, получать папиросы кручёные...» Некурящие охотно выменивали табак на продукты или мануфактуру. Распределением пайков занималась созданная при исполнительном бюро студентов «распредтрояка» (Алыпов, Баранов, Окишева). Иногда нуждающиеся студенты снабжались сапогами, валенками, брюками, бельем и другими полезными вещами [59, с. 25].

До конца 1921 г. все студенты получали одинаковый паёк. С 1922 г. по настоянию партячейки для распределения пайков все студенты были разбиты на три категории в зависимости от социального положения, нуждаемости и проявления ими активности в общественной работе, под которой подразумевалась прежде всего работа на субботниках и воскресниках. Первой категории как-то раз выдали на месяц по пуду муки (16 кг); студенту, относящемуся ко второй категории, – 30 фунтов (12 кг), а третьей категории – ничего.

На первый взгляд 16 кг – это много. Но ведь кроме этого на месяц больше ничего не выдавалось, а одной мукой сыт не будешь. Поэтому её несли на рынок и обменивали на другие продукты. Был и другой вариант: сдать муку в столовую института и получить право на ежедневные обеды. Многие так и делали. Немудрено и то, что после введения деления студентов на три категории участие студентов в общественной работе усилилось. Если получавший паек студент от-

казывался участвовать в этой работе, он снимался с пайка полностью или частично. Не выданные пайки, так же как и пожертвования, сдавались в «Последгол» [59, с. 25].

С. А. Алыпов писал: «Студенты Вятского педагогического института на общем собрании своём 22 апреля единогласно постановили вместо прежних отчислений с 1 апреля отчислять в пользу голодающих 10% от получаемого пайка. При таком отчислении 150 студентов, получающих пайки, в месяц будут давать голодающим одной муки больше 15 пудов. Таким образом, принцип “десять сытых накормят одного голодающего” будет осуществлен полностью» [7]. Таким образом, торжествовал типично партийный большевистский принцип: *не организовать что-то новое, не создать новые ценности, а перераспределить имеющееся*; помочь бедным и несчастным за счет других, таких же бедных и несчастных.

При «проклятом царизме» студент был достаточно уважаемой социальной фигурой. Институты, как правило, не имели общежитий, и студенты снимали под жилье квартиры, где обычно и столовались. Бытописатели старой России (В. А. Гиляровский, И. С. Шмелёв и др.) неизменно отмечали буйный нрав тогдашних российских «студюзов», живописали их пьянки и гулянки. Но раз студенты императорских университетов *пили и гуляли*, значит, им *было на что пить и гулять!*

В 1923 г. положение студенчества значительно улучшилось: значительно снизилась инфляция, увеличились стипендии, отпала необходимость в пайках и распредройке. Раз в день студенты, отказавшиеся от пайка, получали право питаться в столовой института, которая была открыта в 1921 г. Повар Прокопий Иванович Малков – он работал в институте в 1921–1923 гг. – величественно разливал борщ в миски. Некоторые подходили к окошку со своими котелками; таким студентам он чуточку добавлял похлебки [59, с. 25]. В. М. Дьяконов вспоминал, как однажды для институтской столовой зарезали выбракованную старую институтскую лошадь. Это уже был праздник, целое событие, хотя мясо и оказалось очень жестким. Столовая была самым оживлённым местом. Сюда приходили не только для того, чтобы поесть, но и поговорить, встретиться с друзьями, посмеяться.

Студенты тех лет вспоминали, что, хотя материальные трудности и были несравнимы с теперешними, никого это особенно не угнетало, а их материальные запросы были очень скромными. Все чувствовали себя счастливыми уже от того, что учились в высшем учебном заведении, и на институт смотрели как на храм науки.

Тогдашний студент Константин Григорьевич Селезнёв вспоминал, в частности, что молодёжь тех лет отрицательно относилась к ношению галстуков, рассматривая их как пережиток прошлого. Ещё более отрицательным было отношение к шляпам. Увидеть студента в шляпе было невозможно. Кепка, рубаха-косоворотка, сапоги – вот обычная одежда и обувь студентов. В зимнее время носили валенки. Но начиная с 1926 г. облик студента стал определённо меняться. Студенческая жизнь постепенно улучшалась, одеваться и питаться в период НЭПа стали лучше и внешне выглядеть культурнее, нежели в начале двадцатых годов.

Степан Алыпов стремился отойти от нарождавшейся уже в ту пору политической шумихи и плодившихся штампов в агитационно-пропагандистской работе. Так, на вечере, посвящённом 40-летию со дня казни уроженца Вятской губернии, известного революционера-террориста С. Н. Халтурина, после доклада и концерта он организовал политическую шарату под названием «Генуя», представлявшую собой нечто вроде инсценировки в лицах. Советская делегация была тогда впервые приглашена для участия в этой международной конференции. «Вятская правда» по поводу этой «ролевой игры» писала: «Необходимо отметить, что, несмотря на неподготовленность участников “конференции”, последняя прошла весьма оживлённо, причём перед слушателями наглядно прошло всё то, что может быть предъявлено на Генуэзской конференции русским делегатам, и отношение самой России к конференции. Зрители: учащиеся института, члены РКСМ (Российского коммунистического союза молодежи. – В. П.), курсанты рабоче-крестьянского университета и члены РКП (Российской коммунистической партии. – В. П.) с большим вниманием выслушали декларации капиталистических стран, причём требования, предъявляемые России, покрывались шиканьем и свистом, и, наоборот, удачные выражения представителя России, – шумными одобрительными аплодисментами. Этот совершенно новый вид агитации можно было бы рекомендовать для проведения и в других местах для рабочих и красноармейцев, но действительное открытие конференции в Генуе 10-го апреля и неизвестность, во что выльются работы конференции, вероятно, не позволят повторить ещё этот первый и удачный опыт» [2].

В 1923 г. в институте была организована ячейка всероссийской организации «Лига времени». В члены ячейки должны были войти прежде всего партийцы и комсомольцы, чтобы собственным приме-

ром показывать остальным студентам образец правильного использования своего времени, аккуратной явки на собрания, своевременного выполнения общественных поручений и трудовых заданий. Вообще, аббревиатура «НОТ» была тогда очень популярна. Повсеместно организовывались кружки научной организации труда, штудировались работы Алексея Капитоновича Гастева и Платона Михайловича Керженцева. Функционировал даже институт НОТ во главе с тем же Гастевым, который, кстати, полтора десятка лет спустя был расстрелян как «враг народа». Вообще же стремление к НОТ было здоровым увлечением, воспитывавшим привычку к четкости и организованности [59, с. 26].

Имя С. А. Алыпova становится известным далеко за пределами института и губернии. Участвовавший в работе XII губернской партийной конференции член президиума Центральной контрольной комиссии РКП(б) А. А. Сольц писал о нём: «Алыпovu – 24 года; он только с 1920 г. в партии, но он самый вдохновенный, самый любимый член Вятской организации... Он сам горит в работе и вдохновляет всех кругом... своим радостным энтузиазмом, верой... Он жадно впитывает знания, которые дают ему книги и газеты, и также жадно, с большим мастерством эти знания передаёт дальше учащемуся юношеству, членам партии, беспартийным» [11].

С. А. Алыпov привлекал студентов к общественной деятельности, призывал их не ограничиваться работой только в институте, не замыкаться в его стенах. По его инициативе студенты принимали участие в деятельности рабкоровского и литературного кружков при редакции газеты «Вятская правда», с которой сам Алыпov был тесно связан. В 1921 г., и в особенности в 1922–1923 гг., его статьи в этой газете появлялись едва ли не через день-два, а иногда и каждый день [3–5].

Студенты занимались в спортивных группах при городском дворце профсоюзов («дом организованного пролетариата»). Здесь же был драматический кружок, которым руководили артисты драматического театра. Большинство занимавшихся в этом кружке были студенты, благо институт был рядом, буквально в двух шагах. Да и драматический театр был для будущих учителей родным домом. По существовавшей договорённости директор театра Гурский выделял для института определённое количество контрамарок на свободные места. Студенты старались не пропускать ни одного спектакля. Любовь к театру, изрядно подкреплённая самой прозаической нуждой, побуж-

дала студентов наниматься в приезжие оперные труппы на роли статистов, подсобными рабочими сцены. Их наряжали то боярами, то эфиопами, заставляли проделывать все то, что полагалось по ходу действия, даже открывать рты, но... не петь. Студенту Пикулёву один раз здорово досталось за то, что он нарушил это условие и вместе с настоящими артистами «распелся». Но были среди студентов и такие певцы, которые доставляли своим исполнением большое удовольствие слушателям.

Иван Далматов – это имя заставляло учащенно биться сердца однокурсниц. И как солист, он пользовался большим успехом. Красивый, сочный баритон Далматова был под стать его эффектной романтической внешности. С особым чувством он исполнял песню «Он был шахтер, простой рабочий». В дальнейшем выпускник общественно-экономического отделения 1928 г. Иван Петрович Далматов стал директором главного педвуза страны – Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Художественной самодеятельностью в те годы занимались многие студенты. И для профессиональной подготовки учителя, и для организации разумного отдыха студентов это имело исключительно большое значение.

В укреплении патриотических чувств важную роль играли демонстрации и революционные праздники, в которых студенты участвовали, вооружённые винтовками. Тогда члены партии и комсомольцы состояли в ЧОН (части особого назначения), аналог теперешней Росгвардии. В этих частях студенты проходили военную подготовку без отрыва от учёбы, несли караульную службу в городе, а в революционные праздники участвовали в демонстрациях, «вселяя страх оставшимся буржуйам».

Один из моментов караульной службы в войсках ЧОН отразил Иван Царегородцев в стихотворении «Студент на посту». Стихи эти, конечно, далеки от совершенства в смысле формы, но очень искренни и, что самое главное, точно передают тревожную атмосферу того времени.

Полная луна, а перед ней береза
Оставшимся покровом шелестит.
И песня свежая несётся с перевоза,
И дремлющие чувства шевелит.
И мысль баюкает ночная обстановка.
И клонит в сон. Так хочется вздремнуть!

Но, крепче сжав холодную винтовку,
Я стал ходить, стараясь не уснуть.
Ведь разве можно спать студенту-коммунару,
Когда другие безмятежно спят!?
На этот пост средь дыма и пожара
Я призван наше счастье охранять [59, с. 26].

Вятская комсомольская организация шефствовала над Балтийским фронтом. В феврале 1924 г. группа комсомольцев института была направлена в гости к морякам-балтийцам на подшефную подводную лодку № 7 под названием «Рысь». В группе было 15 человек. Студенты привезли подшефной команде подарки и комплект сатирической газеты «Жабрей». Подводники радушно встретили посланцев вятской молодежи. Был устроен вечер встречи. Гостили у подводников три дня. Осмотрели лодку, ходили на экскурсию в Петропавловскую крепость, Зимний дворец и в другие интересные места. В дальнейшем поездки к морякам Балтийского флота стали ежегодными, особенно в каникулярное время, и регулярно проводились вплоть до начала Великой Отечественной войны.

И всё-таки более всего студентов занимали мысли о поиске хлеба насущного. Нужда заставляла их подрабатывать даже в дневное время. Поэтому посещение занятий порой было необязательным. И бывало так: идёт лекция, вдруг в аудиторию «влетает» студент и объявляет, что ему удалось найти работу для пяти-шести человек. Тут же сговорившись, несколько человек покидают аудиторию с молчаливого согласия преподавателя. Для того чтобы упорядочить подработки, при бюро пролетарского студенчества была создана трудовая комиссия по подысканию работы для нуждающихся студентов. Чем приходилось заниматься? Ремонтировали тротуары и железнодорожные пути, набивали снегом ледники и сортировали кожи на кожевенной фабрике. Девушек старались пристроить писцами, членами различных комиссий. В институтском подсобном хозяйстве студенты обучались сельскохозяйственному труду: работали на жатках и молотилках, сгребали сено. Полученные продукты направлялись в столовую института.

Особенно тяжёлой была работа на пристани. Студенческая артель как-то подрядилась разгрузить две баржи соли. Девяносто тысяч пудов! Механизации никакой. С седёлками на спинах надо было подниматься по лестнице из трюма на палубу, по трапу выходить на пристанскую улицу, ещё по одной лестнице карабкаться в верх лабаза и

там опорожнять куль. Кули были разные, иные до десяти и более пудов. Выбирать их было нельзя: неси, какой достался. На этой работе многие надорвались. Из шестидесяти человек артели к концу работы осталось около десяти. Денежными делами артели ведал Ваня Швалёв, человек аккуратный и добросовестный.

С. А. Алыпов постоянно стремился привлечь внимание общественности города и губернии к нуждам и запросам института. «Это единственный очаг социалистической культуры нашего края, который ведёт коммунистическую политику в деле культурного строительства и во главе которого стоят люди, несомненно и глубоко преданные делу пролетарской революции, хотя и числятся официально беспартийными, – писал Алыпов в “Вятской правде”. – Институт ещё молод и чрезвычайно слаб по материальному оборудованию, но он имеет огромнейшие задачи и при содействии партии и Советской власти развернётся в доподлинную фабрику коммунистического строительства... Если принять во внимание нашу культурную отсталость и необходимость поспешно поднять культурный уровень страны, огромные нужды нашего края в учительстве, то будет понятно, почему я говорю о всяческом содействии институту...» [5]

Далее Алыпов пишет об особенностях приема на 1-й курс в текущем году. В частности, лица, не выдержавшие вступительных испытаний, будут приниматься «на одногодичную испытательную группу, если в течение года можно будет ликвидировать их неподготовленность для поступления в институт»; сообщает, что в силу ряда условий (отсутствие общежитий, недостаток учебных помещений) приём будет производиться очень небольшой (200 человек), что в действительности для того времени было очень существенное количество. Заключает автор статью призывом, крайне актуальным и сегодня: «Профсоюзы и отнаробы (отделы народного образования)! Командируйте достойных кандидатов в институт, только тогда получите достойных учителей». Алыпов указывал в статье, что «в нынешнем году институт выпускает 50 слушателей для занятия должностей преподавателей школ второй ступени» [5].

Фактически же институт окончили 33 выпускника. 3 июля 1921 г. состоялась торжественная церемония первого советского выпуска, окончившего IV и III (ускоренный) курсы. Среди выпускников были: будущий профессор, доктор биологических наук, автор свыше полутора сотен научных трудов Павел Амфилохиевич Дрягин; ставшие впоследствии (в г. Ленинграде) известными биологами Алек-

сандр Александрович Семушин и Мария Фёдоровна Солоницына; преподаватель физики в Вятском педагогическом, а затем в Ижевском медицинском институте Николай Иванович Зыкин; Яков Данилович Сатаев и др. После окончания института Сатаев работал некоторое время в институте научным сотрудником в области агрономии. В 1924 г. переехал в г. Котлас, где стал заведовать школой-семилеткой и работал учителем биологии.

И вот что примечательно. Когда через несколько лет руководство Вятского пединститута решило выяснить, чем занимаются выпускники первого выпуска, то оказалось, что ни один из них не изменил своей профессии! За исключением скончавшихся к тому времени С. Н. Брагина и А. А. Сулова и ещё двоих-троих, сведения о которых не удалось собрать, все остальные работали преподавателями в институтах и техникумах, школьными учителями в Вятке, Саратове, Глазове и других уездных и губернских городах, в сёлах и деревнях. А кое-кто продвинулся и по научной стезе. Так, историк И. Ф. Поздеев был к тому времени аспирантом НИИ научной педагогики при 2-м МГУ, Я. И. Ильин – ассистентом НИИ народов Востока в Москве [59, с. 27].

В уже упоминавшейся статье Н. П. Шулепов, её автор, ссылаясь на воспоминания комсомольца 1920-х гг. Бориса Владимировича Кинда, рассказывает о поездке Алыпова в Москву и о его встрече с В. И. Лениным, в ходе которой вождь и дал согласие на то, чтобы Вятский институт носил его имя. В 1920-е гг. имя Кинда – сотрудника Вятской губернской газеты «Деревенский коммунист», часто печатавшегося и в других местных изданиях, одного из руководителей вятской комсомолии, как и имя Алыпова, было хорошо известно местной молодежи. В дальнейшем Б. В. Кинд жил и работал в Челябинске.

В своей небольшой статье «Дни молодости», вошедшей в сборник воспоминаний первых вятских комсомольцев, Б. В. Кинд упоминает и Алыпова, но, к сожалению, упоминает очень кратко и отрывочно. По всей вероятности, эта сдержанность объясняется временем выхода сборника (1958 г.), когда, несмотря на начавшуюся хрущёвскую «оттепель», общественное сознание ещё очень настороженно относилось к тем, кто был репрессирован в годы сталинщины. А Степана Акимовича не миновала чаша сия... Так вот, Б. В. Кинд утверждает, что «Алыпова знала Надежда Константиновна и познакомила его с Владимиром Ильичем Лениным» [11]. Увы, как мы уже расска-

зывали в предыдущей главе, знакомства с В. И. Лениным у вятских «ходоков» как такового, по существу, не было.

С. А. Алыпов был сыном своего времени. Воспитанный в безбожии, он беспощадно относился к религиозным предрассудкам, постоянно высмеивал и осуждал их «носителей». В «Вятской правде» то и дело появлялись статьи Алыпова, направленные против религиозных предрассудков: «Несколько слов об анафеме», «Новые люди и пасха», «Несколько мыслей вслух», «Посвящается «матери»-церкви по случаю так называемой пасхи», «Несколько слов о Николае-чудотворце», «Как появился христианский праздник Троица», «Христианская Троица» и многие другие. Он пишет о проведении комсомольцами Вятки рождественского праздника: «Театры и клубы были переполнены. Это значит, что молодёжь с нами, что она вырвана из объятий вековых палачей. В их храмах, конечно, было много молящихся. Но кто? Бывшие и теперешние торговцы, чиновники, мещане, дряхлая интеллигенция, забитые представители трудящихся. Посмотрим, отцы духовные, далеко ли вы уедете на 80-летних старухах и стариках. Кто кого вышибет из седла? Весь вопрос во времени. У нас мало театров и клубов, у вас много церквей. Но не забудьте, что после революции прошло всего пять лет, из которых мы 4 года мы воевали с генералами да с вами. А вы существуете уже тысячу лет... А всё-таки революция пробила брешь в вашей крепости, и наша армия растёт и крепнет, с нами молодежь. А что вы будете делать, когда старухи и старики отправятся в “лоно Авраама” и новое поколение будет нуждаться в вас столько же, сколько плешивый в гребенке? Пролетарская революция и культура обезвредят вас» [1].

По-разному можно относиться к столь непримиримому, жёсткому отношению к церкви со стороны тогдашних партийных и советских работников. Сейчас-то хорошо известно, что в проведении антирелигиозной работы далеко не всегда соблюдалась законность; сплошь и рядом проявлялось неуважение к чувствам верующих – а ведь их было подавляющее большинство населения! Далеко не всегда оправданными были проводимые в церквях реквизиции. Например, в фонд помощи голодающим требовали сдачи церковных книг, переплёт и застежки которых были украшены золотом и серебром, а сами книги, то есть то, что и представляло собой истинную ценность, обрекалось на растаскивание и уничтожение. Алыпов беспощадно бичует священнослужителей, сдававших церковную утварь (иконы, кресты, книги) с предварительно снятыми украшениями [9].

В своих статьях С. А. Алыпов изобличает отца Виктора Островидова, разъезжающего по губернии «якобы с целью сбора средств для голодающих»; в его честь даются богатые обеды, а сам он «в целях агитации» произносит всего несколько слов [3]. В то же время, пишет Алыпов, работники губернского музея, призванные вести антирелигиозную работу, получают хорошие пайки, а музей не работает [4].

Действенность выступлений Алыпова оказалось «высокой»: вскоре после опубликования его материалов в газете музей действительно был открыт, а отец Виктор был отправлен в концентрационный лагерь на Соловецкие острова, где вскоре и погиб.

К 53-летней годовщине со дня рождения В. И. Ленина Алыпов предлагал партийным ячейкам провести «клубный вечер», включающий в себя две части: чтение отрывков из книг или доклад и «живые картины» («Ленин в подполье». «Ленин освещает путь к коммунизму»). Любопытны и в то же время чрезвычайно наивны «лозунги» Алыпова о Ленине. Вот некоторые из них: «Тов. Ленин точен, как лучший немец, и на заседания является минута в минуту. Тов. Ленин настойчив как англичанин. И в то же время тов. Ленин не немец, не француз, не англичанин, а наш природный, наш российский. Ленин – не только гениальный теоретик, общественвед, но и популярный рабочий писатель. Тов. Ленин обладает способностью на лету оценивать явления, отделять существенное и важное от шелухи и пустяков, заполнять воображением недостающие части картины, додумываться за других и, прежде всего, за врагов, сочетать всё это воедино и наносить удар одновременно с тем, как складывается формула удара» [59, с. 28].

По служебной необходимости С. А. Алыпов много ездил по губернии. Его путевые заметки, печатавшиеся в губернских изданиях, всегда интересны и остры, ибо в них отражалась сама жизнь. Сейчас, по прошествии многих лет, они читаются как страницы живой книги истории и представляют немалый интерес для краеведов.

В одной из статей он рассказывал о такой поездке: «По пути из Вятки в Нолинск мне пришлось проехать несколько больших сел и наблюдать жизнь на местах. Так, например, в селе Суне, где есть большое двухэтажное здание волисполкома, меня поразила грязь, царящая в этом здании. Помимо того, удивил бюрократизм дежурного по волисполкому, к которому, как мне сообщили, “пущать не веле-но”. Тем не менее я прошёл, получил лошадей и, пока мне их давали, посетил находящуюся там школу II ступени, в которой, однако, хотя и имеется учительский персонал, учение не производится – “школа

сокращена”, как сказал один из “сокращённых” преподавателей. Вечером в заготконторе состоялся семейный вечер “с танцами”. Было много народа и настоящее веселье: пели песни и танцевали. Утром провёл беседу с ячейкой РКП и сорапроса (союза работников просвещения. – В. П.), но представителей последнего явилось очень мало, куда меньше, чем было на танцульке. Ну, да и то сказать: танцы дело “серьезное”, а беседа... беседа так себе» [6].

С. А. Алыпов продолжает: «...Небольшой штрих из местной жизни. Оказывается, что учителя и учительницы совмещительствуют, совмещая служение богу и школе, причём богу отдают куда больше времени, чем просвещению. Это, между прочим, выражается в том, что если под праздник назначается спектакль, то эти работники “на ниве народной” сначала отпоят всенощную, а потом уже начинают спектакль. Село большое, попов-батюшек много, и работают они вовсю. Один из “ревнителей христианства” взял за похороны умершей нищей сиделки в больнице 150 000 рублей, а сироты... сироты пошли по миру. Но что им за дело до сирот? Ведь отпели и похоронили по всем правилам христианского искусства. Направляюсь дальше. Та же белоснежная на много, много верст лежащая снежная равнина, та же невылазная грязь в волисполкомах и те же божницы со святыми ликами в домах “работников просвещения”» [6].

Алыпов пишет большую по объёму и крайне резкую по тону статью, в которой он предлагает меры по повышению качества учительских кадров. Нужны, писал он, курсы по подготовке учительства; следует сокращать госаппарат и давать улучшение материального положения педагогов; наряду с конкурсом на лучшего учителя проводить конкурс на *худшего* учителя и т. д. Приводил Алыпов и примеры таких, по его мнению, «худших учителей». Так, пишет он, зав. школой 2-й ступени Е. И. Григорьев не желает переходить со старого правописания, и в его школе пишут через ять, с твёрдым знаком «и всеми прочими прелестями» (В ту пору твёрдый знак был упразднён и вместо него писался апостроф в виде расположенной в верху строчки запятой.)

Зав. школой 2-й ступени С. И. Горский, продолжает Алыпов, в своё время в Вятской духовной семинарии читал такую «научную» дисциплину, как обличение социализма с христианской точки зрения. Далее С. А. Алыпов сокрушается, что в школах не изучают Демьяна Бедного, а только «тургеневых да достоевских» «плюс Пушкин с Лермонтовым» [8].

Даже сейчас, по прошествии ста лет, тяжело читать эту галима... статью Алыпova, да и многие другие его материалы, некогда опубликованные в губернской газете. Теперь-то мы знаем, что уже очень скоро «мастера быстрого политического реагирования» Демьяна Бедного включат в учебники по литературе, да так щедро включают, что втроем с Горьким и Маяковским они займут почти весь объём. «Небольшевик» Блок будет удостоен небольшого абзаца. О действительно лучших литераторах советского периода (Булгаков, Есенин, Гумилёв, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Олеша, Паустовский, Ахматова, Зощенко и др.), которым выпало жить в это время, учебники вообще будут молчать либо будут кратко сообщать в духе сталинско-жdanовских партийных постановлений по литературе и искусству. И весь этот «железный век» будет длиться более пятидесяти лет. Впрочем, в России, как известно, «что ни век, то век железный».

На статью Алыпova пришло много откликов, сообщила газета в номере от 9 мая. Некоторыми читателями она была не без оснований расценена как сигнал к травле лучших педагогов. Некто, скрывшийся под псевдонимом В. К., в номере от 14 июня писал, что статья вызвала оживлённые прения в учительской среде. В. К. признавал частично справедливость некоторых упреков в адрес учителей и позитивно оценивал предложения С. А. Алыпova по совершенствованию их профессиональной подготовки, однако в целом В. К. критиковал автора статьи за незнание обстановки: «Товарищ Алыпov неправ в том, что не учёл обстановки, в которой приходится работать сельским учителям, а также то, что заменить (“освежить”) их не за счет кого». «После пятичасового рассказывания, что “бе да а будет ба”, при отсутствии лица, с кем бы он мог посоветоваться и поделиться своими мыслями и, не имея свежего печатного листа, учитель, в конце концов, идёт на чашку чая к отцу Ивану и матушке Евдокии, – защищал сельского учителя автор отклика. – Вот почему лучшие учителя стремятся оставить школу, и едва ли они опять пойдут сюда, хотя бы “наркомпросу немножечко и прибавили”. УОНО шлёт одни бумажки. Все эти условия не учтены т. Алыпovым. Никакая человеческая душа не может сделать больше того, что сделано учителем сельской школы. Тем более не могли переродиться старые работники просвещения, т. к. обстановка и условия работы не благоприятствовали этому». Далее читатель вносит ряд предложений, в частности, «просить студентов вятского педагогического института принять шефство над отдельными сельскими школами» [59, с. 29].

А институт делал в тот год свой третий выпуск специалистов с высшим педагогическим образованием, но из трёх это был первый выпуск пединститута именно «института имени Ленина». С. А. Алыпов не застал дальнейшего роста родного института. В сентябре 1923 г. начался новый этап его жизни. Он был переведён на работу в ЦК ВКП(б). В 1924 г. он дважды побывал в Вятке, сначала сопровождая известного деятеля ВКП(б) А. А. Сольца, приезжавшего для проведения дискуссии против троцкизма, а затем – «всесоюзного старосту» М. И. Калинина. «Вятская правда» от 6 мая 1924 г. писала: «В воскресенье 4-го мая проездом в Сибирь в Вятку прибыл председатель ЦИК СССР М. И. Калинин. Собравшиеся дружно приветствовали подошедший поезд. С трибуны, созданной на скорую руку из столов, т. Калинин обратился с кратким приветственным словом. После тов. Калинина с кратким докладом о международном и внутреннем положении Советского Союза выступил сопровождавший “старосту” т. Алыпов» [59, с. 29].

Несколько слов о А. А. Сольце, с которым постоянно был связан Алыпов. Арон Александрович Сольц (1872–1945) – член центральной контрольной комиссии РКП(б), председатель юридической комиссии Верховного суда РСФСР, старый большевик, известный как «совесть партии». Один из самых активных участников массовых репрессий 1930-х гг., прославился исключительной жестокостью и безжалостностью по отношению ко всем, кто попадал в поле зрения тогдашних органов правосудия. В то же время он был врагом генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского; А. А. Сольц безуспешно добивался привлечения его к ответственности за «преступления против партии». Он постоянно напоминал о его меньшевистском прошлом. Кстати, в 1920-е гг. Вышинский был работником наркомпроса РСФСР.

В Москве С. А. Алыпов учился в институте красной профессуры (так называлась тогда аспирантура), а по окончании учёбы заведовал кафедрой общественных наук Высшей партийной школы, работал в институте В. И. Ленина (впоследствии – институт марксизма-ленинизма), участвовал в подготовке к изданию 5-томного собрания избранных произведений В. И. Ленина. В 1929–1930 гг. С. А. Алыпов являлся заместителем председателя Главполитпросвета, входившего в состав наркомпроса РСФСР; стал одним из ближайших сотрудников Н. К. Крупской, фактически её заместителем. В 1930 г. он был направлен ЦК в Восточно-Сибирский край, где был избран членом бюро крайкома партии, заведующим культурно-пропагандистским отделом крайкома ВКП (б).

Увы, Степана Акимовича не обошли стороной сталинские репрессии. В 1937 г. он был арестован. Алыпов смело защищал свою невиновность. «Я был и остаюсь, – писал он, – несмотря на своё положение, преданным партии Ленина. В тюрьму меня загнала не партия, а провокация, фальсификация и клевета. Я знаю и убеждён, что партия борется с провокацией, клеветой и другими делами... Я и сейчас остаюсь беззаветно преданным партии Ленина и мечтаю делом доказать это... Я убеждён, что не сегодня, так завтра ошибочное решение в отношении меня будет отменено» [59, с. 29].

И оно было отменено, но, увы, слишком поздно для С. А. Алыпова – в 1956 г., после XX съезда КПСС. «В тяжёлых лагерных условиях, – писал Н. П. Шулепов, – Алыпов путём самообразования стал фельдшером, и все силы отдавал делу помощи больным товарищам». Жизнь С. А. Алыпова оборвалась неожиданно. В 1950 г. он был убит уголовником («социально близким партии», как называли власти эту категорию заключённых), совсем немного не дождавшись долгожданного освобождения. Сейчас уже не установить, был ли это специально спланированный акт, направленный против негибаемого, мужественного человека, либо всё вышло случайно...

Одно можно сказать точно: Степан Акимович Алыпов был, несомненно, умным, честным, трудолюбивым и талантливым человеком. В то же время все свои душевные и физические силы он отдал возвышению кровавого молоха, который, в конце концов, и погубил его самого. Но можно ли винить его за это? Его судьба – это типичная судьба большевика-ленинца. Революция пожирает собственных детей. Трагическая судьба, сложная и противоречивая личность... В прежние годы о людях, которых коснулась карающая десница «отца народов», старались лишний раз не упоминать в печати. Поэтому десятилетиями сознательно создавался «провал» в исторической науке, который сейчас нелегко «засыпать», тем более что уже не осталось очевидцев тех лет. И всё же в основных чертах биографию С. А. Алыпова, одного из первых руководителей Вятского государственного педагогического института, особенно её вятский период, нам удалось восстановить.

В историю первого вятского вуза и вятского просвещения Степан Акимович Алыпов вошёл как один из самых ярких и искренних представителей первого поколения советской интеллигенции. В его судьбе отразились все трагические повороты социальной истории 1920–1930-х гг., от взлёта до падения.

VI. В ТЕНИ ВЕЛИКОГО УЧЕНИКА (А. К. ВОЛНИН)

Всякий раз, когда автору этих строк приходится обращаться к личности А. С. Макаренко, неизменно вспоминается и имя его учителя – Александра Константиновича Волнина. Этот человек сделал так много хорошего для дела развития образования в нашей стране, причём в самых разных её регионах, и в том числе в Вятском крае! И вот что любопытно: в тех редких случаях, когда встречаешь упоминания о Волнине, он неизменно характеризуется исключительно как *учитель великого педагога Макаренко*. Что ж, любой педагог гордился бы таким учеником! Но заслуги А. К. Волнина гораздо шире того, чтобы навсегда остаться в истории педагогики лишь фигурой, находящейся «в тени великого ученика».

А. К. Волнин родился 25 августа 1872 г. в Ростовском уезде Ярославской губернии в семье священника. В 1893 г. он окончил Ярославскую духовную семинарию, 9 июня 1897 г. – историческое отделение Московской духовной академии. С 1898 по июль 1900 г. Волнин жил в Пскове, где преподавал богословско-философские предметы, еврейский и немецкий языки в духовной семинарии и географию в епархиальном женском училище. Затем переехал в Киев, где работал в духовной семинарии и частной женской гимназии Смирновой. Одновременно состоял сотрудником и помощником редактора издаваемого в Киевской семинарии журнала «Руководство для сельских пастырей». В 1902–1903 гг., как впоследствии писал в анкете, «проработал практический курс психологии у профессора Киевского университета Сикорского» [32, с. 58].

Основные труды А. К. Волнина связаны с духовной тематикой. Первая его работа – статья «Иудейские и христианские идеи в книгах Сивилл», опубликованная в журнале «Вера и разум» (1899. № 2, 3, 5). Она была посвящена изучению апокалиптической литературы; в ней анализировались иудейские и христианские сведения, вошедшие в корпус писаний, известных как пророчества Сивилл. В 1908 г. А. К. Волнин защитил в Киеве магистерскую диссертацию на тему «Мессия по изображению пророка Исайи: опыт библейско-богословского и критико-экзегетического исследования пророчеств Исайи о лице Мессии». В этом труде автор проделал большую работу по текстуальной критике мессианских пророчеств. Волнин разбирает многочисленные древние и новые теории по вопросу о мессианских местах у Исайи и даёт свою оценку различных толкований [31, с. 116].

Им было написано большое количество научных работ не только духовного, но и светского характера. Укажем такие статьи А. К. Волнина, как «Сословное обособление русского духовенства. Исторический очерк», «Роль женщины в первоначальной и последующей истории старообрядского раскола», «Основные идеи в книгах Сивиллы», «Печаловники в Древней Руси. Историко-педагогический очерк», «Неплюевское трудовое братство», «Недостаток вдумчивости и излишнее усердие в просветительском деле».

С 5 ноября 1909 г. по июль 1914 г. А. К. Волнин был директором Велико-Сорочинской учительской семинарии имени Н. В. Гоголя и членом школьного отделения Миргородской земской управы. В семинарии он преподавал педагогику. С июля 1914 г. по июль 1917 г. А. К. Волнин работал директором Полтавского учительского института (как раз в эти три года там учился будущий великий педагог А. С. Макаренко) и был председателем педагогического совета частной женской гимназии Ахшарумовой, в дальнейшем ставшей Мариинской гимназией, то есть содержавшейся на средства ведомства императрицы Марии. В институте он преподавал педагогику и логику. Полтавский учительский институт был четвёртым по счету в Киевском учебном округе. Организатором института и его первым директором и стал А. К. Волнин. С 1917 г. он был председателем Полтавского правления общества взаимопомощи служащих Киевского учебного округа. А. К. Волнин был награждён орденами Анны и Станислава II и III степеней, имел чин статского советника.

8 июля 1917 г. в министерстве народного просвещения было подписано постановление об открытии четвёртого по счету в Западной Сибири Новониколаевского учительского института. Предшественницей института была существовавшая в Новониколаевске с 1911 г. четырёхклассная учительская семинария, содержавшаяся на министерские средства и готовившая учителей для сельских школ. Ежегодный выпуск составлял до 25 человек. В конце июля Новониколаевский исполнительный комитет общественного самоуправления (так назывался руководящий губернский орган власти при Временном правительстве) получил от попечителя Западно-Сибирского учебного округа письмо с просьбой принять необходимые меры по оборудованию помещения института и своевременному началу занятий.

Открытие института состоялось в октябре 1917 г. Директором был назначен А. К. Волнин, который ранее сдал дела в Полтаве новому директору Ф. В. Лисогорскому. Вместе с Волниным в Новонико-

лаевск (ныне – Новосибирск), спасаясь от насильственной украинизации и разгула бандитизма, прибыли ещё несколько его коллег по Полтавскому учительскому институту. Среди преподавателей выделялся Ф. В. Калинин, имевший двадцатилетний педагогический стаж и ставший в Новониколаевске членом Совета по народному образованию. Новониколаевский учительский институт разместился временно в помещении реального училища, в самом центре города, на углу Николаевского проспекта и Воронцовской улицы. Министерство народного просвещения предоставило средства в размере 19 470 рублей для найма и оборудования помещений. В прежние годы этих денег хватило бы надолго. Но сейчас это были, как говорится, сущие копейки. 1917 г., как известно, был не самым лучшим временем для открытия института. Деньги стремительно обесценивались, и на нормальное финансирование института указанной суммы, разумеется, не хватало.

А. К. Волнин, естественно, возлагал особые надежды на помощь местных органов самоуправления, особенно в связи с предполагавшимся строительством собственного корпуса на отведенном институту участке, но город отказался взять на себя содержание института. В предоставленном корпусе институт проработал недолго. По решению комиссии по реквизиции помещений от 20.03.1919 г. помещение подлежало реквизиции; в нем разместились военные, а институту в порядке компенсации выделили небольшое здание «Закупсбыта» и квартиру.

Несмотря на сложнейшую обстановку вокруг молодого учительского института и равнодушное отношение отдела народного образования, стараниями директора и его коллег работа учебного заведения была поставлена на должный уровень. А. К. Волнин стремился к налаживанию деловых отношений с коллегами из других учебных заведений того же профиля. 5–11 августа 1917 г. в Петрограде проходил I Всероссийский съезд представителей учительских институтов. В работе съезда принимал участие и А. К. Волнин. 8 августа он выступил на съезде с докладом на тему «О постановке преподавания педагогических дисциплин в реформированных учительских институтах» [32, с. 60].

В Новониколаевске А. К. Волнин организовал активную часть педагогической общественности города, создав педагогическое общество. На очереди стояло решение вопроса об открытии при институте курсов по подготовке учителей. С 10 октября 1920 г. при институте

планировалось открыть педагогические курсы. В Новониколаевском учительском институте были три отделения: словесно-историческое, физико-математическое и естественно-географическое. В институте А. К. Волнин преподавал логику, психологию и педагогику. Он строил планы развития института. Институт готовился, как и другие аналогичные учебные заведения по всей стране, к преобразованию в ИНО (институт народного образования). У руководства были основания для открытия на базе института педагогического вуза нового типа. Преподавательский коллектив готовился к открытию, были составлены учебные программы в соответствии с разработанными для ИНО требованиями.

Однако реальная действительность оказалась печальной. Все приготовления в один момент были прекращены. Постановлением Сибирского отдела народного образования от 10 ноября 1920 г. А. К. Волнину было поручено в недельный срок приспособить здание бывшего учительского института для размещения этого самого отдела. Новой власти надо было куда-то размещать своих стремительно плодившихся чиновников. В этих условиях Новониколаевский учительский институт был вынужден прекратить работу. Сотрудники и студенты были распущены. А. К. Волнин оставался директором вплоть до самого закрытия института и в течение ещё почти двух лет жил в Новониколаевске. В 1918–1921 гг. он был председателем педагогического общества. В 1920–1921 гг. заведовал педагогическими курсами и секцией педагогического образования в отделе народного образования. На курсах он преподавал психологию (общую и детского возраста). В 1921 г. он заведовал педагогическим отделом управления профессионального образования. В 1921–1922 гг. работал помощником по учебной части директора I Сибирского опытного педагогического техникума в г. Новониколаевске.

А. К. Волнину, тем не менее, хотелось всё-таки работать в высшем учебном заведении. Поэтому он принял решение переехать в город Вятку, о которой он слышал много хорошего. С 1923 г. он заведовал здесь педагогическими курсами переподготовки школьных работников II ступени.

В 1922–1924 гг. работал преподавателем педагогики Вятского института народного образования. С 11 января 1925 г. А. К. Волнин – секретарь редакции журнала «Путь просвещения», выходившего в Вятке. (Редактором журнала был ректор института Николай Андреевич Дернов.) Казалось бы, всё его устраивало в Вятке. Однако в кон-

це августа 1925 г. А. К. Волнин уехал на постоянное место жительства в Москву. Известный кировский краевед Александр Львович Рашковский (1946–2017) в своём блоге писал следующее: «Об Александре Константиновиче Волнине я впервые узнал, обнаружив в переписке Е. Д. Петряева это письмо» [31, с. 119].

Приведём цитату из этого письма, написанного в своё время многолетней коллегой автора этой книги, кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры педагогики Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Галиной Алексеевной Созиновой (1941–2014) в апреле 1972 г.: «...Александр Константинович Волнин заслуживает особого внимания. Это учитель Антона Семеновича Макаренко. В то время, когда Макаренко был студентом Полтавского учительского института, Волнин был директором этого института. Александр Константинович жил в Вятке и преподавал в педагогическом институте... <...> Уехал он, потому что был глубоко обижен. Один очень непорядочный человек написал на него злобную инсинуацию в журнале “Красная молодежь”. После Вятки А. К. Волнин работал завучем одной из московских школ. В 1939 году его нашёл А. С. Макаренко. В 1940 г. ему (А. К. Волнину. – В. П.) было присвоено звание заслуженный учитель школы РСФСР. Умер он в 1942 г.» [31, с. 119].

Информацию, содержащуюся в приведённом письме, следует немного уточнить. А. К. Волнин преподавал с осени 1925 г. на рабфаке академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской и одновременно работал заведующим отделом учебных заведений управления железной дороги. В 1927 г. он перешёл на работу учителем русского языка и литературы в школу № 1 Ярославской железной дороги (В те годы, и много позднее, железнодорожное ведомство содержало значительное количество школ и дошкольных учреждений по всей стране.)

В разговоре с Юрием Николаевичем Дерновым, сыном Николая Андреевича Дернова, ректора Вятского педагогического института имени В. И. Ленина в 1921–1926 гг., автор данной книги специально поднимал вопрос о том, почему А. К. Волнин всё-таки покинул Вятку. Наши встречи состоялись в 1989–1990 гг., во время его приездов в Киров, в частности, для участия в торжествах по случаю 75-летия Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, отмечавшегося в ноябре 1989 г. Приезжал он в Киров и в 1990 г. Ю. Н. Дернов отъезд А. К. Волнина, так же как и отъезд ряда

других известных преподавателей, например знаменитого филолога профессора Н. М. Каринского, объяснял весьма прозаической причиной. К 1924 г. Гражданская война закончилась, жизнь в столичных городах постепенно стала налаживаться. Голод, донимавший ранее жителей Москвы и Петрограда, отступил, и Волнин уехал туда, где ему хотелось проявить себя как педагогу на, так сказать, столичном уровне.

Отчасти это, конечно, так. Но нельзя не учитывать и другое, куда более важное обстоятельство. Известно, что вятские большевики в 1920–1930-е гг. славились на всю страну своей «истовостью», беспощадностью к своим идеологическим оппонентам. Достаточно вспомнить историю уничтожения вятских церквей, в том числе собора Александра Невского, жемчужины отечественного храмостроения. А ведь никаких указаний из центра по его сносу не было. Всё это делалось по местной инициативе. До сих пор одна из значительных улиц города Кирова (бывшей Вятки) носит имя руководителя губернского комсомола в 1920-е гг. Риммы Яковлевны Юровской, дочери небезызвестного Якова Юровского, руководителя казни семьи императора Николая II. Р. Я. Юровская прожила длинную жизнь (1898–1980); автор данной монографии хорошо помнит её выступление перед нами, тогдашними школьниками в середине 1960-х гг... Неудивительно, что в условиях безжалостной идеологической травли в печати и на институтских собраниях А. К. Волнину, священнику по образованию, поневоле пришлось уезжать куда глаза глядят...

Г. А. Созинова переписывалась с сыном А. К. Волнина Борисом (7.04.1906 – ?), доктором технических наук, профессором Московского инженерно-строительного института. У А. К. Волнина были также сын Алексей (1.10.1909 – ?) и дочь Наталья (13.08.1912 (или 1911) – ?).

Контакты Созиновой с семьей Волниных прекратились в 1970-е гг., после смерти Б. А. Волнина. Со смертью же самой Г. А. Созиновой оказались навсегда утраченными ценные фотографии и те известные ей фактологические данные, которые могли бы позволить составить более полную и точную биографию А. К. Волнина и его семьи. К сожалению, сама Г. А. Созинова не опубликовала в печати то, что было ей известно о семье Волниных, поэтому автор данной монографии был вынужден «с нуля», по крупицам собирать сведения об учителе Макаренко.

Всё же нам удалось собрать, например, следующие сведения о жене А. К. Волнина Лидии Дамиановне (урожденной Макаровской).

Она родилась 19 июля (10 августа) 1878 г. в местечке Завережье Невельского уезда Витебской губернии в семье священника. Окончила Мариинскую женскую гимназию в Витебске в 1896 г. В 1896–1900 гг. она работала учительницей начальной школы в Витебской губернии. В 1900–1905 гг. была учительницей истории и русского языка в женской гимназии и женском коммерческом училище в г. Вроцлаве Варшавской губернии. С 5.08.1920 г. по 17.09. 1922 г. – преподаватель обществоведения в железнодорожной школе 2-й ступени г. Новониколаевска. С 16.10.1922 г. – преподаватель обществоведения в Вятском школьном городке. В служебной анкете в 1923 г. она указала, что «работает над вопросом о фашизме». В конце августа 1926 г. Л. Д. Волнина уехала к мужу в Москву [32, с. 61–62].

Теперь нам хотелось бы обратиться к той части биографии А. К. Волнина, которая связана с А. С. Макаренко. В молодости, в первые годы своей педагогической деятельности, Макаренко остро ощущал недостаток систематических научных знаний; ведь за плечами были лишь педагогические курсы. В 1914 г. открылся учительский институт в г. Полтаве. (Кстати, в один год с Вятским учительским институтом, в котором чуть позже пришлось работать Волнину; правда, это учебное заведение в годы работы Волнина называлось институтом народного образования.)

Учительские институты, несмотря на своё «громкое» наименование, вовсе не были высшими учебными заведениями. Их программа обучения была далека даже от гимназической. Задача учительских институтов состояла в подготовке преподавателей для городских и высших начальных училищ, то есть для начальной школы. Поэтому в обучении превалировала методическая направленность. Сюда поступали, как правило, учителя-практики, работавшие в начальной школе. Абитуриенты должны были иметь хотя бы два года педагогического стажа. Поступить в учительский институт было не так-то просто, поскольку таких институтов было в России совсем немного.

В Полтавском институте был серьёзный конкурс (4–5 человек на место), прием был совсем небольшой. Официально обучавшихся называли воспитанниками. В 1914/1915 учебном году их было всего 25–30 и состав воспитанников был пестрый. Рядом с молодыми юношами на скамьях аудиторий сидели порой взрослые женатые люди. В первый год принимали только мужчин. Однокурсники Макаренко происходили из демократической, в целом малообеспеченной, преимущественно крестьянской и рабочей среды.

Сдача вступительных экзаменов чуть было не закончилась для Антона Макаренко провалом. Директор института А. К. Волнин впоследствии вспоминал: «Он не выдержал испытания по Закону Божьему, но зато по всем остальным предметам сдал испытания блестяще... Но он так выделялся своими знаниями и начитанностью в области общеобразовательных предметов, основательными ответами на испытаниях, что произвёл очень сильное впечатление. И оно выразилось при объявлении результатов вновь принятым слушателям, позволив мне высказать уверенность, что Макаренко будет лучшим учеником на своём курсе, несмотря на неудачную сдачу испытания по Закону Божьему» [31, с. 121].

И действительно, в 1917 г. Макаренко окончил институт первым по успеваемости, и даже получил золотую медаль за сочинение «Кризис современной педагогики». В ряде источников указывается, что эта работа не сохранилась. Однако немецкий исследователь Гетц Хиллиг утверждает, что этой работы вообще не существовало. Свою точку зрения он неоднократно излагал на международных конференциях макаренковедов в Москве, Полтаве и Киеве [46, с. 122]. Впрочем, какое это сейчас имеет значение?

На празднование 20-летия школы № 1 Ярославской железной дороги (в Москве) 18 февраля 1939 г. её многолетним директором Рыжковцом был приглашён А. С. Макаренко.

Для Макаренко, который к тому времени уже жил в Москве, был известным всей стране педагогом и писателем, стало настоящим сюрпризом то, что в этой школе (с 1927 г.) работал Волнин. Антона Семеновича, как уважаемого гостя, провели по школе. Во время этой экскурсии Макаренко обратил внимание на стенгазету, в которой оказалась заметка А. К. Волнина под названием «Школа прежде и теперь». В ней он, в частности, писал о том, что «старая школа страдала формализмом в отношении к учащимся, игнорируя их индивидуальные запросы, уважение которых отмечает от нее современную школу». А. С. Макаренко шутливо «раскритиковал» заметку и с теплотой сказал А. К. Волнину: «Вы ошибаетесь. Все учителя относились к нам внимательно и тепло, и я с удовольствием вспоминаю эти отношения» [31, с. 122].

В своей речи на торжественном собрании А. С. Макаренко, в частности, сказал: «Среди вас я вижу и моего учителя – Александра Константиновича Волнина. После девяти лет работы в бедной железнодорожной школе я пошёл учиться, и я попал в руки Александра

Константиновича. Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению. Часто в руках наших нет даже тех масштабов, которыми можно измерить важнейшие явления. Так и мне трудно измерить и трудно вам рассказать, как много сделал для меня и для других Александр Константинович. Он был директором Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, директор не мог открыто быть большевиком и воспитывать большевистские характеры. Но из его рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что он был всегда настоящим человеком, и он воспитывал в нас лучшие человеческие стремления. В моём же педагогическом развитии он создал самые главные принципы и навыки духа. У него я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему.

Сегодняшняя встреча с ним для меня чрезвычайно радостна. Я потерял его из виду двадцать два года назад. Я часто о нём вспоминал, и часто мне приходилось спрашивать себя: где Александр Константинович, отдал ли он революции свои замечательные силы? Не зная ничего о нём в течение такого долгого времени, я, естественно, начинал сомневаться. И вот сегодня я вижу, с какой большой благодарностью, с каким искренним горячим чувством здесь все чествуют Александра Константиновича, премируют его, подносят ему подарки, и с каким искренним и надёжным желанием все ожидают от него и впереди такой же большой и такой же человеческой работы в деле коммунистического воспитания» [32, с. 62–63].

Увы, эта встреча А. С. Макаренко и А. К. Волнина продолжения не получила. 1 апреля 1939 г. Макаренко скоропостижно скончался от сердечного приступа в электричке, на станции Голицыно, в 40 км от Москвы, возвращаясь в столицу с дачи Союза писателей, расположенной в поселке Апрелевка. Извещение о его смерти поместили несколько газет. На похоронах великого педагога, состоявшихся 4 апреля, был и А. К. Волнин, который, как впоследствии вспоминали присутствовавшие на панихиде бывшие воспитанники Макаренко, сказал в его адрес несколько прочувствованных слов.

Сам же А. К. Волнин скончался в 1942 г. в Москве, и был похоронен на кладбище Донского монастыря.

VII. Н. М. КАРИНСКИЙ И ВЯТСКИЙ КРАЙ

На первый взгляд может показаться весьма необычным то, что выдающийся русский филолог Николай Михайлович Каринский был преподавателем Вятского института народного образования. Однако ничего необычного в этом нет. В тяжёлые годы Гражданской войны, последствия которой особенно сильно сказывались на населении крупных городов, страдавших от голода, многие учёные покидали родные вузы и научные учреждения. Одни держали путь на Запад, другие – в российскую провинцию, где было просто легче прокормиться и переждать годы лихих испытаний. Н. М. Каринский выбрал второй путь. Его, как и целый ряд других видных деятелей науки и высшего образования, сагитировал приехать в Вятку Н. А. Дернов, работавший некоторое время в НКП, а потом, будучи избранным ректором Вятского института народного образования, был заинтересован в приезде в Вятку известных научных работников [54, с. 240].

Н. М. Каринский родился 22 марта (3 апреля) 1873 г. в Санкт-Петербурге в семье известного профессора философии Михаила Ивановича Каринского (1840–1917). По окончании столичной гимназии № 7 (1892) он учился на историко-филологическом факультете университета (1892–1896 гг.). Ещё в студенческие годы под руководством академика Алнесея Ивановича Соболевского он увлёкся научной работой и уже за свою первую статью, посвящённую говору Нерехтского уезда Костромской губернии, был удостоен серебряной медали Русского Императорского Географического общества (1895).

По окончании университета Н. М. Каринский некоторое время преподавал в средних учебных заведениях, а в 1903 г. был зачислен в штат университета для подготовки к профессорскому званию. Одновременно с 1911 г. он был профессором женского педагогического института, а с 1913 г. работал ещё и в историко-филологическом институте. Читал лекции в Санкт-Петербургском археологическом институте.

В 1909 г. Н. М. Каринский успешно защитил магистерскую диссертацию. Н. М. Каринский не замыкался на какой-то одной стороне научных исследований, но наибольшее внимание в своих изысканиях уделял диалектологии и славяно-русской палеографии.

Он известен прежде всего как историк русского языка. Его имя связывают с исследованием памятников Псковской письменности XIII–XVI вв. и Остромирова Евангелия. Н. М. Каринский дал описа-

ние особенностей Остромирова Евангелия как памятника древнерусского языка и определил точность переводов его на русский язык с древнеболгарского языка. В результате специального палеографического исследования он установил, что текст Евангелия был написан тремя лицами, а не одним, как это ранее утверждалось. Результаты своего исследования он изложил в ряде публикаций¹.

В магистерской диссертации «Язык Пскова и его областей XV в.» он дал описание семнадцати псковских памятников письменности с точки зрения их содержания, орфографии и палеографических особенностей. В «Очерках из истории псковской письменности и языка» Н. М. Каринский на основании изучения им живых псковских говоров показал, в какой мере живое произношение писца отражалось в тексте памятника.

В 1919–1923 гг. Н. М. Каринский жил в Вятке, работал в должности профессора, заведующего кафедрой русского языка пединститута. Вёл курсы языкознания, старославянского языка и истории языка. Н. М. Каринский возглавлял в 1922–1923 гг. только что открытый Вятский НИИ краеведения и одновременно был в этом НИИ заведующим этнографическим отделом. Главной задачей работы НИИ была концентрация усилий местных научных кадров на решении народнохозяйственных задач. Но были и чисто гуманитарные задачи, среди которых – изучение местных говоров и языков народов, населявших Вятский край, история Вятской земли. В их решение значителен вклад Н. М. Каринского [30, с. 88].

Своей изыскательской деятельностью он во многом способствовал подъёму краеведческой работы в Вятской губернии. Он широко использовал метод непосредственного наблюдения, анкетный метод, технические методы. В частности, одним из первых он использовал фонограф для исследования звучащей речи. Основал картотеку словаря вятских говоров, начал систематическое исследование вятских говоров. Первым из диалектологов Каринский занялся изучением разговорной речи современной деревни и города во всем их многообразии, подготовил местные кадры диалектологов, основал научную школу, традиции которой поддерживались и после его отъезда из Вятки в Москву в сентябре 1923 г.

¹ Каринский Н. М. Остромирово Евангелие как памятник древнерусского языка // Журнал министерства народного просвещения. 1905. № 5; Он же. Письмо Остромирова Евангелия: Палеографический очерк // Сборник РГБ. Т. I. Вып. I. Пг., 1920.

Н. М. Каринский вёл большую общественную работу: был председателем Вятского исторического общества, организатором первого краеведческого съезда, председателем правления педагогического института, читал лекции для учителей губернии.

В 1921 г. он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, (а в 1925 г. – членом-корреспондентом Академии наук СССР), и это событие предопределило его отъезд в столицу. Но связи ученого с Вяткой не прерывались и в последующие годы. Дважды – в 1927 и 1930 гг. – он приезжал сюда для чтения цикла лекций [14, с. 183].

В Москве Н. М. Каринский работал в Историческом музее в качестве ученого-специалиста по отделу крестьянского быта и археологии, а также научным сотрудником в институте языкознания. Преподавательскую работу в эти годы он вел во II МГУ, в Тверском пединституте, в Программно-методическом институте НКП РСФСР. С 1933 г. Н. М. Каринский был председателем Московской диалектографической комиссии института мозга и мышления АН СССР. Его аспирант, впоследствии видный учёный Алексей Васильевич Текучёв (1903–1987), вспоминал, что Каринский никогда не был равнодушным преподавателем. Во время чтения лекций он всегда был взволнован. Его воодушевляло само содержание преподаваемого им учебного материала, к какой бы теме этот материал ни относился [25, с. 163].

Н. М. Каринский составил ряд учебников, в частности «Историческую хрестоматию по древне-церковно-славянскому и русскому языку» (Петроград, 1914), в которой были представлены памятники письменности, образцы русских народных говоров и живых славянских языков. Эта хрестоматия получила высокую оценку в научных кругах и предназначалась для 8-го класса средних учебных заведений, но также использовалась и в вузах.

В 1904 и 1911 гг. Н. М. Каринским была выпущена «Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам» (часть 1, «Древнейшие памятники»). Приходится констатировать, что наиболее плодотворный в научном отношении период Н. М. Каринского был до Великой Октябрьской социалистической революции.

Много внимания он уделял проблемам народного образования, школ. Еще в дооктябрьский период он состоял членом учёного комитета министерства народного просвещения, в котором работал весьма активно, систематически представляя комитету отчёты и доклады по анализу итогов выпускных экзаменов в ряде учебных округов, по ре-

зультатам обследования состояния преподавания русского языка в гимназиях ряда губерний.

В советское время он в большей степени посвятил себя решению организационных и административных задач. Так, он принимал участие в деятельности органов образования: выступал консультантом Главпрофобра, состоял членом комиссии по языку методического сектора НКП РСФСР, был активным участником ряда съездов и конференций по народному образованию, читал лекции, организовывал выставки. Его научные заслуги оценивались при жизни достаточно высоко. В 1935 г. (по другим данным – в 1934 г.) ему была присвоена учёная степень доктора филологических наук.

Н. М. Каринский скончался в Москве 14 декабря 1935 г.

Его научная и общественно-педагогическая деятельность представляет собой яркий пример верного служения Отечеству. Разнообразная и плодотворная деятельность семьи Каринских во славу науки России до настоящего времени привлекает внимание исследователей.

VIII. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СИЛА ПРАВЛЕНИЯ (Н. А. ЖЕЛВАКОВ)

Николай Александрович Желваков родился 28 ноября 1893 г. в городе Слободском Вятской губернии в мещанской семье.

В 1912 г. Николай поехал учиться в столицу и в 1916 г. окончил Петроградский историко-филологический институт. Возможно, уже во время учёбы произошло его знакомство со своим будущим коллегой и первым ректором Вятского педагогического института имени В. И. Ленина Н. А. Дерновым; известно, что вятское студенческое землячество было одним из самых дружных. Сближала с Дерновым Желвакова и страсть к учёбе: как и Николаю Андреевичу, окончившему Петербургский университет по двум специальностям (физика и математика) [55, с. 115], Николаю Александровичу тоже было мало одного диплома, и он в том же 1916 г. окончил ещё и Петроградский археологический институт [72, с. 291].

Затем последовала служба в армии: сначала ускоренный курс пехотного военного училища, потом семь месяцев на фронте и три месяца в тыловых частях. Н. А. Желваков командовал взводом, служил помощником делопроизводителя в канцелярии дежурного генерала 8-й армии. Дослужился до чина прапорщика. Однако военная служба для человека с двумя дипломами о высшем образовании гу-

манитарного профиля не казалась притягательной. Поэтому при первой возможности Н. А. Желваков вернулся к мирной жизни.

Вернувшись в Вятку, Желваков 7 марта 1918 г. приступил к работе в губернском отделе народного образования, в его «культурно-просветительном отделе», в качестве члена комитета по делам печати. Вскоре его назначили комиссаром по делам печати. Он стал организатором и первым заведующим Вятским губернским архивом (с 8 мая по 30 июля 1918 г.). Но в тот же год он был направлен на работу в Вятский учительский институт. 10 сентября 1918 г. он был утверждён губоно преподавателем «историко-филологических предметов». Работая в институте, он заведовал кафедрой истории русской культуры, был руководителем научно-философского кружка, членом научно-методической секции при губоно.

Н. А. Желвакову довелось быть руководителем института – председателем правления и президиума научно-педагогического Совета – в течение двух непродолжительных периодов времени: с 20 апреля 1919 г. по 19 октября 1919 г. и с 9 сентября 1920 г. по 6 декабря 1921 г. [30, с. 158]

Но даже когда он перестал быть руководителем вуза, всё равно оставался в первой «тройке» правления института. Более того, именно его мы можем с полным основанием считать первым в истории института проректором. (Тогда эта должность называлась заместитель ректора.) Жизненные судьбы Н. А. Дернова и С. А. Алыпova закончились трагически, они были необоснованно репрессированы и впоследствии посмертно реабилитированы. На этом фоне жизнь Желвакова выглядит вполне благополучно.

Старейший преподаватель института Василий Михайлович Дьяконов в разные годы занимал должности проректора по учебной работе, проректора по административно-хозяйственной работе, декана факультета иностранных языков и декана филологического факультета. Он вспоминал, что люди, составлявшие руководство института в начале двадцатых годов, прекрасно дополняли друг друга. Так, Алыпova он характеризовал как глубоко принципиального партийного работника, отличного организатора масс, яркого оратора и талантливого журналиста; он был кумиром «левого» студенчества (то есть комсомольцев) и грозой пассивного «болота». Желваков, по мнению Дьяконова, был «теоретической силой правления». Действительно, вопросы организации учебного процесса лежали полностью на Николае Александровиче [30, с. 36].

Ведал Н. А. Желваков и вопросами материального обеспечения студентов. Время было голодное. Деньги совершенно обесценились. В заслугу ему можно поставить и то, что он организовал столовую в институте. Это прямо-таки спасало от голодной смерти и преподавателей, и студентов. Каждый сотрудник и студент имел право получать обеды в институтской столовой. Правда, при этом он должен был отказаться от части зарплаты и стипендии.

В 1921 г. по поручению губернского комитета партии Н. А. Желваков приступил к организации так называемого рабфака. Необходимость создания рабоче-крестьянского факультета при институте объяснялась тем, что учебная подготовка детей рабочих и беднейшего крестьянства – а именно их следовало теперь принимать в вуз – была в целом низкой; они не выдерживали конкуренции с детьми духовенства и других более зажиточных слоев. На рабфак принимали исключительно членов ВКП(б) и комсомольцев или по рекомендации этих организаций. Окончившим рабфак гарантировалось место среди студентов [17, с. 38].

В 1923 г. в жизни Н. А. Желвакова начался новый этап. Его пригласили на работу в Москву. (Кстати, в этот же год на работу в ЦК ВКП(б) был переведён и Алыпов.) В Вятке посчитали отъезд обоих огромной потерей. 14 сентября 1923 г. на заседании правления института заслушивался вопрос об уходе Желвакова с работы с 24 сентября. Он назначался преподавателем рабфака при Московском университете имени М. В. Ломоносова. Правление выразило сожаление по поводу его ухода и заявило протест «перед отделом рабфака» коллегии Главпрофобра и научно-педагогической секцией Государственного ученого совета НКП РСФСР по поводу указанного назначения Желвакова. Правление также просило ГУС командировать вместо него в Вятский институт квалифицированного преподавателя по кафедре истории русской культуры и методологии истории [72, с. 293].

В Москве Н. А. Желваков вскоре стал преподавателем Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской. В этот период определилось основное направление научных исследований Н. А. Желвакова. Будучи профессором этой академии, Н. А. Желваков провёл большую и плодотворную работу по подготовке капитального труда – двухтомной хрестоматии по истории русской педагогики с древнейших времён вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Эта хрестоматия сыграла заметную роль в развитии советской истории педагогики. Она послужила основой для дальнейшей разработки по-

добного рода изданий в нашей стране. В 1940 г. вышла в свет составленная им хрестоматия по истории западноевропейской педагогики, охватывавшая период от Великой французской революции до Парижской коммуны.

В 1935–1946 гг. Н. А. Желваков был профессором Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. Одновременно он находился на должности консультанта «по педагогическим наукам» в аппарате НКП РСФСР. Как и многие видные деятели просвещения и сотрудники НКП того времени, Желваков командировался в периферийный вуз – на его долю выпал Чувашский пединститут.

6 октября 1943 г. Совет народных комиссаров СССР своим постановлением признал необходимым создать Академию педагогических наук РСФСР. Одним из тех, кому предстояло фактически её создавать, был и Желваков. Сейчас уже не осталось в живых тех, кто были первыми действительными членами и членами-корреспондентами АПН РСФСР. Однако судя по тому, что один из этой замечательной плеяды учёных многолетний президент АПН РСФСР и одновременно министр просвещения РСФСР Иван Андреевич Каиров в своей книге «Очерки деятельности Академии педагогических наук РСФСР. 1943–1966» (М.: Педагогика, 1973) одобрительно отзывается о Желвакове как о человеке, приложившем немало сил к созданию Академии, можно утверждать, что вятский уроженец занимал достойное место среди выдающихся учёных-педагогов своего времени.

В 1947–1954 гг. Н. А. Желваков заведовал кафедрой педагогики Центрального института физической культуры имени И. В. Сталина (позднее – Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры). Ветеран факультета физической культуры и спорта Кировского пединститута Юрий Михайлович Попов (1922–2016) вспоминал в разговоре с автором монографии, что вскоре после Великой Отечественной войны он, бывший фронтовик, сдавал вступительные экзамены в аспирантуру этого столичного института. Экзаменатором, принимавшим у него экзамен, оказался не кто иной, как Н. А. Желваков, который очень обрадовался, встретив земляка, и спросил его о новостях родного вуза. Одновременно в этот период Н. А. Желваков работал заместителем начальника Главного управления высших учебных заведений и начальником Учебно-методического отделения Министерства просвещения РСФСР.

Как учёный-педагог, в эти годы Желваков разрабатывал в публикациях такие вопросы теории педагогики, как основные понятия

этой науки, проблемы взаимосвязи педагогики и естествознания и др. В 1950–1960-е гг. на страницах научно-педагогической печати обсуждалась проблема, является ли методика наукой. Вплоть до конца 1980-х гг. дискутировался вопрос о том, присваивать ли учёные степени за диссертации в области методики преподавания того или иного учебного предмета. В этой дискуссии принимал участие и Желваков, отстаивавший право методики считаться составной частью педагогической науки. Он был одним из создателей современной теории физического воспитания. Особенно велик его вклад в разработку вопросов методики школьного физического воспитания.

Н. А. Желваков прошёл большой трудовой и жизненный путь. В круг его деятельности как учёного и администратора входили многие вопросы организации народного образования и педагогической науки. Н. А. Желваков скончался в 1972 г. Редакция журнала «Советская педагогика» (1973. № 3) в своём некрологе отмечала, что плодотворный и беззаветный труд Николая Александровича Желвакова завоевал ему большую любовь и благодарность его многочисленных сотрудников и учеников, всех тех, кому неутомимый труженик щедро отдавал свой талант учёного и педагога. И особенно большой вклад он внёс в развитие Вятского педагогического института в 1920-е гг.

IX. САМЫЙ СКРОМНЫЙ И САМЫЙ КОМПЕТЕНТНЫЙ (В. М. ДЬЯКОНОВ)

Василий Михайлович Дьяконов родился 14 января 1893 г. в с. Пижанка Вятской губернии. Его родителями были священник Михаил Аполлонович и учительница Елизавета Михайловна. Были в семье и «солидные» родственники; так, дядя находился в статусе действительного статского советника, что соответствовало званию генерала.

Родители стремились дать сыну образование. По окончании Вятской духовной семинарии В. М. Дьяконов в 1912 г. отправляется на обучение в столицу. В. М. Дьяконов, так же как Дернов и Желваков, окончил столичный вуз, а именно Петроградский историко-филологический институт в 1916 г. Это было совершенно элитное учебное заведение, в котором было всего 120 студентов, и оно готовило «античников», то есть преподавателей латыни и греческого языка для классических мужских гимназий. Всего по 10 студентов в группе! В качестве вступительных экзаменов были русское сочинение, латинский и греческий языки.

Во главе института стоял В. В. Латышев, выдающийся специалист по греческой эпиграфике. Среди преподавателей были знаменитые профессора, такие, например, как Фаддей Францевич Зелинский (1856–1944), ставший в начале 1920-х гг. «пассажиrom философского парохода» и закончивший свои дни в эмиграции, или Лев Платонович Карсавин (1882–1952), брат знаменитой балерины, погибший в сталинском лагере в с. Абезь Коми АССР... Руководство института специально приглашало на встречи со студентами знаменитых историков, литераторов, археологов... Василий Михайлович любил вспоминать, как студенческий совет поручил ему проводить после одной из таких встреч поэта К. Д. Бальмонта.

Любовь к древним классикам В. М. Дьяконов сохранил на всю жизнь. С любовью и тщанием долгие годы он готовил диссертацию по творчеству Эврипида, но разного рода обстоятельства так и не дали ему возможности её защитить. Тем не менее его научные труды по древней литературе были хорошо известны крупным специалистам. На них ссылались даже такие корифеи, как, например, Алексей Фёдорович Лосев на с. 17–18 в своей книге «Гомер», вышедшей в Москве в 1960 г.

По окончании вуза В. М. Дьяконов в течение непродолжительного времени служит в армию, а в 1917 г. получает направление на педагогическую работу, и не куда-нибудь, а в гимназию г. Баку. В 1918 г. он возвращается в родной Вятский край. Работает заведующим школой в селе Русский Турек, ныне Уржумского района Кировской области (1918–1919). Затем он руководит советско-партийной школой в г. Уржуме (1920–1921).

В 1921–1923 гг. Дьяконов – заместитель заведующего Вятского губернского отдела народного образования. И наконец, в 1923 г., после ухода из института ряда сотрудников, в том числе Алыпova и Желвакова, он приходит в Вятский пединститут и сразу становится здесь заметным человеком на долгие годы. В. М. Дьяконов пришёл на работу в институт в период значительных перемен. В 1919–1922 гг. количество студентов на всех отделениях и циклах (то есть на факультетах и специальностях) колебалось от 225 до 365 человек. При этом институт готовил специалистов для средней школы по математике, физике, химии, биологии, географии, истории и обществоведению, русскому языку и литературе; также готовили учителей для школ 1-й ступени (то есть учителей начальных классов), работников дошкольных учреждений и преподавателей «трудовых процессов».

Был ещё так называемый краевой отдел, который готовил работников для национальных автономий; здесь учились представители удмуртского, татарского, марийского и коми народов.

В 1919–1921 гг. институт назывался ВИНУ, то есть Вятский институт народного образования, и имел 3-летний срок обучения. С осени 1921 г. стал пединститутом и студенты стали учиться четыре года. I курс был общеобразовательным, специализация начиналась со II курса. Поначалу студенты, независимо от специальности, изучали такие предметы, как энциклопедия математики, физика, биология, биология в связи с теорией эволюции, элементы русской филологии, история культуры, политическая экономия, экономическая география, история народного образования, новые языки. С 1921/1922 учебного года были добавлены описательная астрономия, общее землеведение, анатомия и физиология человека, введение в психологию, введение в изучение искусств, методология и классификация наук, основы агрономии, работа в мастерских.

Этот прямо-таки энциклопедический характер I курса сохранился до 1925/1926 учебного года. В первые годы работы института, как вспоминал В. М. Дьяконов, эта «общая часть» была оправдана необходимостью поднятия уровня тех студентов, которые поступали в институт, не имея среднего образования, – а таковых было подавляющее большинство. Ведь принимать стали исключительно детей рабочих, беднейших крестьян и красноармейцев, которые в массе своей не имели возможности при царизме получить сносное общее образование. Никаких программ, которые бы были утверждены в Москве авторитетными органами, ещё не было. В то же время и старые программы не годились. Поэтому каждый преподаватель сам должен был разрабатывать программу по своему предмету. Для того чтобы разрабатывать её и учить по ней студентов, самому преподавателю приходилось переучиваться, «овладевать сокровищницей марксизма-ленинизма». В. М. Дьяконов рассказывал, каким откровением для преподавателей-гуманитариев стали «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал», «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция» и другие труды основоположников марксизма-ленинизма. Более того, именно программы вятского института шли в наркомпрос РСФСР как основа для распространения среди других вузов страны. Учебников издавалось мало; нередко занимались по школьным учебникам, тем более что многие студенты имели соответствующий, то есть невысокий, образовательный уровень.

Руководство института стремилось выработать лучшие организационные формы работы. Была организована «секционная работа», кружковая и студийная, работа «временных коллективов». Всё это было некоторым приближением к тому, что впоследствии стало называться семинарами. На занятиях нередко обсуждались темы, которые далеко отходили от программы, но волновали студентов, отражали острые моменты общественно-политической жизни. Вот, например, какие темы были предметом обсуждения: «Роль принуждения и убеждения в общественной жизни и в школе» (кружок-студия по социологии), «Как протекает процесс художественного творчества» (кружок теории и психологии художественного творчества), «Как пропагандировать изучение книг Ленина в рабочем клубе» (коллектив 1-го курса). Ценной стороной этих занятий было то, что студенты и преподаватели вместе думали над теоретическими, еще далеко не разработанными проблемами. В этот же период постепенно складывается та система педагогической практики студентов, которая уже в конце 1920-х гг. займёт большое место в работе педвузов страны.

Ветераны Кировского пединститута, такие как Василий Степанович Крекнин и Вадим Николаевич Никологорский, в 1980-е гг. в беседах с автором этой статьи не раз подчёркивали тот факт, что Василий Михайлович Дьяконов на протяжении нескольких десятков лет был, несомненно, самым компетентным руководителем института. При этом необходимо особо отметить тот факт, что он, в отличие от многих других заметных преподавателей тех лет, никогда не ставил перед собой задачу куда-то уехать в поисках лучшей жизни. Более того, оставаясь на протяжении десятков лет одним из наиболее компетентных и ценных сотрудников вуза, он ни разу не ставил вопрос об улучшении своих жилищных условий, даже тогда, когда институту стали не только выделять квартиры в значительном количестве, но и целые жилые дома, в частности по адресу ул. Воровского, 75.

В ВГПИ (КГПИ) он работал в 1923–1957 гг. поначалу старшим преподавателем, заместителем директора по административно-хозяйственной части, а после отъезда Я. Л. Харапинского из Вятки в 1929 г. стал заместителем директора института по учебной части.

В разные годы он заведовал также кафедрой педагогики и кафедрой зарубежной литературы. Был деканом факультета русского языка и литературы и деканом только что открывшегося в 1941 г., за несколько дней до начала Великой Отечественной войны, факультета иностранных языков. Словом, работал там, где был нужней всего.

В. М. Дьяконов, всего в 64 года, в 1957 г. был отправлен на пенсию. Новое руководство посчитало, что на руководящих должностях должны были быть люди с учёной степенью, а таковой у В. М. Дьяконова не было. Его разносторонние организаторские способности оказались не востребованными. Тем не менее Василий Михайлович по мере сил продолжал участвовать в жизни института. Его иногда приглашали выступить перед студентами, рассказать о далёком прошлом института. Всё это было уже, конечно, не работой, а скорее, её имитацией.

Жил он со своей семьей в деревянном доме, сохранившемся поныне и находящемся за высоким забором, рядом с когда-то единственным учебным корпусом пединститута; ныне это учебный корпус № 14 ВятГУ. Калитка дома выходила на улицу Красноармейская и была расположена неподалеку от главного входа в учебный корпус. Василий Михайлович любил прогуливаться в толпе «племени младого, незнакомого». Студенты начала семидесятых его уже не знали, но многие преподаватели, особенно филологи и лингвисты, при встрече раскланивались со своим бывшим деканом...

В. М. Дьяконов активно участвовал в подготовке к празднованию пятидесятилетия КГПИ, которое отмечалось в 1968 г. Тогдашние руководители института в качестве точки отсчета взяли 1918 г. – год присвоения институту статуса высшего учебного заведения. Кстати, 75-летие отмечали в 1989 г., «отталкиваясь» уже от 1914 г., – года открытия Вятского учительского института.

В. М. Дьяконов был женат на Валентине Михайловне, урожд. Максимовой, 1890 г. р., которая работала библиотекарем. Она ненадолго пережила мужа.

В семье было трое детей. Старший сын Николай (1920–1972) был известным дипломатическим сотрудником. Он прошёл всю войну: Курская дуга, Сталинград, Вена – этапы его боевого пути. И как следствие, ордена, другие награды. Окончил Высшую дипломатическую школу. Работал на руководящей должности в советском посольстве в Вашингтоне в самый разгар «холодной войны». Неоднократно сопровождал высших руководителей страны, в том числе Н. С. Хрущёва, А. И. Микояна и А. Н. Косыгина, в их поездках по США, Франции, Бельгии, Великобритании... В дальнейшем Николай Михайлович работал в АПН (Агентство печати «Новости»). Совсем молодым он погиб в автомобильной аварии. Для Василия Михайловича и его жены это был большой удар.

Младший сын Михаил, военный летчик, в 1943 г. повторил подвиг Николая Гастелло: направил свой горящий самолёт на скопление техники врага. Дочь Татьяна с детства была инвалидом (ДЦП), но именно ей судьбой была уготована самая долгая жизнь...

У В. М. Дьяконова был брат, Пётр Михайлович Бобровский, проректор Челябинского пединститута. 1939 г. он был незаконно арестован по так называемому «делу Эйхе», был помилован и погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Реабилитирован посмертно.

В. М. Дьяконов скончался 21 сентября 1975 г. В развитии Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в 1920–1950-е гг. есть его очень существенный вклад.

Х. ПОПУЛЯРИЗАТОР НАУКИ (И. Я. ДЕПМАН)

Видный отечественный педагог и историк математики, популяризатор науки Иван Яковлевич Депман родился 17 июля 1885 г. в эстонской крестьянской семье в местечке Вильяндимаа, волость Тарвасту Лифляндской губернии, ныне Вильяндинский район Эстонской Республики. Он окончил трёхгодичную церковно-приходскую школу, в 1903–1906 гг. – учительскую семинарию в г. Юрьеве (ныне Тарту), в которой учился вместе со своим земляком, будущим руководителем эстонских коммунистов Яном Яновичем Анвельтом (1884–1937). Затем в течение трёх лет Депман работал учителем начальной школы в деревнях Тойла и Ийзаку. Увлекался народной музыкой и организовал в школах детские хоры. В 1906–1907 гг. готовился к сдаче экзамена на аттестат зрелости в санкт-петербургском училище А. Янсона. В 1907 г. он поступил в столичный университет.

В годы учёбы в университете И. Я. Депман состоял в обществе эстонских студентов, публиковался в журнале общества, напечатал несколько популярных брошюр по астрономии, а также учебное пособие по русскому языку для эстонских школ (под псевдонимом Иван Яковлев). В 1907 г. И. Я. Депман поступил на математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и в 1912 г. окончил его с дипломом первой степени. Далее он преподавал в женской гимназии в г. Ямбурге. С 1917 г. работал преподавателем в Смоленском и 2-м Петроградском педагогических институтах. Сотрудничал с выходившей в Нарве газетой эстонских большевиков “Kiir” («Луч»). Затем некоторое время работал в мужской гимназии

в Смоленске. В 1915 г. перевёл с английского книгу И. В. Макэя «Русский дар миру» – сборник статей о вкладе русских учёных в мировую культуру. В 1917 г. участвовал в первом Эстонском математическом конгрессе в Тарту.

С августа 1919 г. по командировке Наркомпроса он направляется в Вятский институт народного образования, где ведёт курсы аналитической геометрии, энциклопедии математики, дифференциального и интегрального исчисления. Исполнял обязанности секретаря учёного совета института. В 1922 г. получил звание профессора. О работе И. Я. Депмана в Вятке сохранилось немало воспоминаний. В разговоре с бывшими студентами и сотрудниками тех лет разговор нередко переходил именно на Ивана Яковлевича. Кто-то вспоминал, что он никогда не расставался с книгой; даже тогда, когда обедал в столовой, раскрытая книга непременно лежала перед ним на столе.

Другие современники упоминали о том, что у него был даже собственный книжный киоск на рынке, где он сам лично торговал литературой, в том числе первыми своими популярными книжками по истории литературы. Все, однако, неизменно отмечали одно: огромную любовь И. Я. Депмана к своему делу, как преподавателя, так и популяризатора научных знаний. По всей видимости, именно в годы работы в Вятке у него и сложилось основное направление дальнейших научных изысканий, которое в дальнейшем сформировало его как крупного исследователя.

В Вятке И. Я. Депман служил по 1924 г. С 1925 г. в течение 45 лет И. Я. Депман работал в Ленинградском педагогическом институте имени М. Н. Покровского (в 1957 г. он вошёл в состав ЛГПИ имени А. И. Герцена).

И. Я. Депман выпустил более 200 работ, причём по большей части это были большие книжки. Основными направлениями его научного творчества были история математики, методика математики, популяризация математики для школьников. И. Я. Депману принадлежит авторство более 100 книг и брошюр, в числе которых как пособия для учителя математики, так и научно-популярные публикации для школьников. Наиболее популярные из них – «Из истории математики» (М., 1950) и «Мир чисел» (М., 1966, 1982). Хорошо известны его книги «История арифметики» (М., 1959, 1965), «Рассказы о решении задач» (М., 1957, 1964). Важно отметить, что все его труды, написанные ярко и талантливо, с учётом возраста и уровня подготовленности потенциальных читателей, нисколько не утратили своей зна-

чимости и в настоящее время. С некоторыми из них можно ознакомиться в сети Интернет.

И. Я. Депман ярко проявил себя и как научный руководитель. Тридцать его учеников защитили кандидатские диссертации. В 1961 г. он был награждён орденом Ленина, а умер 26 марта 1970 г. в г. Ленинграде. Он был первым крупным учёным-математиком в Вятском институте, поэтому его роль в развитии математического образования в нашем крае была в своё время очень значительной. Помнят и его многочисленные книжки, которые время от времени переиздаются до сих пор. Они не устаревают...

ХІ. ГРАЖДАНИН МИРА (П. К. МЕЙЕР)

Интерес автора к личности профессора Павла Константиновича Мейера (1859–1928) на протяжении последних трёх десятилетий обусловлен, прежде всего, необычностью и значительной содержательностью биографии этого человека, который не вмещался в привычные для прогрессивных российских интеллигентов его поколения стереотипы; он не был бунтарём по отношению к большевистской власти, не стал «пассажиrom философского парохода», то есть эмигрантом «первой волны», а всегда поступал так, словно он свободный человек, вынужденный жить в несвободной стране.

П. К. Мейер родился 5 (17) октября 1859 г. в местечке Фолешти Белецкого уезда Бессарабской губернии в семье преподавателя физики и математики Кишинёвской гимназии. Отец ставил перед сыном большие жизненные цели, и в 1879 г. по окончании гимназии Павел отправился в Париж на учёбу в Сорбонну. Учился он на физико-химическом и математическом отделениях факультета естественных наук. Особенно запомнились ему блестящие лекции известного физика Жюля Жамена (1818–1886). Стремясь привлечь к себе внимание выдающегося профессора, молодой Павел Мейер изучил его докторскую диссертацию «Об отражении света металлами». Исследовательской работой студент Мейер активно занимался все годы обучения в Парижском университете. В 1884 г. П. Мейер окончил учёбу и остался жить и работать во Франции. Он поступил в аспирантуру родного университета, защитил диссертацию. Свободное владение несколькими европейскими языками и прекрасные знания позволили ему занять место преподавателя так называемой «свободной» средней школы [68, с. 131].

Постепенно его всё больше стала привлекать научная работа. И он нашёл свою исследовательскую «нишу», причём такую, которая позволяла в полной мере использовать весь спектр его научных познаний. В Западной Европе, и особенно в США, последние два десятилетия XIX в. и начало нового XX столетия ознаменовались стремлением к резкому повышению производительности труда в промышленности. В российской марксистской литературе эта тенденция всячески высмеивалась; «тейлоризм» в работах В. И. Ленина назывался не иначе как «удавка на шее пролетариата», «потогонная система выжимания прибыли» и т. п. Пройдёт совсем немного времени, и большевики, придя к власти в России, сами обратятся к этой же самой системе, хотя она будет ими называться совсем иначе, а именно *научная организация труда*. Получат распространение посвящённые раскрытию особенностей этой системы труды П. М. Керженцева и А. К. Гастева. Последний даже возглавит созданный им Институт НОТ.

В рамках борьбы за повышение производительности труда американские ученые проанализировали деятельность работников разных специальностей в течение рабочего дня и выяснили, что самым слабым звеном является... их питание, которое либо никак не обеспечивается, либо организуется непроизводительно и вынуждает сотрудников тратить много времени и сил. Те же, кто предпочитал питаться взятыми из дома бутербродами, не получали необходимых калорий для восстановления сил на вторую половину рабочего дня. В итоге американские учёные обратились к опыту американских индейцев, которые подчас в течение длительного времени обходились без приготовления горячей пищи и при этом вели сверхактивный образ жизни. Дело в том, что коренные жители Америки активно использовали так называемый *пеммикан* – высушенные тонкие ломтики мяса, которые занимали крайне мало места и почти ничего не весили, а поэтому не мешали их передвижению. По мере необходимости пеммикан разогревали в воде, и получалась вполне съедобная похлёбка. Так исследователи пришли к идее изготовления сублимированных продуктов по принципу «*Только добавь воды!*». В итоге от первых опытов по изготовлению концентратов, сублимации и промышленному консервированию западные фирмы, прежде всего, разумеется, американские, перешли к массовому производству таких продуктов. Именно реализация плодотворной идеи создания новых пищевых изделий заинтересовала Мейера, и с конца 1880-х гг. он вплотную занялся этим перспективным делом. Результаты опытов,

проведённых им по заказу одной из фирм, оказались очень удачными. Для их практической реализации и внедрения в производство в 1891 г. П. К. Мейер был приглашён в США. Он провёл в Нью-Йорке восемь месяцев в качестве технического консультанта по оборудованию завода новых пищевых продуктов.

Вернувшись из США во Францию, он продолжил заниматься исследованием ряда научных проблем и их практическим применением, что нашло своё воплощение в конструировании им технологического оборудования и необходимых приборов. Одновременно он учился на научном отделении (то есть в аспирантуре) Парижского университета «по разделу» математики и окончил учёбу в 1894 г. В тот же год он возвратился в Россию.

Годы, проведённые П. К. Мейером за границей, не прошли даром: было получено блестящее европейское образование, завоёван немалый научный авторитет. Вот только применить на практике на родине полученные знания в описанной выше области производства оказалось невозможно; создание сублимированных продуктов ещё не стало в то время в России актуальной задачей. Поэтому первое время П. К. Мейер работал во 2-й гимназии, а с 1896 г. – лаборантом в физической лаборатории профессора Николая Алексеевича Умова (1846–1915) в Московском университете. Несмотря на то что профессор Умов был очень заметной научной величиной, условия работы в руководимой им лаборатории были, по воспоминаниям П. К. Мейера, самые неблагоприятные, а оснащение – крайне недостаточным. Однако благодаря своим неустанным стараниям П. К. Мейер поднял деятельность лаборатории на должную высоту, чем заслужил большую признательность сослуживцев и студентов. В благодарность за добросовестный труд в 1898 г. Мейер получил от физико-математического факультета университета заграничную командировку с целью расширения своих познаний в области электрических измерений. Эта научная сфера стала новым научным увлечением Павла Константиновича. В течение двух лет он изучал электротехнику в Высшей электротехнической школе в Париже и даже получил там диплом инженера-электрика.

Несомненно, П. К. Мейер имел возможность остаться за границей, получать большие гонорары за свою работу. Но он считал себя российским гражданином, был патриотом и стремился все свои знания поставить на службу российской науке и образованию. По возвращении в Москву он приступил к организации в университете ла-

боратории электрических измерений. Создание этой лаборатории он некоторое время даже считал главным делом своей жизни. Она стала его вторым домом. Здесь он работал со студентами, руководил их практическими занятиями, консультировал, вплоть до лета 1911 г.

П. К. Мейер принимал активное участие в научной жизни России. Так, в 1902 г. на II Электротехническом съезде в Москве он сделал доклад о своей экспериментальной работе на тему «Парадоксальный случай электромагнитной индукции». Известны и другие его выступления, а также публикации. И всё-таки в России Мейеру по большому счёту не удавалось найти полноценного применения своим глубоким и разносторонним знаниям в области электротехники. Поэтому в период с 1904 по 1911 г. он почти ежегодно в летнее время осуществлял командировки во Францию, целью которых было составление проектов и руководство строительством маломощных гидроэлектрических установок, располагавшихся на старых заброшенных мельницах и снабжавших электроэнергией сельские поселения. Это стало его новым научным увлечением. Малые гидроэлектростанции не только не наносили ущерба природной среде, но, наоборот, улучшали её; ведь для их работы создавались запруды, а значит, местные жители получали в дополнение к ГЭС ещё и хорошее место для отдыха и разведения рыбы. Чиновники отдела гидравлики и мелиорации министерства земледелия Франции были довольны его работой. П. К. Мейер был хорошо знаком с министром сельского хозяйства Франции и знаменитым математиком Анри Пуанкаре (1854–1912). В Германии он познакомился с видным деятелем женского движения Кларой Цеткин. Возвращаясь в Москву, П. К. Мейер всякий раз щедро делился своим богатым опытом с коллегами и студентами, которые в своих воспоминаниях (Н. В. Кашин, А. Я. Модестов, А. В. Павша) с благодарностью он нем упоминали [59, с. 31].

Летом 1911 г. вместе с рядом профессоров, включая Умова, а также младших преподавателей, Мейер покинул университет в знак протеста против реакционной политики министра просвещения Льва Аристидовича Кассо и в связи с конфликтом, возникшим между министром и выборной администрацией университета. Кстати, именно Кассо в 1914 г. подписал указ об открытии Вятского учительского института, учреждения, где некоторое время спустя предстояло работать П. К. Мейеру. До осени 1916 г. Мейер преподавал физику в гимназиях и французский язык в одном из институтов, а 9 ноября 1916 г. покинул службу и получил пенсию по министерству народного про-

свещения. В 1917–1919 гг. П. К. Мейер постоянно искал приработка, работая в рентгеновском подотделе, в губернском продовольственном комитете, Московском пединституте, в центральном физическом комитете и других организациях.

Причин, побудивших 60-летнего П. К. Мейера переселиться в Вятку, по-видимому, было несколько. Это и стремление к продолжению самостоятельной научной и преподавательской деятельности, что было легко осуществимо прежде всего именно в молодом провинциальном вузе, не обременённом предрассудками и застарелыми традициями, а также большим количеством маститых учёных. Это и голод, гнавший людей из крупных городов поближе к сельской местности, где было всё-таки легче прокормиться в те трудные времена. Это и проявление недоверия новых властей в столичных городах по отношению к известным учёным, особенно к тем, кто имел связи с границей. А у П. К. Мейера первая жена была француженкой; они познакомились во время его учёбы в Сорбонне. У них был сын, ставший инженером; работал он в основном за границей, главным образом в Африке. Потом жена скончалась, П. К. Мейер женился второй раз, жена была по отцу француженкой, по матери – русской. Да и сам П. К. Мейер по матери молдаванин, по отцу – француз. Дед по отцу был уроженцем Эльзаса; именно он стал основателем Тифлисского ботанического сада. Сын П. К. Мейера женился на дочери шотландца и ирландки, которая считала себя англичанкой. Павел Константинович всегда с юмором рассказывал о, как он говорил, *физиологическом интернационализме* своей семьи. «Какой же национальности моя внучка?» – с юмором спрашивал он. Словом, Мейера вполне можно было считать *гражданином мира*. Таких как он, позднее стали именовать безродными космополитами, но Павел Константинович не дожил до этих времен.

Ректор Вятского педагогического института Николай Андреевич Дернов (1891–1938) стремился сагитировать к переезду в Вятку известных учёных-преподавателей. В силу вышеуказанных причин и благодаря незаурядным организаторским способностям ему это вполне удалось. Так в Вятке в сентябре 1919 г. оказались П. К. Мейер и его жена, преподаватель немецкого и английского языков Мария Карловна Мейер (1880–1962), урождённая Бланк. В Вятском пединституте работала поначалу библиотекарем, затем – преподавателем английского языка. Годы её работы в ВятГПИ (КГПИ) – 1919–1925 и 1936–1941. Осенью 1941 г. она не поехала в эвакуацию в Яранск с институтом,

поскольку её второй муж был тяжело болен. Она устроилась в школу и работала учительницей до 1960 г.

Вместе с супругами Мейер в Вятку приехал и преподаватель французского языка уроженец Швейцарии Иван Кириллович Ламберт (02.06.1863–18.11.1942). В молодости он учился в вузах Швейцарии и Франции. Первоначально он приехал в Россию в качестве гувернёра детей Л. Н. Толстого. Великий писатель не раз упоминал его в дневнике и письмах в 1889 г. Впоследствии И. К. Ламберт работал учителем в московских школах. В его бумагах, писал Е. Д. Петряев, видели фотографии семьи Толстого. Позднее архив Ламберта затерялся в Кирове. В ВГПИ он работал в 1919–1930 гг.

5 сентября 1919 г. П. К. Мейер избирается преподавателем физики и электротехники Вятского института в составе физико-математической предметной комиссии, а 3 мая 1922 г. становится профессором. Осенью того же года он утверждается действительным членом только что организованного Вятского НИИ краеведения, в котором заведует со дня основания НИИ отделом электротехники. В эти годы П. К. Мейер стремился поддерживать научные связи со столичными учеными – своими друзьями и бывшими коллегами. Летом 1920 г. он получает командировку на I Съезд Всероссийской ассоциации физиков в Москве, на котором делает доклад о разработанном им методе измерения малых электрических ёмкостей.

Приобретённые за границей знания и опыт П. К. Мейер стремился применить и в вятской глубинке. С интересом и воодушевлением был встречен им призыв к работе по электрификации страны. Вместе со студентами он обследовал мельничные запруды на реках Коса, Суна, Святица и некоторых других на предмет строительства экологически безвредных гидроэлектростанций малой мощности. Некоторые из проектов Мейера были реализованы, в том числе при его непосредственном участии. К этой работе П. К. Мейер стремился привлекать студентов. Это давало молодым людям бесценный опыт общения с маститым учёным, важные практические умения и... возможность подкормиться «на деревенских харчах». Сельские ГЭС верно служили сельским жителям вплоть до начала 1950-х гг. С наступлением эпохи гигантских гидроэлектростанций, наносящих колоссальный ущерб природе, строительство ГЭС на малых реках было признано нецелесообразным, «неэкономичным». Теперь мы видим, как природа мстит человеку за неразумное использование её богатств.

Много сил уделял профессор Мейер конструированию разнообразных физических приборов, оборудованию физической и электро-

технической лабораторий. К этой работе он активно привлекал студентов и сотрудников. По его указанию изготавливаются ценные приборы: магазин сопротивления, электродинамометр, тепловой амперметр, трансформатор малой мощности, газовый вольтметр, мост Уитстона и др. Все эти приборы служили делу обучения студентов вплоть до эвакуации института осенью 1941 г. в Яранск; тогда пришлось их оставить в учебном корпусе, «спрятав» их, как и другое оборудование, в двух запертых комнатах. Руководство института надеялось, что эти комнаты представители эвакуированных организаций не тронут и всё сохранится в неизменном виде. Но, разумеется, эти-то *тщательно закрытые* комнаты «новые хозяева» вскрыли в первую очередь, а вскрыв, обнаружили, что ничего из находившегося в них им не нужно, а потому и выбросили всё хранившееся там физическое оборудование.

Учёный мечтал об электрификации в СССР и даже оставил свои посылы, своего рода план. Как часть этого плана выступал проект проведения трамвайного сообщения из Вятки в... село Талица. Несмотря на старость и болезни, он без конца хлопочет о необходимых материалах, предлагает городской электростанции и другим организациям свою помощь в обмен на запчасти и приборы. Последние годы жизни, вспоминал его младший коллега зав. кафедрой физики в те годы Борис Павлович Спасский, Мейер жил только мыслью о научной работе. Увы, не всё оказалось осуществлено из-за общей бедности, разрухи, нехватки средств и материалов.

Осенью 1922 г. П. К. Мейер получил длительную, на полтора года (!), командировку народного комиссариата просвещения РСФСР во Францию для ознакомления с новейшими достижениями электротехники, особенно в области применения электричества в сельском хозяйстве. Руководители наркомпроса в те годы обратились к зарубежному опыту в сфере образования; этим в основном и объяснялись такие частые командировки ведущих сотрудников даже таких провинциальных вузов, как вятский.

В мае 1926 г. он вновь, вместе с Н. А. Дерновым, был командирован наркомпросом в Германию и Францию. Командировка длилась ни много ни мало целых четыре месяца – с 16 мая по 16 сентября. Павел Константинович, блестяще знавший немецкий язык, а французский – даже лучше русского, был постоянным проводником Дернова в его экскурсиях по учебным заведениям Парижа и других городов Франции. Для приобретения необходимых приборов и учебного оборудования Дернову была выдана значительная сумма (3000 р.), кото-

рую было необходимо рационально использовать. И здесь П. К. Мейер был поистине незаменим. Ему ли было не знать, что, где и по какой цене можно приобрести во Франции! В итоге Дернов и Мейер закупили такое количество наглядных пособий, разного рода деталей, ламп и прочих необходимых запчастей, что в Вятском пединституте стало возможным оборудовать на высоком для того времени уровне физическую и химическую лаборатории. В Берлине вятчане встретились с приехавшим туда на лечение знаменитым профессором Московского университета Александром Васильевичем Цингером (1870–1934), и тот подарил Вятскому институту целую библиотеку; главным образом это была литература по естественным наукам.

В Париже Мейер и Дернов завязали полезное для ВятГПИ знакомство с французским профессором Требиньянцем, выходцем из России. Впоследствии вятские учёные вели с ним переписку. Свои впечатления П. К. Мейер передавал в многочисленных письмах, адресованных своему любимому ученику Василию Степановичу Крекнину. В те годы он был начинающим преподавателем ВятГПИ.

Парижские письма вызвали подозрение у местных властей. В сентябре 1926 г. на квартире Крекниных по улице Коммунистическая, 3 (ныне ул. Орловская), был произведён обыск. Два сотрудника ГПУ тщательно осмотрели небольшое имущество молодых супругов и забрали все письма, которые позднее были возвращены со словами: «Что искали, не нашли».

Ветеран Вятского (Кировского) пединститута В. С. Крекнин (24.01.1899–11.06.1993) рассказывал автору этой монографии немало интересного. Крекнин устроился на работу в институт лаборантом ещё в 1920 г., вернувшись с фронтов Гражданской войны, а спустя два года стал студентом. В 1957 г. вышел на пенсию по инвалидности и прожил после этого ещё 36 лет. Бережно сохранённые письма П. К. Мейера В. С. Крекнин передал в музей истории института.

Вернувшись в ноябре 1926 г. из Франции сильно переутомлённым, П. К. Мейер с трудом провёл последний учебный год, после чего окончательно вышел на пенсию. В письме к Е. Д. Петряеву от 1 февраля 1964 г. ветеран Кировского пединститута филолог Павел Михайлович Арбузов (1887–1976) писал: «Один преподаватель рабфака пединститута рассказывал мне: “В 1918 году я работал в ЗАГСе. Вот пришли ко мне два интеллигентных старика и одна, довольно молодая, интеллигентная дама. Сначала один старик развёлся с этой дамой, а потом она сразу же записалась с другим стариком. Затем они вместе

ушли”. Вторым стариком был П. К. Мейер. Он продолжал и после заботиться о Марии Карловне. И вообще они втроем жили как бы одной семьей» [100].

Приходится признать, что данная информация, размещённая в сети Интернет, содержит сразу две ошибки. Во-первых, данное событие имело место не в 1918 г., а в 1928 г., незадолго до смерти П. К. Мейера. Во-вторых, с Мейером Мария Карловна не «записалась», а наоборот, развелась. Павел Константинович чувствовал себя крайне плохо, но в то же время собирался ехать во Францию. Он предчувствовал свою близкую кончину и не хотел обременять свою молодую жену дальнейшими заботами о себе. П. М. Арбузов вспоминал: «Мария Карловна не удовлетворилась двумя замужествами – с Павлом Константиновичем и Иваном Кирилловичем. В 65-летнем возрасте она влюбилась в ленинградского беженца, потерявшего семью, бывшего механика. В Кирове он работал то ли шофером, то ли слесарем. Она переселила его к себе. Умер он на руках её и моей жены от гангрены» [100].

Франция по-прежнему оставалась для П. К. Мейера второй родиной. Его тянуло к сыну, к своим университетским друзьям. В августе 1928 г. он предпринял свою последнюю поездку в Париж, на сей раз для лечения, в котором сильно нуждался. Поначалу дело шло на поправку, но перед самым отъездом в Россию болезнь сердца снова обострилась, и 8 мая 1929 г. П. К. Мейер скончался. Там же, в Париже, Павел Константинович и был похоронен. Подробности последних дней жизни Мейера в Вятке узнали из пришедшего в институт иностранного письма его парижской квартирной хозяйки. В те же дни В. С. Крекнин получил от своего наставника последнее письмо: «Добрейший Василий Степанович! Не выдержал я таки характера; ухожу из жизни, которая стала для меня невыносимым бременем. Ваши частые посещения и дружеские беседы со мною вносили некоторое утешение в моё безотрадное существование, за что я Вам глубоко признателен. Искренне благодарен Вам и за бесконечное множество услуг, которые Вы мне оказывали, поручений, которые с такой готовностью Вы выполняли, тратя на это много драгоценного времени. Прощайте, мой дорогой друг. Передайте мой привет Вашей доброй супруге. Любящий Вас П. Мейер» [59, с. 32].

Содержание письма, как нетрудно заметить, наводит на мысль о добровольном уходе из жизни П. К. Мейера. Но кто знает, что было на самом деле?! Прошло столько лет, прогремело столько бурь... Своеобразный человек, значительный учёный, проживший весьма со-

держательную жизнь, значительная часть которой была связана с Вятским краем. Но для нас главное в истории его жизни – то, что П. К. Мейер внёс в своё время существенный вклад в развитие преподавания физики в Вятском пединституте, по существу, он положил начало преподаванию этой науки в первом вузе Вятки, причём на достаточно высоком для того времени уровне, с учётом передового зарубежного опыта.

ХП. ПОТОМОК ГЁТЕ (В. А. ТРЕЙТЕР)

Летом 1963 г. известный кировский краевед Евгений Дмитриевич Петряев (1913–1987) и библиограф Кировской библиотеки им. А. И. Герцена Виктор Георгиевич Шумихин (1936–1984) разбирали остатки архива и библиотеки педагога и врача Василия Алексеевича Трейтера. Среди старых книг их внимание привлёк разбухший от сырости объёмистый том немецкого поэта К. Ш. Штурма (1740–1786) под названием «Утренние размышления», изданный на немецком языке в шотландском городе Гулле в 1780 г. Дальнейшие расспросы и поиски позволили Петряеву установить, что книга некогда принадлежала деду В. А. Трейтера, и этот дед был не кем иным, как внебрачным сыном великого немецкого поэта Й.-В. Гёте. Е. Д. Петряеву удалось ознакомиться с подорожными из Веймара в Санкт-Петербург и с другими интересными документами начала XIX в., увидеть уникальные портреты Гёте и прочитать ещё неизвестные исследователям строчки, написанные рукой создателя «Фауста», а именно его письмо своей веймарской соседке Генриетте Трейтер (ок. 1760 – ок. 1820) [66, с. 99].

Свои поиски Е. Д. Петряев описал в книгах «Литературные находки» (Киров, 1966) и «Вятские книголюбы» (Киров, 1986). Автора данной монографии, кстати, уроженца г. Веймара, заинтересовала дальнейшая судьба документов, а главное, судьбы людей, потомков Гёте на Вятской земле, но, к сожалению, Петряев и Шумихин давно скончались. К тому же всё то, что Е. Д. Петряеву удалось установить, он и сообщил в названных книгах. По объёму это очень небольшой материал. В заметках вятского историка В. К. Семибратова «Немцы на Вятке» и «Книга, изданная в Гулле», опубликованных в газете «Кировская правда» (соответственно 19 ноября 1988 г. и 9 августа 1990 г.), указывалось, что В. А. Трейтер является правнуком Й.-В. Гёте. Правда, автор лишь ссылаясь на уже указанные работы Е. Д. Пет-

ряева. Автору данной монографии удалось разыскать некоторых потомков В. А. Трейтера и составить генеалогическое древо этого очень необычного по происхождению рода [69, с. 92]...

Усадьбы Гёте и Йоганна Вильгельма Зигмунда Трейтера, служившего камер-калькулятором и ревизором (чиновником финансового ведомства) Саксен-Веймарского герцогства, находились рядом. После смерти последнего в 1817 г. наследники продали поэту отцовский дом и прилегавшую к нему территорию. Дом этот, по-видимому, сдавался внаём, а в августе 1834 г., уже после смерти поэта, был продан. Однако бывший трейтеровский сад продолжал оставаться в собственности наследников Й.-В. Гёте [83, с. 210].

Сын Й. В. З. Трейтера Йоганн Готтлоб Вильгельм Трейтер родился 29 августа 1781 г. После окончания гимназии в Веймаре 22 сентября 1801 г. он принёс студенческую клятву и поступил на медицинский факультет Йенского университета, куратором которого, кстати, был Гёте. (Город Йена расположен в 30 км от Веймара.) В 1805 г. Трейтер окончил университет, и в тот же год он навсегда покинул Германию. Сначала он жил в г. Дерпте, где оформил нострификацию немецкого диплома врача и добился права на ведение врачебной практики в России. С 1806 г. он безвыездно жил в Москве [69, с. 93–94].

Причин, побудивших его принять решение уехать из Германии в Россию, было, вероятно, две. В страдавшей малоземельем, раздираемой внутренними противоречиями, раздробленной на карликовые герцогства Германии ему было нелегко проявить свои таланты. Другое дело – бескрайняя и неграмотная Россия, где каждый образованный человек был на виду, а выходцев из Германии особенно охотно принимали на службу [38, с. 294].

Представляется убедительной и другая причина. Его внук, уже упоминавшийся нами В. А. Трейтер, в 1920-х гг. в письме к известному литературоведу профессору А. И. Лясковскому указывал: «Дед мой был женат в четвёртый раз на баронессе фон Цеймерн, лице, происходящем из очень известной в России фамилии, очень аристократической. Хотя мой дед и был известное лицо в Москве, пользовавшееся большим почётом и уважением, однако происхождение его было совершенно тёмным. Никто не знал и не подозревал до Вашего мне сообщения, что моим прадедом является Й. В. З. Трейтер... Один из Цеймернов ездил специально в Германию узнавать происхождение моего деда (так сообщил мне отец) и, вернувшись, был очень сдержан

в сообщении полученных им сведений, однако из полудоговорённых слов моего отца, его намеков я знаю от него, что сведения из Германии, полученные одним из Цеймернов, сводились к тому, что дед мой был дитя любви Гёте и Генриетты Трейтер (жены Й. В. З. Трейтера. – В. П.), чем и объясняется оживлённая переписка между Гёте и моим дедом, а также и то, что дед мой обладал, по-видимому, поэтическим даром (этим одарён мой старший брат и был одарён младший). В силу традиций и предрассудков тогдашнего времени это (имеется в виду внебрачная связь Гёте и Генриетты Трейтер. – В. П.) скрывалось, и это будто бы обстоятельство было причиной того, что дед мой уехал в Россию...» [83, с. 215]

Обрусев, он принял имя и отчество «Василий Васильевич», стал известным врачом. Долгие годы работал главным врачом московского Воспитательного дома, состоял консультантом Мариинской больницы, где, кстати, служил отец Ф. М. Достоевского; лечил он и самого писателя в его молодые годы. По приглашению профессора Московского университета, тайного советника и почётного лейб-врача Его Императорского Величества, доктора Юстуса Лодера² Трейтер работал в школе при церкви святого Михаила вместе с известными в то время врачами И. А. Розенштраухом, Ф. Ф. Рейсом, Г. Флорие, Б. Ауэрбахом. В итоге В. В. Трейтер заслужил внимание со стороны российского императорского двора. Так, московский генерал-губернатор Д. В. Голицын в письме от 29 марта 1831 г. уведомлял В. В. Трейтера о получении «высочайшего рескрипта» с изъятием ему, Трейтеру, благодарности за самоотверженную работу во время эпидемии холеры и о присвоении дворянского звания. В доме Трейтера на Басманной улице останавливались приезжавшие из Германии ученые, доктора, другие известные люди, в частности Александр фон Гумбольдт в 1829 г. [69, с. 94]

В. В. Трейтер обладал немалым поэтическим даром. Такой вывод позволяет сделать знакомство с некоторыми его произведениями, написанными по-немецки. К семидесятилетию Й.-В. Гёте в 1829 г. В. В. Трейтером было написано стихотворение “Rundgesang” («За-

² Это был тот самый доктор Юстус Лодер, от фамилии которого произошло русское слово *лодырь*. Дело в том, что доктор практиковал для своих больных лечебную физкультуру на свежем воздухе, которая включала в себя пробежки и выполнение упражнений. Видевшие всё это «махание руками» прохожие называли пациентов доктора Лодера *лодерами*, а отсюда недалеко и до современного слова *лодырь*.

здравная»), в которой он величает Гёте «королём поэтов» (“der Fuerchte der Dichter”). Ряд его произведений переведены автором этой монографии на русский язык [66, с. 105]. Ниже представлены некоторые из стихотворных произведений В. В. Трейтера.

AM NEUEN JAHR 1807

Oft Geschiedner, kehrst Du wieder nach der lang enteilter Zeit.
Sei Willkommen! Steige nieder aus der Nacht der Ewigkeit!
Doch erwarte nicht Gesaenge, keinen freudevollen Ruf,
Der noch Glueck und Freude klaenge, den sonst dein Erscheinen schuf.
Jene Zeiten sind verloren, grauer Ewigkeit verleibt!
And're Zeiten sind geboren, die mit Unheil sind beweibt!
Siehst Du jenen kraeft'gen Alten, an die Eiche dort gelehnt?
Schmerzen ihm im Busen wallten, dass er furchtbar klaeglich stoehnt.
Kennst Du dieses wuerd'ge Wesen? Mit ihm fuehlend klaegst Du: Nein!
Als er Juengling noch gewesen, kehrst Du froehlich bei ihm ein!
Monden schufen ihn zum Greisen, Rummerhat sein Haupt gebleicht,
Dass er statt mit frohen Weisen, Klagend nun durch Waelde schleicht.
Nicht erkennst Du diesen hohen Schutzgeist vaterlaend'scher Flur!
Seine Kraft ist ihm entflohen seit ein Gott sein Elend schwur.
Und sein Schutzland ist veraendert, unerkennbar ist es jetzt!
Da ein Fremder es geaendert und ihm neue Ordnung setzt.
Koennen wir Dich froh begruessen, da das Vaterland jetzt weint!
Wir den Fremden weichen muessen, die sich gegen uns vereint!
Doch bringst Hoffnung Du uns wieder. O! so zaudre nicht und sprich!
Frohe, nie gehoerte Lieder. Gruessen denn statt Klagen Dich!
Ja! So hoert doch meine Worte, die durch mich der Gott jetzt spricht:
Ausgetobet hat die Horde, die frech jede Grenze bricht!
Mein Erscheinen ist ihr Scheiden. Auf! Erwacht zu neuen Freud'n.
Bald vertreibt der Reussen Arm. Jener frank'schen Tigerschwarm!

(1807)

НА НОВЫЙ 1807 ГОД

После длительной разлуки Новый год приходит к нам!
Прежде не было с ним скуки? - Были рады стар и млад.
Но не слышно больше песен на немецкой стороне.
Времена переменились, враг царит по всей стране.
Посмотри! Вон прислонился к ели пожилой тевтон.
Рана губит его тело, из груди – предсмертный стон.
А ведь был и он здоровым и весёлым молодцом.
И в сражениях кровавых слыл отчаянным бойцом.
Не узнаешь ты ни поля, ни лесов, ни рек родных.
Красоту их враг коварный отнял. Силой утвердив

Свой закон, порядок новый и «привольное житье»
Для сирот и вдов бездомных в поле и в глуши лесной.
Все Отечество родное умывается слезой.
Уступаем вражьей силе, окружившей нас стеной
Подари же нам надежду долгожданный Новый Год!
Принеси победу Миру над французскою ордой!

(Мог ли предвидеть поэт того, что его этнические потомки дважды в XX в. пройдут «ордой» по всей Европе и принесут бесчисленные страдания миллионам людей во всём мире?!) Как видно из приведённого стихотворения, В. В. Трейтер не забывал о своей первой родине – Германии; он живо реагировал на политические события, происходившие в Европе. Острым политическим чутьём, предчувствием трагических перемен, способных захватить и Россию, проникнуто его стихотворение «Бонапарт».

BONAPARTE

Wie ihn nennt, den Corsen, der einst die deutsche Geschichte,
Darueber gruebelst Du, Freund, schwer verlegnen Gesichts?
Kluges Ungeheuer ist wahrlich der passendste Namen,
der ihm vom Freunde und Feind` ob seiner Thaten gebuehrt!

(1806–1807)

БОНАПАРТ

Под именем каким в историю войдет сей корсиканец?
Об этом размышляешь ты, смущённо морща лоб.
Умнейший изверг! – вот достойное определение,
Которым его друг иль недруг назовёт.

В своём стихотворении «Веймар» Трейтер подчёркивает неразделимую связь этого города – города немецкой национальной культуры – с Гёте.

WEIMAR

Wie die Natur zur Kunst durch Menschenhaende und Kunst wird,
Zeigt uns die liebliche Flur, zeigt uns der heitere Park.
Und wie die Kunst zur Natur durch Menschenhaende und Geist wird,
Zeigt deiner Bildener Werk, zeigt deiner Genien Lied.
Heiter muessten dann wohl in solchen Mauern die Stunden
Schwinden, wo die Kunst und Natur gaukelnd die Rollen vertauscht.

(1818–1820)

ВЕЙМАР

То, как природа благодаря труду человека
И его уменью обращается в искусство,
Показывают нам Твои нива и весёлый парк.
А как искусство становится природой
В руках мастера и при посредстве человеческого духа,
Показывают Твоё изобразительное искусство,
Песни Твоего Гения.
Весело, должно быть, протекали в твоих стенах часы,
Где искусство и природа дополняли друг друга.

(1818–1820)

Верой и правдой служил своей новой родине «немецкий сын русского народа» В. В. Трейтер. Но и с Германией он не порывал связи. В. В. Трейтер вёл переписку с Й. В. фон Гёте. Под влиянием отца он вошёл в масонскую ложу. В 1815 г. вступил в права наследства в Веймаре и продал доставшуюся ему часть земельного участка Гёте. Первые три жены Трейтера рано скончались. Брак с баронессой Еленой Карловной фон-Цеймерн, также прожившей недолгую жизнь (9.04.1804–13.12.1845), был неравным. Святейший Синод дал разрешение на него лишь после того, как брат Елены Карловны, обрусевшей немки, привёз, как уже указывалось выше, из Веймара сведения о «достаточно благородном» происхождении Трейтера. Николай I утвердил этот брак 14 октября 1827 г. [69, с. 95]

В. В. Трейтер не был чужд и коммерческой деятельности. Так, 13 января 1853 г. была утверждена акционерная Горная компания, в состав 30 акционеров которой вошёл и действительный статский советник В. В. Трейтер. В 1855 г. В. В. Трейтер скончался. У В. В. Трейтера было девять детей, в том числе от последнего брака – шесть: Елизавета, Алексей (19.11.1831, г. Москва, – 14.10.1906, похоронен в г. Вятке), Василий (22.03.1830, г. Москва, – после 1903), Михаил, Владимир (1840–1907), Максим (3.07.1842–?).

Сведения о них довольно скудные. В результате кропотливых поисков удалось собрать весьма разрозненную информацию, которую можно охарактеризовать выражением: «Лучше это, чем ничего».

Алексей работал в военной гимназии графа Аракчеева в Нижнем Новгороде. С 1885 г. – мировой судья в Подольской губернии. В 1887–1902 гг. – член Вятского окружного суда.

Василий начал военную службу в 1848 г. С 1878 г. он уже генерал-майор, с 1888 г. – генерал-лейтенант. В 1886–1895 гг. командует Кавказской стрелковой бригадой в г. Тифлисе. В 1895–1899 гг. – командир 21-й пехотной дивизии.

Михаил в 1880–1884 гг. служил в чине полковника начальником местной полиции в г. Тим Курской губернии.

Максим в 1890–1895 гг. – полковник, командир Туркестанского 11-го линейного батальона. В 1897–1899 гг. – командир 153-го Бакинского полка.

Старший сын В. В. Трейтера Александр родился примерно в 1820 г. в Москве. Он был железнодорожным инженером.

Однако мы поведём речь лишь об одном из них – об Алексее – и его детях. Алексей Васильевич Трейтер закончил училище правоведения, жил со своей женой Варварой Петровной и детьми, как уже было сказано, в Нижегородской и Подольской губерниях. В 1896 г. семья переехала в Вятку и осела здесь навсегда. В их семье было четверо детей: Пётр (2.12.1862–1927), Гликерия (28.12.1872–19.10.1937), Василий (19.5.1875, Нижний Новгород, – 11.10.1928, Вятка), Сергей (1878–1920) [38, с. 293].

Пётр закончил исторический факультет Московского университета, работал преподавателем, увлекался археологией, был организатором краеведческого музея в г. Калуге. Его дети и внук давно умерли. Сергей имел сыновей Максима и Юрия. Их дети и внуки и сейчас живут на Урале. Об этой ветви потомков Гёте можно узнать много интересного в Интернете [38, с. 293].

Более подробно расскажем о Гликерии Алексеевне и Василии Алексеевиче, поскольку их судьбы тесно связаны с Вятским краем. Г. А. Трейтер родилась в Москве. Обучалась пению в московском музыкально-драматическом училище, кстати, одновременно с Л. В. Собиновым. Вятский краевед и историк музыки Р. А. Преснецов отмечал её как обладательницу лирического сопрано [78, с. 82–83].

В 1902 г. она выступала с концертами в Вятке. Её репертуар составляли арии из опер, романсы и народные песни: украинские, белорусские, татарские, башкирские. Она окончила Павловский институт с золотой медалью. Имела диплом «свободного художника», выданный московским филармоническим обществом, который приравнивался к диплому консерватории. В 1904–1905 гг., движимая патриотическими чувствами, участвует в Русско-японской войне. Гликерия поступает сестрой милосердия на госпитальное судно «Орёл» 2-й эскадры Рождественского полка. В Цусимском сражении судно попало в плен. В семье её племянника Максима Сергеевича и его супруги Клавдии Ивановны Трейтер хранилась привезённая из плена Гликерией Алексеевной японская картина на шёлке [69, с. 97].

7 августа 1907 г. Г. А. Трейтер подала прошение о зачислении её вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, с припиской «если на медицинском вакансии не окажется». Однако училась она лишь два года. Верх взяла любовь к музыке. Она организовала женский хор, с которым выступала с концертами. В Казани преподавала музыку в частной гимназии Лидии Петровны Степановой-Шумковой, родственницы жены брата Сергея. Хлопотала в Вятке об открытии музыкального училища им. Л. В. Собинова. Накануне Первой мировой войны Гликерия жила в Берне, где познакомилась с большевиками и увлеклась их социальными идеями. В 1917 г. она была членом Петроградского Совета. В 1918 г. была направлена в Вятский губернский здравотдел. Но уже через год переведена в Москву секретарём месткома губздравотдела. В сентябре 1919 г. она вступает в партию и один год работает секретарём губернских профсоюзных органов. В 1921–1922 гг. она работает в Профинтерне. В последующие годы занимает ответственные должности: председатель профсоюза работников просвещения (г. Новороссийск), инструктор Юго-Восточного бюро ЦК ВКП(б) (г. Ростов-на-Дону), заведующая женским отделом обкома компартии Грузии (г. Сухуми). В 1929–1931 гг. она работала в Лондоне, в аппарате наркомвнешторга [69, с. 97].

Г. А. Трейтер свободно владела английским, немецким, французским и итальянским языками, а также татарским и башкирским. В последние годы жизни она работала в аппарате ЦК ВКП(б), редактором в исполкоме Коминтерна. Г. А. Трейтер не выходила замуж, была бездетна. Она покончила с собой в 1937 г. и была похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве. Но что привело её к самоубийству? Причина этого акта осталась неизвестна. Не исключено, что причиной стали массовые репрессии, развернувшиеся в стране. Было ли её самоубийство совершено в знак протеста, стало ли следствием сгущавшихся над ней самой туч или причиной было разочарование в большевистских идеалах? Можно предположить, что истина, по-видимому, где-то рядом [38, с. 293].

И наконец, расскажем о Василии Алексеевиче Трейтере, который был одним из сыновей Алексея Васильевича Трейтера. Василий Алексеевич и есть тот самый известный вятский врач, доцент Вятского педагогического института, книги которого разбирали Петряев и Шумихин [38, с. 292].

В. А. Трейтер родился в Москве. Он закончил медицинский факультет Московского университета. Именно он первым приехал на

жительство в Вятскую губернию, а вскоре к нему переселились и родители. Несколько лет он работал врачом в железнодорожных мастерских на станции Мураши. Там и застали его события Первой русской революции [16].

Летом 1905 г. Всероссийский железнодорожный союз провозгласил требование, чтобы выработка всех правительственных законоположений, касающихся условий труда на железнодорожном транспорте, находилась в руках самих рабочих и служащих. Начальник Пермской железной дороги, куда относилась и Вятка, разрешил собраться в Перми на съезд по одному представителю от каждой службы для обсуждения назревших социальных вопросов. От мурашинских железнодорожников на съезд ездили Трейтер и Константин Сергеевич Владимиров. Вернувшись из Перми, Трейтер устроил в помещении железнодорожного училища в Мурашах собрание, на котором познакомил собравшихся с резолюциями съезда. Был избран забастовочный комитет из пяти человек, куда вошёл и В. А. Трейтер [69, с. 98].

Местные железнодорожники во главе с Трейтером начали готовиться к забастовке. В 3 часа ночи 8 декабря по Пермской железной дороге была объявлена забастовка. 19 декабря она была, в пределах Вятской губернии, прекращена. В дальнейшем изменение политической обстановки в России привело к тому, что участники этой забастовки, всего 36 человек, в том числе и Трейтер, были привлечены к суду. Виновными почти все они себя не признали. В. А. Трейтер некоторое время находился в тюремном заключении [16]. Эта сторона деятельности В. А. Трейтера раскрыта в статье кировского краеведа А. В. Колотова [18].

Страстный правдоискатель, защитник слабых и угнетенных, замечательный ученый и врач – таким остался в памяти своих вятских современников В. А. Трейтер. Будущий академик-педагог Эле Исаевич Моносзон, а в 1920-е гг. студент общественно-экономического отделения Вятского пединститута, с большой теплотой и признательностью в разговоре с автором данной монографии вспоминал Трейтера, который безотказно и бескорыстно оказывал медицинскую помощь любому, кто к нему обращался, в том числе и матери юного тогда Моносзона. Интересны воспоминания Моносзона о В. А. Трейтере в связи с приездом в Вятку В. В. Маяковского [59, с. 34].

Студент Вятского пединститута 1920-х гг., в дальнейшем профессор, специалист в области авиационной техники Николай Петрович Борисов (1908–1992) в письмах к автору этой работы характери-

зовал Трейтера как человека очень высокой культуры, что накладывало яркий отпечаток на состояние дел в его лаборатории. Его ассистенты Серафима Васильевна Бабайлова и Пётр Петрович Распопов во всём стремились подражать ему. Такого исключительного, по-немецки педантичного порядка и дисциплины не было ни в одном учебном подразделении института. Сам Василий Алексеевич, вспоминал Н. П. Борисов, был замечательным лектором. На его лекции собирались все свободные от занятий студенты и преподаватели. Его прекрасные ораторские качества неизменно отмечают в своих воспоминаниях студенты тех лет. В Вятском пединституте В. А. Трейтер работал с 1 февраля 1922 г. Его переход сюда произошёл при следующих обстоятельствах. Институту был передан губернским отделом образования психологический кабинет детского коллектора. К моменту передачи кабинет имел очень скромное оборудование, состоявшее из библиотеки в 119 книг, тахистоскопа, хроноскопа, ростомера, весов, набора инструментов для исследования по методике Альфреда Бине, нескольких таблиц и небольшого количества мебели. Одним из условий передачи было обязательство института обеспечить потребность детских домов губернского отдела народного образования в амбулаторном и стационарном обследовании детей. Стремясь к выполнению этих условий, институт организовал при кабинете врачебно-педагогическую амбулаторию, начавшую свою работу 29 июля 1922 г. Вместе с оборудованием кабинета перешёл и штат коллектора, состоявший из заведующего – врача В. А. Трейтера, а также психотехника О. И. Лашкевич [38, с. 295].

К 1927/1928 учебному году кабинет имел две просторные комнаты, где размещалась амбулатория, хранилось оборудование и проводились занятия со студентами. Основной задачей кабинета стало обеспечение ведения курса педологии. В короткий срок Трейтер и возглавлявшийся им небольшой коллектив, в который входили К. Г. Кобельков, С. В. Бабайлова, Л. С. Крылова и П. П. Распопов, проделал большую работу. Был открыт педологический кабинет и врачебно-педологическая амбулатория, разработаны учебные курсы «Введение в педологию», «Возрастная педология» «Работа с детьми, уклоняющимися от нормы» и ряд других. Активно работал педологический кружок, на заседаниях которого заслушивались и обсуждались доклады педагогов школ Вятки и студентов. Проводилась большая работа по анатомо-физиологическому и психолого-педологическому обследованию детей. Научные работы В. А. Трейтера в те годы

публиковались в Ленинграде, Харькове, Свердловске, Вятке и других городах страны. Среди них были, например, следующие работы: Педагогическая педология: В 3 т. Вятка, 1927–1928; К вопросу о количестве школьной работы учащихся вятских школ // Труды 3-го съезда педиатров. Ленинград, 1926. Т. 1. С. 41–49; Опыт педологической работы // Врачебное дело. Харьков, 1925; О причинах высокой заболеваемости телеграфистов станции Вятка-1 // Уральский медицинский журнал. Свердловск, 1923; Результаты исследования детей рабочего района г. Вятки // Вятско-Ветлужский край. Вятка, 1925 и др. [69, с. 99]

Будучи убеждённым народником в лучшем смысле этого слова, В. А. Трейтер ненавидел царизм и дворянско-бюрократический строй. Когда грянула Февральская революция 1917 г., он, считавший себя «народным социалистом», был искренне убеждён, что теперь народ получит все права и больше уже не нужно никаких других революций. Великой Октябрьской социалистической революции он не принял, но был вынужден подчиниться новым порядкам. Летом – осенью 1917 г. он являлся помощником губернского комиссара, а в конце ноября – первой половине декабря губернским комиссаром Вятского Верховного Совета [38, с. 296]. Иными словами, некоторое время правнук Гёте Трейтер был руководителем Вятской губернии в качестве представителя Временного правительства [82, с. 342].

Это не прошло для него бесследно. Он снова, теперь уже Советской властью, был привлечён к суду. 2 марта 1918 г., когда ему пришлось предстать перед судом Вятского революционного трибунала в качестве обвиняемого за активную деятельность в Верховном Совете и за работу по подготовке выборов в Учредительное Собрание, разогнанное большевиками в январе 1918 г., В. А. Трейтер «открыто признал» свои «ошибки» и дал слово «честно работать на советскую власть». Огромный авторитет среди населения Вятки и популярность среди рабочих спасли его от сурового приговора, хотя опять ему пришлось провести некоторое время в заключении [69, с. 100].

Однако травля неординарного талантливое человека продолжалась и в дальнейшем, перейдя из сферы политической в сферу научную. Рупором преследования стала губернская газета «Вятская правда», поместившая на своих страницах разгромные статьи чиновника от народного образования В. Саара «Какие учебные руководства нам не нужны» (№ 48 от 25 февраля 1928 г.) и Я. Берга «Подготовка красных педагогов и “марксизм” доцента Трейтера» (№ 231 от 10 октября 1929 г.). Первая из этих статей была «рецензией» на учебное пособие

В. А. Трейтера «Педагогическая педология», во второй были подвергнуты грубым нападкам научные взгляды В. А. Трейтера, «далёкие от марксистских», что, в сущности, соответствовало действительности. Но какой иной ярлык мог быть страшнее для учёного в те годы!? [38, с. 296]

Прочитав статью Я. Берга перед началом лекции, точнее, прочитав в ней свой приговор, Василий Алексеевич нашёл в себе силы начать занятие, но прямо в аудитории потерял сознание и в ночь на 11 октября 1929 г. скончался. Ректор института Михаил Александрович Фаворов признал в некрологе, что «Василий Алексеевич всю жизнь стремился только к правде» (Вятская правда. 1929. № 233. 18 окт.).

Правда, редактор газеты, а может быть и сам автор статьи, не преминул поставить последнее слово в кавычки. В 1996 г. внучка Фаворова, доцент МГУ, приглашалась читать лекции на естгеофаке Вятского госпедуниверситета. От неё автор данной монографии узнал, что жива её мать, дочь бывшего ректора Вятского пединститута Фаворова Людмила Михайловна, с которой позднее была встреча в Москве.

Смерть В. А. Трейтера вызвала определённый резонанс среди интеллигенции и рабочих Вятки. Всем было известно, какой травле он подвергался. Неуклюжей попыткой самооправдаться в глазах местной общественности выглядит статья под названием «Смерть доцента В. А. Трейтера», помещённая в «Вятской правде» (1928. № 234. 19 окт.) и подписанная профессором математики Вятского пединститута П. Д. Белоновским. В ней, в частности, отмечалось: «Болезненное состояние Василия Алексеевича, о котором он сам лучше всех знал и о котором не раз ставил в известность своих сослуживцев и предупреждал их, в частности своего ассистента С. В. Бабайлову, о неизбежности такого исхода своей болезни, когда, как он сам выражался, его “машина может остановиться на полном ходу”, явилась той основной причиной, которая и обусловила этот трагический случай. Несмотря на расхождения и несогласие большинства членов институтского коллектива с принципиальными положениями, выставляемыми В. А. в его лекциях, общее собрание констатирует, что В. А. всегда встречал в стенах института самое внимательное и товарищеское отношение как со стороны сослуживцев, так и со стороны студенчества» [38, с. 297].

В. А. Трейтер был женат на Марии Фёдоровне Новицкой (1876–1924), родителями которой были Фёдор Каэтанович Новицкий и Ели-

завета Тимофеевна Велихова. Со слов внучки В. А. Трейтера Елены Павловны Столбовой нам известно, что Елизавете Тимофеевне приходится родней знаменитый российский физик академик Евгений Павлович Велихов [69, с. 101].

Из семерых детей Василия Алексеевича и Марии Федоровны к нашему повествованию имеют отношение потомки двух из них. Один из них – сын Алексей Васильевич (1901–?), врач-психиатр. Вместе с супругой Ириной Михайловной, домохозяйкой, он воспитал дочь Екатерину (род. в 1932 г.), ставшую учителем музыки. Именно Екатерина Алексеевна стала летописцем рода Трейтеров. Её архив включал подлинные вещи Гёте, например его портрет работы немецкого художника Н. Л. Каца. (Другой портрет Гёте того же художника, современника поэта, хранится в доме-музее Гёте в Веймаре.) Екатерина Алексеевна и её супруг Валентин Константинович Яковлев, военный в отставке, проживали в г. Санкт-Петербурге. После их ухода из жизни квартира и всё то, что имеет отношение к Гёте, отошло к людям, которые не хотели бы публичности в этом вопросе. Это, конечно, их право [69, с. 101].

Дочь В. А. Трейтера Нина (1905–1996) родилась в Мурашах. В 1924 г., по окончании Вятского коммерческого училища, она поступила на антропологическое отделение Ленинградского университета. В 1930 г. вышла замуж за П. А. Столбова, учившегося в том же университете, но на факультете советского права. Беременность и рождение дочери не позволили ей сдать два выпускных экзамена, а после вернуться в Ленинград уже не удалось, главным образом по материальным причинам. В итоге она закончила естественно-географический факультет Вятского пединститута, работала в г. Кирове директором школы фабрично-заводского ученичества. Её муж Павел Алексеевич Столбов (1906–1985) окончил Ленинградский университет, но в дальнейшем посвятил себя военной службе и служил в военной части под Вологдой, затем в Новгороде. Здесь у супругов родилась вторая дочь. Военные годы Нина Васильевна провела в Кирове, муж служил в авиачасти. В 1947–1948 гг. она была завучем Пижанской средней школы, сотрудником института усовершенствования учителей и преподавателем методики географии в Кировском пединституте [69, с. 101].

У Столбовых было двое детей. Старшая дочь Наталья Козлачкова (род. в 1930 г.) окончила филологический факультет Ленинградского университета, работала в Кирове учителем в школах рабочей

молодежи № 7 и № 2. Имела двух детей, дочь Екатерину Павловну (род. в 1965 г.) и сына Дмитрия Павловича (род. в 1962 г.), работавшего инструктором по туризму центра детского и юношеского творчества Ленинского района г. Кирова. У него тоже двое детей – сыновья Павел и Иван. Об Иване нередко пишут местные (кировские) газеты как об известном в Кирове промышленном альпинисте. Младшая дочь П. А. Столбова и Н. В. Трейтер Елена Павловна Столбова (1932–?), так же как и её сестра, окончила Ленинградский университет, но по специальности «физика». Кандидат технических наук, всю жизнь проработала в Кировском политехническом институте. Детей у неё не было. Общаясь с Ниной Васильевной и Еленой Павловной, невозможно было не обратить внимание на их поразительное внешнее сходство с великим предком. Они располагали многочисленными статьями из немецкоязычных периодических изданий, которые, главным образом через Екатерину Алексеевну, информировали своих читателей о судьбе потомков Гёте в России [69, с. 101]. По мере сил, до самой кончины, Е. П. Столбова вела общественную работу. В течение ряда лет вместе со своими школьными подругами она проводила «тепляшинские встречи», посвящённые памяти Аполлинарии Николаевны Тепляшиной, награждённой в своё время двумя орденами Ленина. Среди учеников этой выдающейся вятской учительницы – писатель Альберт Анатольевич Лиханов, рассказывавший в своих произведениях о любимой наставнице.

Члены семьи Трейтер внесли очень существенный вклад в развитие просвещения «на Вятке». Личность же самого известного из них – Василия Алексеевича Трейтера – до сих пор вызывает интерес у историков. До настоящего времени не удаётся с исчерпывающей полнотой ни доказать факт родства этого семейства с Й. В. фон-Гёте, ни опровергнуть это утверждение...

ХІІІ. ТАКОЙ ОН ЗАПОМНИЛ СТАРУЮ ВЯТКУ... **(Н. П. БОРИСОВ)**

К замечательным ветеранам Кировского пединститута, с которыми автора этой книги связывали тёплые отношения, относился Николай Петрович Борисов. Он родился 23 апреля 1908 г. в деревне Городищенская Устьевской волости Красноборского уезда Северо-Двинской губернии (ныне Архангельской области), а скончался 3 ноября 1992 г. в Санкт-Петербурге, в котором жил многие годы. Заочное об-

щение автора данной монографии с Н. П. Борисовым продолжалось несколько лет, вплоть до его кончины. В течение этого времени от Н. П. Борисова было получено несколько десятков писем. Н. П. Борисов совсем немного не дожил до выхода нашей книги «Педагоги и психологи Вятского края» (Киров, 1993), в которой ему посвящена целая глава и в которой, к сожалению, неточно указана дата его смерти. После кончины Николая Петровича переписка продолжилась с его вдовой Марией Ивановной, выражавшей автору монографии в своих письмах горячую благодарность. Николай Николаевич Парфёнов, известный ленинградский журналист, друг Н. П. Борисова, также прислал автору книги исчерпывающий отзыв на книгу, по достоинству оценив её.

Центральная педагогическая пресса, в частности журнал «Педагогика», и местные издания («Вятский наблюдатель», «Вятский край», «Выбор», «Вести») также откликнулись позитивными отзывами. При этом в личных беседах некоторые журналисты отмечали, что из всей книги именно материал о Борисове удался автору более всего. Мы согласны с таким мнением. Но в этом огромная заслуга прежде всего Н. П. Борисова, предоставившего в распоряжение автора монографии интересный материал о своей жизни. Рассказчиком Борисов оказался замечательным. Тем не менее стоило немалого труда убедить его напечататься в газете «Вятский край». В номере газеты от 25 июля 1991 г. вышла его статья под названием «В Вятке годов двадцатых». Статья небольшая, но содержательная. Кировская городская газета «Выбор», ныне уже не существующая, в своё время предоставила свои страницы для обширного материала именно о Н. П. Борисове. Но разве обо всём расскажешь в газетной статье?! Интересного материала и воспоминаний, которым щедро делился в своих письмах Николай Петрович, хватило бы на целую книгу.

В данной главе автор подробно останавливается главным образом на том периоде жизни Борисова, который связан с Вяткой. Также хотелось бы рассказать и о его дяде, известном художнике А. А. Борисове, имя которого, к сожалению, как-то не отложилось в сознании широкого круга любителей живописи, хотя многими зарубежными ценителями живописи именно А. А. Борисов считается одним из самых крупных российских художников, если вообще не самым крупным [40, с. 113].

...Была середина августа 1926 года. Сойдя с поезда на станции Вятка-2, Николай Борисов увидел перед собой город, пугавший его

своей незнакомостью. Булыжные улицы не отличались чистотой. Автомашин практически не было. Гужевой транспорт, неторопливые пешеходы, дробный стук тележных колес. В глаза бросилось обилие церковных колоколен: куда ни глянь – всюду колокольни! Для тогдашнего понимания деревенского паренька, приехавшего учиться в Вятский пединститут из глухой северной деревни, это был признак солидности – как-никак, губернский город! Как ни волновали Николая предстоящие вступительные экзамены, но и город надо посмотреть. Обошёл он центральные улицы. Поразил его величием и красотой собор Александра Невского, обнесённый железной оградой, за которой был густой сад. Собор стоял на довольно пустынной площади, по краю которой были устроены коновязи, – говоря современным языком, «стоянка» для лошадей.

На площади был базар с обжорными рядами и ларьками. В базарные дни площадь была запружена народом. В толпе выделялись крестьяне в лаптях с белыми онучами: основательные неторопливые мужики и шустрые бабы. Тут же китайцы со своими традиционными игрушками – свистульками «уйди-уйди»; это были крутящиеся цветные бумажки, снабженные пищалками. Под гармошку весело скрипела карусель, маня к себе зевак. Крутить крестовину карусели нанимались студенты пединститута [59, с. 32].

Продавалось всё, чем был богат тогдашний рынок: дрова вязанками, мануфактура, продукты. Предложение продуктов было достаточно велико. Народ жил довольно сытно. Новая экономическая политика, к тому времени ещё не уничтоженная, приносила свои положительные результаты. Молоко продавалось по двадцать пять копеек за четверть. (Четвертью называли трехлитровую бутылку с вытянутым горлышком, вмещавшую четверть ведра.)

Его разносили каждое утро у окон общежития, которое располагалось в первом этаже института вдоль улицы Красноармейской. Велась очень оживлённая торговля: как нэпманская, так и государственная. Торговля промтоварами бойко шла в магазинах по улицам Коммуны (ныне Московская) и Ленина. На улице Коммуны был самый известный в городе магазин «Москвошвей», здесь можно было купить самую модную одежду [40, с. 113].

А каких только не было папирос! «Посольские», «Зефир», «Герцеговина Флор», «Профсоюзные», «Мозаика»... Но самыми популярными были папиросы «Пушка». Тогдашние «вожди» – правда, «вожди», так сказать, «второго плана» – Радек, Раковский и им подобные,

«подарили» свои фамилии папиросам: на лицевой стороне были их портреты и факсимиле. Видимо, вспоминал Н. П. Борисов, наши «верхние» люди скромностью не отличались, любили саморекламу. Но уже очень скоро наступит другое время, и «вождь народов» «даст прикурить» этим «героям вчерашнего дня» [40, с. 113].

Купить любой товар не было проблемой, были бы деньги. А вот деньги-то заработать было нелегко: безработица, хотя и относительно небольшая, не обошла стороной Вятку. В толпе снуют беспризорные, вороватые и грязные. Их много. Они стоят у тротуаров и жалобно тянут: «Позабыт-позаброшен с молодых юных лет...» Ночевали они где придётся. Откуда взялись беспризорные – понятно, куда они все разом подевались – неизвестно. То есть люди, конечно, догадывались куда. Но задавать такой вопрос, заговаривать об этом было, что называется, опасней некуда. По официальной версии все эти миллионы несчастных детей в одночасье перевоспитал Макаренко и его соратники. И этому многие верили; а те, кто не верил, делали вид, что верили, или просто не задумывались.

Вверх по улице Ленина, по правой стороне была ночлежка. Раз с толпой любопытствующих Николай ходил посмотреть. Впечатление было гнетущее: всё оказалось похоже на то, что описывал бытописатель старой Москвы Владимир Гиляровский в своих мемуарах. Пивные с солёными сухариками, табачным дымом, гармонью и проститутками, обворовывавшими загулявших посетителей. Особенно известной была пивная на углу улиц Ленина и Дрелевского [59, с. 32].

В церквах совершались службы. Был ещё цел Кафедральный собор с могилой Лаврентия Горки, «который первый здесь науки насадил». Впоследствии на этом месте стоял памятник Сталину, а сейчас – Вечный огонь. По реке Вятке ходили двухпалубные пассажирские пароходы. С одного берега на другой, к слободе Дымково сновал паром «Митя». За рекой, правее Дымково, в замечательно красивой роще вятчане любили устраивать пикники. Место было романтическое... В августе и сентябре у причалов скупивались открытые баржи с арбузами. Около земляного моста по улице Ленина громоздились горы арбузов, множество других фруктов, и всё задёшево. Индустрия Вятки была незначительной: железнодорожные мастерские, кожевенные заводы, спичечная фабрика, ещё кое-что. Возможно, это и было благом в смысле экологии, благом, которого сейчас всем нам так не хватает [40, с. 114].

Летом в Вятку приезжали гастролёры, порой даже такие известные артисты, как Леонид Собинов, Тамара Церетели и Вера Дулова.

Ставились оперетты на разных сценах. Напротив ботанического сада, по другую сторону рва, развёртывал свой шатёр цирк шапито.

Поистине неоценимое значение для студентов Вятского пединститута имела библиотека имени А. И. Герцена. Залы её были всегда полны, и главным образом студентами. Вряд ли преувеличу, вспоминал Н. П. Борисов, если скажу, что центром культурной жизни города был педагогический институт, единственный институт в Вятке. Театр не играл большой роли – не было даже постоянной труппы. Клубы и кино были ещё слишком примитивны, и институтская «Синяя блуза», возглавлявшаяся А. С. Ерёмным, была, по существу, главным театрално-эстрадным коллективом города [59, с. 32].

Пединститут от женского епархиального училища получил богатое наследство, и это прежде всего само здание, до сих пор используемое для нужд Вятского государственного университета, расположенное на углу улиц Ленина и Красноармейской. Здание было прекрасно спроектировано, имело ухоженный внутренний сад, остатки которого угадываются и поныне в разбитых клумбах и деревьях-переростках, а также хорошую парную баню, встроенную в один из углов здания. Библиотека была великолепная, особенно раздел поэзии. Епархиальное училище было рассчитано на 450 человек; студентов же педвуза было менее 400. Возраст студентов был самым разным.

Поставщиком великовозрастных студентов был рабфак. Он располагался в старинном здании по ул. Урицкого. (Здесь сейчас располагается один из корпусов Вятской государственной сельскохозяйственной академии.)

Студентами были в массе своей крестьянские дети, преимущественно вятчане. Об этом можно было судить как по одежде (рубаша-косоворотка с пояском или ремешком), так и по речевому строю.

Но больше всего Н. Борисова удивлял в вятчанах внутренний облик, удивительная нравственная чистота. «Тогда, – вспоминал он, – я не отдавал себе отчёта, а сейчас вижу, какая это была святая наивность и неиспорченность. Была и небольшая прослойка студентов, приехавших из других городов, даже из Москвы. Не принятые в вузы у себя в городе по социальному признаку, они учились особенно усердно. Примером для Н. Борисова были такие студенты, как историки Борис Морозов и И. И. Смирнов, в будущем профессор Ленинградского университета, а также студент-математик из Нолинска А. И. Орлов.

1920-е гг. отличались мощным стремлением молодежи в вузы, прежде всего в инженерные. Кто «не дорос», то есть не был подго-

товлен в достаточной степени, «шёл в обход» – поступал на рабфак. Дальше дорога в вуз была открыта: тех, кто отучился на рабфаке, принимали в институт без вступительных экзаменов. Но, чтобы поступить на рабфак, надо было иметь рабочий стаж. Поэтому молодежь стремилась поступать на завод или фабрику. Для многих работа здесь была нужна и для смены своего «нехорошего» социального положения. Отработав год или два, они «превращались» из детей священников, купцов, бывших белых офицеров, крестьян-середняков в рабочих, и тогда уже приходили в вуз с гордо поднятой головой: рабочие и бедняки крестьяне зачислялись в первую очередь.

Большой читальный зал института всегда был заполнен до предела. Выходцы из крестьян, первые советские студенты читали и за себя, и как бы за своих дедов и отцов, которым не пришлось учиться в институте. В те годы в пединституте активно действовал литературный кружок. На выступления местных поэтов и прозаиков приходило много молодежи, причём приходили не только студенты, а и любители поэзии постарше, в том числе выпускники пединститута.

Назовём лишь несколько имен, впоследствии ставших известными на Вятке. Михаил Михайлович Решетников, в будущем литератор, журналист, редактор. Маленького росточка. Модный костюм. Бабочка. Пенсне. Читал свою поэму «Зауреш», написанную на основе марийского фольклора, и другие стихи. Считался плодовитым поэтом. Нередко читал свои стихи Борис Дьяков, почитавшийся как будто бы за «главного» в толпе юных вятских «пиитов» [59, с. 32].

В ту пору в поэзии были два главных авторитета: Есенин и Маяковский. Такое разделение вкусов было отражением социальных предпочтений населения страны. Одни с ностальгией вспоминали времена, когда «при Николке-дураке ели булки в молоке, а теперь *Совецька* власть до соломы добралась». Другие искренне верили в газетные «полит-рассказы» о том, что новая жизнь – это «всерьёз и надолго». (Оказалось, действительно надолго – на целых 74 года.) Студент-математик Михаил Зобнин часто выступал «под Есенина». Но были и студенты, «работавшие» «под Маяковского». На литературных вечерах, где тон задавали «есенинцы», царила атмосфера меланхолии, лиричности и задушевности. Зато когда вечер устраивали «маяковцы», верх брали громкоголосые ниспровергатели; Маяковский ведь и сам себя называл «агитатором, горланом, главарём».

На чтениях всегда были преподаватели-филологи, и в первую очередь Константин Владимирович Дрягин, впоследствии профессор и первый в городе член Союза писателей СССР (по секции литера-

турной критики и литературоведения). Чтения обычно проходили живо и интересно, и иногда возникали дискуссии. На одной из них студент-докладчик Гриша Лежепёков громил Маяковского и сочувственно говорил о Есенине. Его поддерживали крестьянские ребята. В «большой» же прессе, в официальных литературных кругах всё было как раз наоборот: хулили именно Есенина, а потом и вовсе запретили. «Кулацкий подголосок», «певец вековой отсталости» и тому подобные «эпитеты» служили в качестве «оценки» творчества великого поэта. Лишь в 1960-е гг. прошла первая несмелая волна реабилитации поистине всенародно любимого поэта. Зато в 1920-е гг. превозносился Маяковский. Как выяснилось десятилетия спустя, многие его стихи, в которых, казалось бы, возвеличивались коммунистическая партия и строительство социализма, имеют, что называется, и другой смысл, причём вовсе не такой «парадный». Почитайте-ка внимательно его «Стихи о советском паспорте», «Прозаседавшиеся», пьесы «Клоп», поэму «Владимир Ильич Ленин». Они проникнуты издёвкой и безжалостной критикой именно социалистического строя. Причём эта критика исходила от человека, который в те годы – один из немногих в стране – имел возможность бывать за границей, даже в Америке, и поэтому мог объективно сравнивать положение народа в СССР и на «загнивающем» Западе. Недаром прозорливый Ленин неодобрительно высказывался о творчестве Маяковского («Кричит, выдумывает какие-то слова...»).

Б. Л. Пастернак как-то сказал: «Маяковского насаждали, как картошку при Екатерине». Что ж, справедливое высказывание. Но следует отметить, что «плоды насаждения» оказались «вполне съедобными». Маяковского и сейчас любят в России так же, как любят и Есенина. Первый олицетворяет силу и энергию русского народа, другой – его душевность и нежность. Так стоит ли противопоставлять одного замечательного поэта другому, такому же замечательному?! Теперь ответ представляется совершенно очевидным. Но девяносто лет тому назад всё это было вовсе не так ясно и однозначно.

Как бы там ни было, но Есенина ещё до его таинственной гибели уже не читали со сцены. Само слово «есенинщина» стало чем-то вроде политического клейма. Всем было известно, что его *ободрял* сам Л. Д. Троцкий, который после смерти Ленина вскоре и сам попал в политическую опалу.

...Увлечение поэзией чувствовалось по обстановке в общежитиях пединститута. В какую бы комнату ни зашёл в вечерний час, вспо-

минал Н. П. Борисов, непременно услышишь: «Я не знал, что любовь – зараза...» или «Кто там шагает правой? Левой, левой, левой!...» Кумирами молодежи были не только Маяковский, Есенин и Блок. Любили Константина Бальмонта, Эмиля Верхарна, Игоря Северянина, Василия Каменского, Велимира Хлебникова и Владимира Кириллова. И как же это так получалось, что сравнительно серая, провинциальная, по преимуществу крестьянская среда поднималась до уровня понимания поэзии?! Читали, слушали, пытались сами что-то писать... А кое-кто и сам становился профессиональным литератором, например Лев Михайлович Лубнин, уже упоминавшийся М. М. Решетников, Леонид Владимирович Дьяконов [40, с. 116–117].

Вятская студенческая молодежь читала нашумевшие сочинения Петра Романова, Ильи Эренбурга, Александра Малышкина, Михаила Зощенко. «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка о смерти высокопоставленного военного на операционном столе читателями воспринималась тогда как едва ли не документальное свидетельство убийства Сталиным «наркомвоенмора» Михаила Васильевича Фрунзе. Книжка «Партия свободных ребят» Николая Богданова фактически служила настольным пособием по организации ученического самоуправления сельских ребятшек; потом она была запрещена как мешавшая организации пионерских отрядов. Кое-кто из студентов читал «Тихий Дон», но уже тогда распространился слух, что его автор вовсе не выпускник двухклассной сельской школы юный красноармеец Шолохов, а бежавший из большевистской России казачий офицер Фёдор Крюков.

Федор Гладков со своим занудным «Цементом», Александр Серафимович Попов (он же Серафимович) и его «Железный поток», Мариетта Шагинян с биографическими повестями о «самом человечном человеке», Лидия Сейфуллина и Сакен Сейфуллин, Вера Кетлинская, а несколько позднее Галина Николаева со своей неправдоподобной «Битвой в пути», повествующей о «типичном социалистическом конфликте», а именно о «непримиримой» борьбе *хорошего с ещё лучшим*, а также и другие представители так называемого социалистического реализма к тому времени ещё не овладели «умами и сердцами» советских трудящихся.

А крымковский «Танкер “Дербент”»! А фадеевский «Разгром»! Позднее «эстафету» переняли Анатолий Софронов, Александр Чаковский... Некоторые советские писатели, как, например, Александр Александрович Фадеев или Николай Семёнович Тихонов, своими

произведениями фактически утверждали, что человеческая жизнь — это всего лишь материал для решения политических и экономических задач. Именно Тихонов, впоследствии Герой Социалистического Труда, многолетний председатель госкомитета СССР по присуждению Ленинских и Государственных премий в области литературы и искусства, предлагал в своих стихах ни много ни мало «гвозди бы делать из этих людей»; из россиян, стало быть.

Все эти писатели и их книги даже пользовались успехом у читателей. Невольно возникает вопрос: почему? Позволю себе высказать мнение по этому поводу. Дело в том, что *социалистический реализм* представляет собой направление в литературе, которое предполагает такое отображение окружающей социалистической действительности, которого, в сущности, *ещё нет в действительности*, но которое, по мнению писателя, *непременно когда-нибудь наступит*. Во всяком случае, он, писатель, *имеет такую идеологическую установку*. В противном случае его книги в СССР не опубликуют, а самого автора *в лучшем случае* просто оставят в покое... Вот люди и читали такие книги, и старательно надеялись на *лучшее*, которое когда-нибудь да придёт. И песни были соответствующие, с акцентом на приближающийся коммунизм, до которого, как пелось в одной песне, «остался один поворот»...

Но вернёмся к Н. П. Борисову и его времени. Среди студенческой молодёжи 1920-х гг. проявлялось пренебрежительное отношение и к классикам, что, несомненно, было следствием «пролеткультовских» настроений. Это было то время, когда ещё можно было сказать, что «поэт в России больше, чем поэт». Развлечений у молодежи было немного, и одним из них были встречи с приезжими поэтами. И вот поэты стали приезжать и в Вятку. Именно поэты. Писателям в этом отношении было сложнее: в самом деле, не станешь же с эстрады читать отрывок из романа. Для поэта важно было завоевать симпатии читающей публики, особенно молодежи. Они и шли к молодёжи; другой аудитории тогда, в сущности, не было. Да и молодёжь-то какая — учащаяся. Остальная молодёжь, *рабочая и плужная*, в массе своей ещё не доросла до стихов.

И поэты шли к учащейся молодёжи, в вузы. Их поездки носили коммерческий характер. Им тоже надо было как-то жить. Литературные заработки, особенно у поэтов, не давали стабильных доходов. Более всего Н. П. Борисову запомнились приезды «мужика вредного поэта Демьяна Бедного» (Ефима Придворова), Михаила Герасимова, Александра Жарова и Рюрика Ивнева. Их выступления обычно про-

ходили в театре, в пединституте, в клубе имени Д. Бедного и на открытых площадках. Хорошее, бодрое впечатление произвёл на студентов комсомольский поэт Жаров, в будущем автор слов многих популярных песен. Тоскливо было слушать «железно-металлическую» «музыку» стиха Герасимова.

Наконец, приехал в Вятку и Маяковский. Расскажем об этом значительном событии в культурной жизни Вятки подробнее. На «дерновском проспекте», так назывался длинный коридор на втором этаже учебного корпуса в память о первом ректоре пединститута Николае Андреевиче Дернове, появилось объявление о выступлении знаменитого поэта. Оно состоялось вечером 3 февраля 1928 г.

В память об этом событии на здании пединститута (ныне учебный корпус ВятГУ № 14, ул. Ленина, 111) в 1968 г. была установлена мемориальная доска. На ней *ошибочно* указано, что встреча проходила 2 февраля. В действительности накануне вечером, то есть 2 февраля, состоялось выступление поэта в городском театре. Здесь случился скандальный инцидент. Гриша Лежепёков, неистовый «есенинец», запустил на сцену тухлое яйцо. Глупо, конечно, но что поделаешь – было! Маяковского это не смутило, по крайней мере, внешне. Он сказал, что считает свои поездки работой и, по-видимому, должен будет заказать для выступлений рабочий костюм.

«Вятская правда» в номере от 4 февраля откликнулась на это происшествие следующим пассажем: «К великому сожалению, вечер не обошелся без омерзительного выпада хулигана. Какой-то глупец бросил на сцену гнилое яйцо. Лучшего оружия в борьбе с поэтом-революционером не может найти только абсолютное ничтожество». Сказано, хоть и безграмотно, но верно по сути.

Утром 3 февраля поэт выступал перед делегатами XII губернской профсоюзной конференции в так называемом Дворце Труда, где в настоящее время располагается Вятская гуманитарная гимназия (здание на углу улиц Свободы и Герцена) [52, с. 34].

Выступление поэта в пединституте состоялось вечером 3 февраля в так называемом «клубном зале» (ныне кабинет № 214). В назначенный час все скамьи были заполнены студентами и городской молодёжью. Открылся занавес, и вскоре на сцене появился Маяковский. Никаких особых аплодисментов, только неуверенные хлопки вразнобой, вспоминал Н. П. Борисов. Поэт поднялся молча к краю сцены. Что-то сказал сидевшим на сцене студентам, затем подошёл к столу и снял пиджак, повесил его на спинку стула. Вышел вперед, прямой,

уверенный в себе. Серьёзное лицо без тени улыбки. Улыбки не было и на протяжении всего вечера. Взгляд поэта был направлен в зал, но одновременно как бы и внутрь себя. Костюм без претензии: однобортный пиджак, шерстяной свитер с открытым воротом, белая рубашка и галстук. Разговор пошёл о поэзии вообще и её задачах. Затем Маяковский начал читать стихи, причём сначала других авторов. Прочитал и очень похвалил светловскую «Гренаду».

Здесь нам следует дать некоторое пояснение современному читателю. Сейчас многие полагают, что положенное на песню и до сих пор исполняемое с эстрады стихотворение «Гренада», в котором речь идёт об украинском хлопце, который «хату оставил, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», было написано в связи с событиями гражданской войны в Испании середины 1930-х гг., где на стороне так называемых республиканцев принимал активное участие и воинский контингент из СССР.

Но в этом случае Маяковский, сам погибший в 1930 г., не мог бы читать «Гренаду» в ВГПИ в 1928 г. На самом деле это стихотворение было написано ещё в 1921 г. Уже тогда большевикам было мало своей собственной гражданской войны, и они посылали на бойню специальные отряды в Испанию, которые сражались и погибали там за совершенно чуждые российскому народу интересы, принося при этом дополнительные страдания и испанскому народу. Примечательно, что обратная доставка воинского контингента в Россию вообще не была предусмотрена. Практически все бойцы Красной армии, воевавшие в Испании, погибли. И это было в то время, когда в собственной стране ещё не закончилась гражданская война! Спустя полтора десятилетия всё повторилось, но в ещё более масштабном варианте. К тому же советское руководство пошло на беспрецедентный и до сих пор не имеющий аналогов в истории шаг: вывезло из Испании многие тысячи испанских детей, якобы спасая их от кровожадного диктатора генерала Франциско Франко.

Эта история даже нашла своё отражение в художественном фильме «Золотой ключик», поставленном в конце 1930-х гг. В этом фильме Карабас-Барабас ассоциируется с Франко, а Мальвина, Пьеро и другие игрушки – это испанские дети, которых жители этой страны с радостью провожают в СССР, где, как поётся в песне из фильма, «все дети там учатся в школе, и сыты всегда старики».

В действительности далеко не все испанские дети смогли приспособиться к голодной жизни в чужой холодной стране. Сколько их по-

гибло, никто не скажет... Лишь в старости, во второй половине 1980-х гг., седые «испанские дети» получили возможность вернуться на Родину. Неудивительно, что испанская армия принимала активное участие во Второй мировой войне на стороне фашистской Германии. В частности, в состав германской армии, сражавшейся под Новгородом и Псковом, входила так называемая «голубая» дивизия имени Франко.

Кстати, в стихотворении «Гренада», оканчивающемся, как известно, смертью «хлопца», поэт М. А. Светлов демонстрирует поразительное безразличие и вопиющее бездушие в отношении «своего» героя; пишет, что-де «новые песни придумала жизнь» и «не надо, ребята, о песне тужить». Словом, забудьте всё это и никогда не вспоминайте. А если кто-то и погиб, ничего уж тут не попишешь.

Невероятно, но факт: не имеющее аналогов в мировой поэзии по своему цинизму стихотворение «Гренада» до сих пор считается ни много ни мало своего рода гимном бардовского движения в нашей стране!!!

Но вернёмся к рассказу о выступлении Маяковского в ВГПИ. ...Затем В. В. Маяковский начал читать своё: отрывки из поэмы «Хорошо», «Левый марш» и др. Читал громко, уверенно, эмоционально, то и дело расставляя акценты и ударения. Без этих ударений не всё было бы и понятно, а с ними весь «рублёный речитатив» становился совершенно ясным и понятным. Огромная смысловая нагрузка стиха обнажалась до полной видимости и зрелости. В общем, прочитал с блеском. Живые аплодисменты, реплики одобрения... Тем временем на сцену пошли записки. Отвечал на них поэт по мере их накопления. Все в записках обращались к поэту на «ты»; на «ты» обращались к нему и в устных обращениях. К Жарову, Д. Бедному и другим поэтам, с которыми студенты встречались, никто не обращался на «ты», хотя Жаров, к примеру, был тогда совсем молодым комсомольцем.

Вообще-то тыканье – обычная форма обращения в среде молодёжи, но по отношению к не столь уже молодому Маяковскому она, эта форма, таила некоторый «задор». Студенты провоцировали Маяковского, а он – студентов. Вот кто-то спрашивает: «А ты, Маяковский, считаешь себя выше Пушкина?» Поэт отвечает, что все мы стоим на плечах своих предшественников, а стало быть, да, выше! В зале – гвалт: «есенинцы» шумят от возмущения, «маяковцы» – от восторга.

Студентка Зоя Боровикова задаёт вопрос: «Маяковский, скажи: «Что такое поэзия?» Он в ответ: «Фон – тан!» Снова Зоя подаёт голос: «Почему фонтан?» Маяковский «поправляется»: «Ну, не фонтан!»

По мнению Н. П. Борисова, ничего остроумного в этом ответе нет, а скорее проглядывает пренебрежение к автору вопроса. Однако, на наш взгляд, нельзя не признать, что в данном случае Маяковский как раз весьма остроумен: поэзия – это действительно фонтан или... не фонтан.

И подобных резких ответов, рассказывал Н. П. Борисов, было немало. Они породили некоторую враждебность аудитории к поэту. Было заметно, как накаляется обстановка в зале. Резкие по форме вопросы вели к ещё более резким ответам. Что и говорить, отношения поэта с аудиторией становились всё более «ершистыми».

При одном остроумном ответе поэта сидевший впереди пожилой профессор математик Петр Дмитриевич Белоновский расплылся в улыбке, и его сквозная лысина светилась как полированная. «В знак благодарности» Маяковский показал пальцем на милейшего профессора и сказал: «Смотрите, как он расплывается!» В ответ – гул и возмущение студентов. Грубость? Бестактность? Конечно! Но это был его стиль, отмечал Н. П. Борисов [59, с. 34].

Были вопросы и об Есенине: как он, Маяковский, относится к его творчеству. Владимир Владимирович говорил о Есенине не очень лестно, хотя и признавал его талант. Высмеял его самоубийство и прочитал известные стихи в его память, делая акцент на словах «Ваше имя в платочки рассоплено». «Есенинцы» были откровенно недовольны. Последовали ещё более ядовитые вопросы. Кто-то послал записку, почему он «дерёт» (входной билет стоил 40 копеек). Ответ был краток: «Нет денег – не ходи!» [40, с. 119]

Принято считать, рассказывал Н. П. Борисов, что Маяковский читал громовым басом. Преувеличение, никакого баса! Но читал он действительно очень громко, и его, если можно так выразиться, «штрихпунктирный речитатив» создавал иллюзию грома. Думаю, если бы он запел, то обнаружился бы баритон, но не бас, считал Н. П. Борисов.

Был и такой вопрос к поэту: «Вот ты, Маяковский, все “я” да “я”...» Что ж, верно. У Маяковского было много «яканья», но его «я» – это скорее обобщённое Я; не столько личное, сколько множественное, своего рода образ советского человека. Рассказывают, что в жизни Маяковский был совсем другим человеком, мягким и лиричным. Возможно. В таком случае его сценический образ был не чем иным, как им же сработанной маской, когда-то, ещё во времена футуризма, выбранной и очень хорошо подогнанной к форме его стиха. В заключение встречи поэт надел пиджак, смял в две горсти записки,

погрузил их в карманы пиджака и ушёл со сцены. После студенты ещё долго вспоминали эту встречу, шумели и спорили.

Н. П. Борисов тогда относился к Маяковскому скорее отрицательно; находился под впечатлением практически запрещенной лирики Есенина. В конце же своей жизни он смотрел на Маяковского совсем иначе; считал его провидцем, погибшим из-за разлада с тогдашней действительностью. Спасти поэта могли только приспособленчество, но он на это не был способен. Он был неудобен не только для «хапуг и выжиг», но, видимо, и для тех, кто должен был бы его защитить и кого он сам защищал в своих стихах.

Очевидцем встречи с великим пролетарским поэтом был и студент Эле Исаевич Моносзон, в будущем действительный член Академии педагогических наук СССР. Предоставим и ему слово.

«...Проездом на Дальний Восток³ в Вятку прибыл В. В. Маяковский. Был устроен вечер встречи студентов с поэтом в нашем актовом зале. За столиками президиума заняли места представители комсомольской ячейки и профкома. Шумно встреченный студентами, Маяковский снял пиджак, повесил его на спинку стула и стал засучивать рукава свитера и сорочки. В зале пошёл шумок. Маяковский грозно бросил в зал: “В чём дело, я приступаю к работе!” Пристально посмотрев на представителей “студенческой аристократии”, сидевших в президиуме на сцене, он скомандовал: “А ну-ка, ребята, идите в зал. Вы мне будете мешать работать”. Смущённые “представители” ушли, а Маяковский, отодвинув столик за кулисы, начал читать отрывки из поэмы “Хорошо», “Облако в штанах”, известные свои произведения “Левый марш”, “Прозаседавшиеся” и другие.

Очень остроумно отвечал Владимир Владимирович на многочисленные вопросы студентов: об отношении к Пушкину, Есенину, другим поэтам. С большой похвалой отозвался о М. А. Светлове и его “Гренаде”. Получив записку следующего “поэтического” содержания “Всем бы ты, Маяковский, хорош, да больно дорого со студента дерёшь”, Маяковский объяснил, что собирается ехать за границу пропагандировать поэзию Советской страны, а на это нужны средства, так что, – “Советскому поэту – гони монету!” Зал бурно аплодировал. На следующий день на своей лекции педолог доцент В. А. Трейтер стал критиковать поэзию Маяковского и его внешний облик: “У него подбородок вытянутый, что говорит о его упрямстве и некоторой шизоф-

³ Это неточность. В действительности В. В. Маяковский уехал из Вятки в Москву 4 февраля.

реничности”. Несмотря на то, что все мы любили Василия Алексеевича, а некоторые, например, я, были просто обязаны ему как прекрасному врачу, в аудитории поднялся шум возмущения. Я попросил слово и подробно рассказал о революционном пафосе поэзии Маяковского. Сказал, что он подлинный пролетарский поэт, а его подбородок характеризует его сильную волю и титаническую энергию. Большинство однокурсников поддержало меня. Наш преподаватель только и сказал: “Ну, смотрите, смотрите...” Эта встреча с любимым пролетарским поэтом привлекла ещё больше внимание студентов к его боевому творчеству» [59, с. 34].

Вот так по-разному вспоминали приезд Маяковского в Вятку тогдашние студенты физик Николай Борисов и историк Эле Монозон. Автор данного материала с огромным уважением и симпатией относился к профессорам Э. И. Монозону и Н. П. Борисову. В то же время совершенно очевидно, что сейчас невозможно установить, кто из них более точен в деталях, тем более что многое в отношении к столь неординарной личности, как Маяковский, определялось личными литературными вкусами и пристрастиями. Борисову больше нравился Есенин, Монозон отдавал свои симпатии Маяковскому [40, с. 121].

В конце 1920-х гг. в Вятском пединституте училось, как уже говорилось, примерно четыреста-пятьсот человек. По нынешним меркам всего один факультет. Это все были очники. Заочное отделение появилось в 1930 г. В соответствии с партийно-правительственным постановлением и в связи с острой нехваткой «красных» специалистов «заочка» и вводилась сроком на один год. Предполагалось произвести только один набор. Однако, как известно, в России нет ничего более постоянного, чем временное.

Но и тогдашние очники фактически были заочниками. Посещение лекций было свободным: ходи – не ходи, только экзамены сдавай. Объяснялась такая «свобода» главным образом тем, что студентам не на что было жить и многие были вынуждены подрабатывать. Так что порой экзамены сдавали прямо на квартирах преподавателей по договоренности с ними, благо почти все они жили по соседству с институтом. Стипендию (27 рублей) Николай, как выходец из крестьян-середняков, не получал, хотя учился очень успешно. Из дома деньги посылали редко и мало. Значит, надо было зарабатывать.

Но как? И где? Было время нэпа. В городе была безработица, существовала биржа труда. Студенческая артель, возглавлявшаяся энергичным Пашей Михеевым, брала подряды на погрузку и выгруз-

ку в Вятпотребсоюзе, на железнодорожной станции, на пристани. Река Вятка работала всюю. По ней шли и буксиры, и двухпалубные грузо-пассажирские пароходы. Сколько же переношено было рогожных кулей с вяленой воблой, перекатано огромных бочек с сушёным черносливом! Но самое большее, что удавалось заработать за день, — три рубля. Среди студентов были, конечно, особенно рисковые парни, сплавлявшие плоты по Вятке до Соколов, а брали их под Слободским. Зарабатывали хорошие деньги, хотя и отставали в академическом смысле. На заработанные деньги ребята приодевались.

Учился Николай Борисов, по собственному признанию, упорно, преодолевая вместе с товарищами учебные и бытовые трудности. Н. П. Борисов особенно ценил физика Бориса Павловича Спасского, преподавателей педагогики и психологии Ивана Емельяновича Чемоданова и Василия Алексеевича Трейтера. Много им давали преподаватели, но были примеры и иного рода. Так, в конце 1929/1930 учебного года был введён обязательный курс «Колхозное строительство». Отвратно было слушать всю эту белиберду студентам. Были они почти все из деревни и знали не из учебников, какой беспредел творится на селе: насильственная коллективизация, раскрестьянивание, высылка лучших работников в Сибирь, голодные смерти, подведение под расстрелы и астрономические тюремные сроки за малейшее, чаще всего мнимое, сопротивление «мероприятиям Советской власти». А каннибализм, а поедание собственных детей... Об этом были вынуждены писать даже партийные — а других и не было — газеты, в том числе «Вятская правда»...

Все эти напасти не обошли стороной и вятскую деревню. И вот преподаватель кафедры политэкономии Александр Александрович Крутиков «читает курс». Но что поделать, слушали всю эту чепуху и сдавали по ней экзамен, держа фигу в кармане. Научный и преподавательский уровень некоторых лекторов пединститута, вроде Крутикова, был не очень-то высок, и вот группа студентов, человек десять, минуя ректорат, обратилась с просьбой в Центральную рабоче-крестьянскую инспекцию, чтобы в институт присылали столичных ученых для чтения лекций с целью повышения уровня преподавания. Такое в те годы практиковалось, имеет место и сейчас, и ничего особенного в этом, может быть, и не усмотрели бы, но, во-первых, это было сделано в обход руководства института, а во-вторых, время-то какое надвигалось! Время стукачества и репрессий. К счастью, единственным последствием этой бумаги, в которой фамилия Борисова

стояла первой, стало студенческое собрание, на котором авторов письма проклинали. Кое-кто называл это «маленьким шахтинским делом». А было это вскоре после прогремевшего на всю страну процесса над «вредителями и диверсантами» в угольной промышленности. Словом, событию была придана политическая окраска. Попробуй выступи после этого, если ты с чем-то не согласен!

В Вятке Николай первый год жил в общежитии «нелегально», официально его не прописывали, так как не хватало мест. Со второго курса стал подрабатывать уроками, что доходнее и престижнее, чем быть грузчиком. Кроме того, его прописали в общежитии. На третьем курсе втроём с товарищами они сняли комнату в доме по улице Большевиков, 98 (тогда улица носила имя Троцкого, а до революции была Казанской, сейчас снова Казанская). А в последний год обучения, с осени 1929 г., он занимался с одним молодым человеком и жил в семье его родственников по фамилии Скорняковы. Они жили по улице Красноармейской, 31, совсем рядом с институтом.

Семья эта жила обстоятельно, зажиточно в собственном двухэтажном доме, сравнительно недавно снесённом. Своих детей у них не было. Петр Михайлович Скорняков происходил из крестьян, но смолоду занялся гармонным ремеслом. В те годы он имел во дворе крошечную мастерскую по изготовлению украшений из латуни для гармошек. Разумеется, он имел патент и платил налоги, но, как и следовало ожидать, закончил жизнь в лагере. Для советской власти он был социально чуждым, а вот воры, насильники и бандиты – социально близкими; им полагались меньшие сроки и более льготные условия содержания в лагере. Его жена Анастасия Владимировна, дочь коренного вятчанина, пышная дама, была домохозяйкой.

Интересным человеком был её отец Владимир Капитонович Исупов, работавший всю жизнь резчиком и позолотчиком церковной утвари. Тогда ему было около семидесяти лет. У него было два сына и две дочери. Старший сын был в эмиграции в Манчжурии, жил в Харбине и был известен как конструктор авиационных двигателей. Старшая дочь была замужем за Николаем Мореплавецевым, который был, однако, не моряком, а классным паровозным машинистом, водившим поезда дальнего следования «Рига – Манчжурия». Это был респектабельный, интеллигентный человек. С его сыном Иваном и занимался Николай, живя у Скорняковых.

Младший сын В. К. Исупова Алексей стал знаменитым художником. В 1926 г. из-за тяжёлой болезни он уехал в Италию на лечение

и остался там навсегда. Его картины есть в Миланской национальной галерее современного искусства, в галерее Уффици и других известных музеях многих стран. Свои лучшие произведения он завещал Родине, куда в годы сталинщины путь ему был заказан. Тем не менее, живя в эмиграции, он оставался патриотом своей страны, в годы войны помогал итальянскому движению Сопротивления. Умер А. В. Исупов 17 июня 1957 г., похоронен на римском кладбище Тестаццо, где, кстати, покоится и Карл Брюллов. Алексей Исупов писал из Рима отцу и сестре – домохозяйке Н. П. Борисова. Письма эти читали всей семьей. Читал их и Николай.

Прошло много-много лет, и вот как-то от сына художника Аполлинария Михайловича Васнецова Всеволода Аполлинарьевича – известного исследователя Арктики, соратника Отто Юльевича Шмидта – Н. П. Борисов узнаёт, что в 1967 г. из Рима возвращены работы художника Алексея Исупова, и в хлопотах по их размещению в Москве принимали участие вдова художника Тамара Николаевна, через год после этого скончавшаяся, и сестра художника, проживавшая в то время в Москве, Анастасия Владимировна Скорнякова. В то время у неё была фамилия Моданова; потеряв своего мужа Петра Михайловича, она впоследствии вторично вышла замуж [59, с. 35].

В конце двадцатых годов жизнь в политическом смысле становилась всё более беспокойной, какой-то взъерошенной. Много было событий, которые пугали и будоражили людей: дискуссии с Троцким и его единомышленниками, «шахтинское дело»... Процессы шли один за другим. Вчерашние «вожди» вдруг становились «врагами народа». Конечно, в тридцатые годы эти процессы стали ещё масштабнее. Были какие-то листовки, выступления и в Вятке. Но что-то конкретное Николай и его товарищи-студенты узнавали только тогда, когда это уже совершалось. Например, в 1927 г. арестовали преподавателя политэкономии Ефрема Михайловича Бочарова, высоко ценимого студентами за свою компетентность и человечность. Его обвинили в пропаганде троцкизма. Естественно, на лекциях он, как и другие обществоведы, как мог пропагандировал троцкизм. А как же иначе? Ведь Троцкий был после смерти Ленина крупнейшим партийным теоретиком, автором бесчисленных книг, учебников и статей; весь учебный процесс в области обществоведческих наук строился тогда «под Троцкого». Но на свою беду Троцкий был не только теоретиком, но и выдающимся деятелем партии, претендовавшим на лидерство, а вот этого Сталин потерпеть уже не мог. Поэтому все работы Троцкого были

объявлены вражеской пропагандой. Спустя некоторое время, без каких бы то ни было оснований, был арестован младший брат Бочарова, студент-историк Миша «за связь с троцкистом». С братом, значит.

В городе действовала группа, расклеивавшая листовки с антисталинским содержанием. Подозревали прежде всего, конечно, студентов пединститута. Называли студента Ивана Дятлова, которого вызывали в областное управление ГПУ. А вскоре он и несколько его близких товарищей погибли в результате несчастного случая. Также внезапно навсегда исчез вызванный в ГПУ бузотёр Гриша Лежепёков.

В 1929 г. хозяйственно-экономическое положение города стало ухудшаться. Это было особенно заметно по столовым и магазинам. Нэп стали уничтожать. В 1930 г. стало ещё хуже. Этот год сами большевики называли годом «Великого перелома». Это правильное определение в том смысле, что именно тогда стали особенно усердно ломать хребёт крестьянству. Правильнее было бы назвать его годом Великого преступления. Было много недовольства сталинским режимом. Стали ещё более частыми аресты и высылки. Николай знал об этом через своих хозяев, у которых было много знакомых в городе. Никакого строительства в городе не велось. Вятка была как бы «законсервирована» и всё больше дряхлая. Зато активно, начиная с 1930 г., вёлся разгром церквей. Не пощадили даже памятник мирового значения – Александро-Невский собор. Активное участие в создании соответствующего общественного мнения, направленного на снос церквей, принимали... немецкие и болгарские эмигранты.

Выдворенные из своих собственных стран и привлеченные по линии МОПРа (Международная организация помощи революционерам) в Вятке и Котельниче – не даром эти два города в СССР тогда называли «мопровскими» городами, – эти «р-р-революционеры» позволяли себе в «Вятской правде» («Кировской правде»), единственном тогда областном печатном издании, видеть ли, выражать недовольствие по поводу того, как медленно в Вятке идёт процесс сноса церквей. Так прямо и писали: дескать, чтобы к нашему следующему приезду церквей в Вятке не было. А местные кировские власти не находили ничего лучшего, как «брать под козырёк» и «вставать во фронт» перед заезжими аферистами и проходимцами. Неудивительно, что внешний облик города начал изменяться к худшему. Последний раз Н. П. Борисов был в Кирове в 1979 г. и с сожалением отметил произошедшие за полвека изменения. Город в значительной степени утратил свою индивидуальность. На месте Александро-Невского собора «высится» убогое в своей стандартности помещение филармонии.

...В 1930 г. раскулачивание пошло полным ходом. Деревня разрушалась, количество концлагерей на Севере и Дальнем Востоке росло. Ревели бабы, матерились мужики. Таким настроением жила деревня, да и город тоже. Всё это вместе взятое создавало гнусную атмосферу, в которой было трудно дышать и мыслить. Усилились слежка и стукачество. Это было заметно и в студенческой среде. Просто жить и то как-то стало опасно, вспоминал Николай Петрович.

Совсем распоясались «родные братья»: НКВД и ГПУ. Эти аббревиатуры были ненавистны народу. Народ побежал из деревни в город. Город давал всё-таки некоторую возможность затеряться среди чужих. Женщин ждал «светлый путь»: они шли в домработницы и проститутки, так как промышленности практически ещё не было, было трудно устроиться на работу и мужчинам.

Такой жизнью жила Вятская губерния и сама Вятка. Николаю казалось, что и он живёт какой-то ненадёжной жизнью, которая может сломаться в любую минуту. Из писем отца он узнавал, что его тоже теснили то налогами («твёрдое задание»), то угрозами раскулачивания. Выход был один: бежать. И он бежал, бросив всё, что было нажито за долгую трудовую жизнь: усадьбу, утварь, политую потом землю. Ещё одно воспоминание Н. П. Борисова. Сильно пострадала от голода с началом коллективизации и Вятская губерния. Спасаясь от голода, вятские мужики бросились искать спасение на Севере, отправились на Северную Двину, где было всё-таки как-то побезлюднее. А в деревне, где жил отец Николая, появились уржумские мужики, менявшие крестьянскую утварь на хлеб. Что-то наменяв, они посылали это с одним из них домой, а сами оставались, нанимались на работу и жили ради одного пропитания. Но разве это занятие для мужчин? А ведь до революции уржумская сторона была самой хлебородной в Вятской губернии... [59, с. 35]

1 мая 1930 г. Николай окончил учебу на физико-техническом отделении института. Надо было искать работу. По рекомендации и при содействии Б. П. Спасского вместе со своим другом Виктором Горбуновым он устроился в только что открытый в Вятке кожевенно-политехнический техникум, директором которого был москвич Реймеров. Летом того же года, когда Николай и Виктор вели занятия на подготовительных курсах в институт, их пригласил к себе Реймеров и вручил им делегатские билеты на 1-й всесоюзный физический съезд в Одессе. При этом он сказал: «Вам надо посмотреть мир!» И ребята действительно увидели очень многое. Слушали выступления

мировых величин – Зоммерфельда и Паули, а также наших отечественных учёных: И. Е. Тамма, Л. И. Мандельштама, А. Ф. Иоффе, А. А. Андропова и других. Так в августе 1930 г. Н. Борисов прошёл хорошую школу, оставившую след на всю жизнь [40, с. 125].

По газетному объявлению он устроился преподавателем в Сормовский машиностроительный техникум. Первое время писал в Вятку. От Анастасии Владимировны получал письма с приглашением приезжать в гости. В одном из писем она писала, что Петра Михайловича арестовали, забрали «за золото». В его мастерской лежали латунные трубы. Оказывается, в одну из них он спрятал несколько золотых монет. И вот один из работников (у него их было два) сообщил «куда следует». Сидел Петр Михайлович в церкви за речкой Хлыновкой, где была устроена тюрьма. И не вышел оттуда.

В 1931 г. в Нижнем Новгороде открыли механико-машиностроительный завод-вуз, один из первых в стране, Борисов перешёл на работу туда. Затем работал в пединституте. Вскоре его назначили заместителем декана физико-математического факультета, он получил звание доцента. Казалось бы, жизнь определилась. Но в 1936 г. Н. П. Борисов становится слушателем инженерного факультета Военно-Воздушной Академии имени Н. Е. Жуковского. Досрочно в 1940 г. ее оканчивает и затем в течение тридцати одного года служит в ВВС на преподавательской, научной и практической работе. Он работал преподавателем на авиационных курсах в Ленинграде, а позднее – в Военно-Воздушной Академии имени Н. Е. Можайского. При чем всё время на ответственных должностях, о чём свидетельствуют пятьдесят две благодарности, в том числе две от министра обороны за выполнение спецзаданий, четыре – от главкома ВВС, генеральных конструкторов А. Н. Туполева и А. С. Яковлева.

Награждён двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны 2-й степени, многочисленными медалями. Полковник в отставке, профессор Н. П. Борисов – автор большого количества научных трудов. В 1944 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук, стал профессором и начальником кафедры. Под его руководством защищены одиннадцать кандидатских диссертаций, три ученика стали докторами наук. Демобилизовавшись из Вооруженных сил в 1967 г., он ещё в течение 14 лет был профессором Ленинградского кораблестроительного института.

Огромное влияние на формирование личности Н. П. Борисова оказал его дядя, знаменитый художник А. А. Борисов (1866–1934).

О нём племянник, то есть Н. П. Борисов, написал большую, прекрасно иллюстрированную книгу «Художник вечных льдов», которая вышла в Ленинграде в издательстве «Художник РСФСР» в 1983 г. О художнике Борисове следует сказать особо. Есть такие художники, с именами которых связывается какая-то определенная тема. Айвазовский писал море, Шишкин – лес... Сердцем Александра Алексеевича Борисова завладела Арктика, край вечных льдов и снегов, северного сияния и белых медведей.

Уроженец Вологодской губернии, он с детства полюбил неяркую, но пленительную красоту северной природы и со всей силой своего незаурядного дарования отразил её в своих картинах, которые хранятся в ряде музеев и картинных галереях страны и за рубежом. П. М. Третьяков высоко ценил художнический дар А. А. Борисова и, будучи очень разборчивым меценатом, покупал у А. А. Борисова всё, что тот только мог продать; постоянно делал художнику заказы, давал деньги для организации полярных экспедиций. В своё время в Третьяковке был даже отдельный зал Борисова.

Ученик И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, А. А. Борисов обдумывал и реализовывал замыслы практически всех своих картин не в тиши мастерской, а на пронизывающем ветру и морозе где-нибудь на Новой Земле или Кольском полуострове. Во время своих длительных и опасных арктических экспедиций Борисов и его спутники не раз бывали на волосок от гибели. Спасали личное мужество и местные жители – ненцы, или самоеды, как их тогда называли. Кстати, само это слово произошло от словосочетания «сам один», что означало одиночество ненца перед суровой природой севера. Человек, как правило, мог рассчитывать только на свои силы, то есть был *сам один*, или *один*. С особой теплотой в своих письмах и в книге Н. П. Борисов вспоминал о Тыко Вылке (28.02.1886–28.09.1960), первом и многолетнем председателе Новоземельного островного совета народных депутатов (1924–1956). М. И. Калинин в шутку называл его «Президентом Новой Земли». Тыко Вылка (Илья Константинович Вылко) стал и первым ненецким художником, и выучил его рисованию именно А. А. Борисов. Произошло это при следующих обстоятельствах. Во время одной из экспедиций молодой рыбак Тыко Вылка и его друзья, случайно находившиеся поблизости, спасли от неминуемой гибели художника и его соратников. Некоторое время русские путешественники и молодой ненец провели вместе. Художник обратил внимание на стремление Тыко Вылки к учебе, дал ему первые уроки рисования. Впоследствии они неоднократно встречались, в том числе в

Москве, куда Тыко Вылку устроили на учебу. Целый год провел Тыко в Москве, была устроена выставка его картин, имевшая большой успех. Борисов звал его в Италию, но пришлось возвращаться назад: сиротами остались шесть детей его брата, и Тыко пришлось заменить им отца. Авторитет Тыко среди земляков был непререкаемым. Он как мог отстаивал интересы своих неграмотных сородичей, которых обманывали русские и иностранные купцы. Свою должность председателя Новоземельного островного комитета народных депутатов он исполнял 32 года.

В годы Великой Отечественной войны Тыко Вылке и его землякам даже пришлось с оружием в руках отстаивать свою родную землю. Немецкие захватчики решили устроить на Новой Земле военную базу, поставить радиопередатчики и пеленгаторы. Сначала наивные ненцы пытались по-доброму уговорить фашистов покинуть остров. Однако когда те расстреляли переговорщиков, ненецким охотникам пригодилось умение попадать белке в глаз. Причём поначалу ненцы никак не хотели стрелять в фашистов; это казалось им нечестным — стрелять по такой крупной цели, как человек. В итоге они вынудили захватчиков бежать с острова.

К столетию Тыко Вылки в 1981 г. на киностудии «Мосфильм» вышел двухсерийный полнометражный художественный фильм «Великий самоед». Это эпическое художественное полотно с исчерпывающей полнотой раскрывает основные эпизоды жизни Тыко Вылки. И вот в 1979 г. автор сценария этого фильма писатель Юрий Казаков и режиссёр Анатолий Гордон встречались с Н. П. Борисовым, который фактически выступил в качестве консультанта фильма; создателям картины были крайне интересны и важны свидетельства человека, жизнь которого была тесно связана с героями их произведения: А. А. Борисовым и И. К. Вылкой.

В дооктябрьское время выставки А. А. Борисова проходили с большим успехом в Австрии, Германии, Англии, США и других странах. Вена, Прага, Мюнхен, Берлин, Гамбург, Дюссельдорф, Кёльн, Париж... Последняя выставка в Европе была в Лондоне. Борисов был награждён французским орденом Почётного легиона. Помимо этого он был награждён орденами Святого Владимира IV степени, Святого Олафа, Бани.

Имя его было широко известно в нашей стране и за рубежом, причем не только любителям живописи, а даже просто мало-мальски культурным людям. Невольно встаёт вопрос, а почему сейчас имя ху-

дожника Борисова практически неизвестно широкому кругу любителей живописи. Причина, увы, проста. В 1920–1930-е гг. Советская власть в больших количествах продавала, причём за бесценок, шедевры живописи. Считалось хорошей ценой, когда картина великого художника «уходила» за пять долларов. Бесценные золотые украшения продавались на вес. И как раз картины Борисова пользовались у зарубежных покупателей особенным успехом, поскольку в них не было непонятной и неинтересной иностранцам российской социальной проблематики, как например, у художников–передвижников. В итоге, практически все картины А. А. Борисова были проданы за границу. Вот почему в советские времена о таком художнике, как Борисов, не было принято упоминать; сам факт того, что был такой художник, уже компрометировал Советскую власть. К тому же, показать его картины всё равно было невозможно; их просто практически не оставалось в советских музеях.

Хотя, конечно, кое-что осталось в России. Помню, с каким трепетом рассказывала экскурсовод о картине Борисова, хранящейся в нижегородском художественном музее. Две или три картины можно увидеть в Вологодской картинной галерее. Возможно, ещё где-то. Но всё это, по большому счёту, крохи того большого наследия, которое создавал А. А. Борисов.

Детей у него не было, но были два брата – Семён и Петр. У Петра был сын Николай, это и был Николай Петрович Борисов. Но и него, увы, не было детей. Дети Семёна сохранили часть архива, но, по большому счёту, и архив, и многие картины просто пропали... Не случайно, Н. П. Борисову при подготовке к изданию своей книги «Художник вечных льдов» пришлось для получения слайдов устанавливать контакты с зарубежными картинными галереями и владельцами частных собраний.

После 1917 года художник А. А. Борисов принял активное участие в возрождении родного края. Вблизи своей усадьбы на базе минерального источника, при поддержке наркома здравоохранения Н. А. Семашко он создал курорт «Солониha». Это был едва ли не первый курорт такого рода на севере страны. Он положил много сил в подготовку проекта так называемого Великого Северного железнодорожного пути, который частично был реализован. Железная дорога должны была пройти по северному побережью и связать Мурманск и Камчатку. Реализация идеи была отложена на долгие годы, и лишь в наши дни о ней вновь говорят, как о проекте вполне реальном и не-

обходимом. В связи с предполагаемым строительством железной дороги Борисов был тесно связан с председателем Госплана СССР Глебом Максимилиановичем Кржижановским, близким другом и соратником В. И. Ленина. Кржижановский не раз предлагал Борисову переехать в Москву и занять руководящий пост в его ведомстве.

В личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле есть брошюра А. А. Борисова «Объ-Мурманская железная дорога». А в столовой в Горках, где жил в годы болезни вождь пролетарской революции, находится его этюд «Полярные льды». Как оказалась картина в Горках? Ответить на этот вопрос можно лишь предположительно. Вероятно, считал Н. П. Борисов, она была приобретена ещё бывшим владельцем Горок, известным меценатом и покровителем художников Саввой Тимофеевичем Морозовым, а затем уж перешла к новым хозяевам вместе со всем хозяйством. Художник-реставратор И. Ф. Есаулов рассказывал: «Когда мы начали реставрировать «Полярные льды», я вспомнил, что Надежда Константиновна читала в Горках В. И. Ленину рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Подумалось: может быть, эта картина была созвучна для Ильича с жестокой, но жизнеутверждающей прозой Севера...» [59, с. 36].

Н. П. Борисов оформил фонд А. А. Борисова в Пушкинском доме Академии наук в Санкт-Петербурге. Его перу принадлежат сотни публикаций в газетах и журналах. По его инициативе и при непосредственном участии в 1974 г. в Красноборске установлен бюст художника работы скульптора Е. А. Вишневецкой, а Красноборскому краеведческому музею переданы некоторые личные вещи и картины.

Богатый архив и обстановка дома Александра Алексеевича после его смерти были растащены и не сохранились, поэтому работникам музея приходилось собирать все заново, по крупицам. Несмотря на это фонд художника в Красноборске насчитывает около 300 экземпляров, в том числе несколько подлинных картин. В 1980 г. за активную деятельность по увековечиванию памяти А. А. Борисова Красноборский районный Совет народных депутатов присвоил Николаю Петровичу Борисову звание «Почётный гражданин Красноборского района». Похоронен Н. П. Борисов на своей родине, в Красноборске.

Глава о славных россиянах Н. П. и А. А. Борисовых была, как нам казалось, уже написана, когда на электронный адрес автора монографии пришло интересное письмо, с которым автор книги посчитал нужным ознакомить и своих читателей. Приводим его ниже с не-

значительными стилистическими поправками. «Здравствуйте, Владимир Борисович! Прочитал Вашу статью о Николае Петровиче Борисове. Выражаю Вам благодарность за этот труд! Я учился у Н. П. Борисова в Ленинградском кораблестроительном институте. Сохранились ли у Вас контакты с Николаем Николаевичем Парфеновым? В своей статье Вы пишете о вдове Н. П. Борисова – Марии Ивановне. Нам казалось, что её звали Людмила Ивановна? Были ли у Николая Петровича дети? Я учился теоретической механике у замечательного человека – профессора Николая Петровича Борисова. Это был блистательный человек, бывший полковник авиации, многому меня научивший. Лекции он читал глубоко взвешенными, лаконичными и акцентированными фразами. Остаётся только сожалеть о том, что нужно было больше общаться с ним. Он справедливо считал, что смысл обучения – в обретении знания при личном контакте с учителем. В его случае – Учителем! Однажды он показал мне на Пряжке дом Самсона Суханова, великого и даже легендарного каменотеса. Это был его земляк, и Борисов открыл мне это здание. Все колонны Исаакиевского и Казанского соборов, весь ансамбль Стрелки Васильевского острова, фигуры у Ростральных колонн и Горного института, Александрийский столп...

У Н. П. Борисова был свой архив в Пушкинском доме. Там он нашёл неизвестную работу по математике Леонарда Эйлера, написанную на латыни, устроить перевод которой он тщетно пытался и которую блистательно перевёл мой дед.

В 1972 году, будучи студентом, я работал в Студенческом научном обществе и помогал решать ему одну сложную задачу “О равновесии троса на течении”. В итоге я выступил на эту тему со своим первым публичным докладом на конференции, получил награду и хвалебный отзыв в газете “За кадры верфям”. (Кстати, Сергей Довлатов работал в ней с 5 октября 1965 по 16 апреля 1969 г., причём, более двух лет, с 7 февраля 1967 г., исполнял обязанности главного редактора. Это было ещё до того, как я стал студентом.) Эта научная работа во многом определила моё техническое мировоззрение. Находясь в автономной инженерной жизни, я много раз мысленно благодарил Н. П. Борисова.

И вот, однажды, в начале 1990-х, когда нам по 8 месяцев не платили зарплату и я был счастлив возить для торгашей в своей машине капусту и картошку с базы на базар, я встретил у Сытного рынка плохо одетого, потерявшего былую выправку старика. В руках у него

была авоська с той самой капустой. Это был Борисов... Он ждал трамвая. Я кинулся к нему: “Здравствуйте, Николай Петрович!” Прошло 20 лет. Он пристально посмотрел на меня и с расстановкой произнес: “Саша, Кринский!” И тут, пока не подошёл трамвай, я должен был успеть, и стал ему говорить о его роли в моей жизни, слова благодарности за его школу. Он заплакал. Я спросил, как он живёт. “Как все”, – коротко ответил он. Помолчав, сказал: “Совсем недавно я написал книгу о моём родственнике – художнике Борисове”. Подошёл трамвай. Больше я его не видел. Прошли годы. И вдруг я нашёл в интернете книгу Н. П. Борисова! Я долго искал его книгу (Имеется в виду книга “Художник вечных льдов”. – В. П.)

И вот наконец сегодня она появилась у меня! Глянцевые страницы с запахом советской типографской краски и выверенный, глубоко осмысленный текст автора. Это так было ему свойственно. Но необходимо сделать очень важную поправку, которая не меняет коллизии сюжета. Все годы я ошибался, думая о Борисове-Мусатове. Меня удивляло возможное родство через фамилию Борисов, так как это псевдоним, и взят был художником по имени своего дальнего родственника, а близких у него, у Борисова-Мусатова, не было. И тут я понял, что Николай Петрович тогда сказал о художнике *А. А. Борисове*! Книга – “Художник вечных льдов”! Её адрес в интернете – <http://ozon2.ru/u/author/Н. П. Борисов/> Мы переехали на Сытнинскую пл. 14 мая 1990 г. Н. П. Борисов родился 23 апреля 1908 г., скончался 3 ноября 1992 г. Мы виделись летом. Следовательно, это был 1991 или 1992 год. С уважением, Александр Кринский».

Огромное спасибо Александру Кринскому за это письмо, фактологически дополняющее биографию Н. П. Борисова!

Сейчас в Кирове, кроме автора этой книги, не осталось людей, которые лично знали бы Н. П. Борисова. А в местной прессе нет-нет да и прочитаешь что-то такое, что напомним об этом человеке, пусть и косвенно. Так, в один и тот же день, 26 ноября 1991 г., две областные газеты поместили на своих страницах материалы, в которых речь шла о наших героях: «Вятский край» напечатал статью Светланы Шешиной «Алексей Исупов: Вятка – Рим», а «Кировская правда» – заметку В. Мелетина об А. А. Борисове... Впрочем, и Светланы Шешиной (Алексеевой) уже нет...

Нам же, кировчанам, следовало бы сохранять благодарную память о славных россиянах – Николае Петровиче и Александре Алексеевиче Борисовых.

XIV. ЗА ТО, ЧТО БЫЛ САМЫМ ЛУЧШИМ... (М. А. ЕЛСУКОВ)

Михаил Афанасьевич Елсуков был девятым по счёту руководителем Вятского пединститута. После работавших достаточно продолжительный период Николая Андреевича Дернова и Михаила Александровича Фаворова с сентября 1930 г. по февраль 1932 г., всего за полтора года, сменились три директора. (С 1 марта 1930 г. по 1960 г. руководители вузов именовались именно директорами, а не ректорами. В этот период их не избирали коллективом, а назначали сверху, по приказу из министерства.)

Некоторые не продержались и трёх месяцев. В целом же из восьми предшественников Елсукова четверо не проработали в этой должности и года. Непростое это дело – руководить вузом. Поэтому-то четыре директорских года Елсукова многого стоят. А сколько бы этих лет ещё могло быть?! Ведь ко времени ареста и отстранения от должности ему было всего тридцать два года... [45, с. 136]

М. А. Елсуков родился 25 июля (7 августа) 1904 г. в деревне Большие Чащины Верхошижемской волости Орловского уезда Вятской губернии в большой, крепкой крестьянской семье, в которой было восемь детей: три сына и пять дочерей. Михаил был старшим из них. Очень рано, как и все крестьянские дети, он начал трудиться, помогать родителям по хозяйству. В школе учился хорошо; в семье долго хранили Евангелие, одну из его школьных наград за успехи в учении. В 1918 г. Михаил Елсуков организовал в селе Верхошижемье группу молодежи, сочувствовавшую партии большевиков, а вскоре стал первым председателем ячейки Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) в этом селе [59, с. 37].

24 марта 1919 г. в г. Орлове состоялся I уездный съезд РКСМ, на котором был избран уездный комитет в составе шести человек. Миша Елсуков, в ту пору 14-летний мальчик, был избран секретарем «укома». Во время войн и революций взрослеют рано... С мая 1919 г. Михаил работает техническим сотрудником военного комиссариата, а 1 апреля 1920 г., пятнадцати с половиной лет, уходит добровольцем в Красную армию и служит в её рядах по 16 августа 1924 г., главным образом на командно-политических должностях. В составе 3-го полка Особой Уральской бригады в августе – сентябре 1920 г. он участвовал в боях на Кубани против десанта Врангеля. Той же осенью участвовал в уничтожении остатков деникинской армии на Северном Кавказе. Был поначалу рядовым красноармейцем, затем политруком ро-

ты и артиллерийской батареей, помощником командира взвода. В мае 1921 г. был направлен на работу в Армавирскую окружную ЧК, где работал до июля 1922 г. в должностях уполномоченного и помощника начальника отделения; затем служил в артиллерии Новочеркасской дивизии.

Служба в армии проходила успешно. Командование рекомендовало Елсукову стать кадровым военным. Расставаясь с Михаилом, его командир сделал такую надпись на обратной стороне фотографии «на память»: «Любя и всецело отдаваясь сам военному делу, я с чувством глубокого уважения расстаюсь с тобой, Михаил, с человеком, который понимает армию и который был во всё время своего пребывания в ней настоящим командиром, каковых в республике насчитывается единицами. Помни, не забывай своих сослуживцев. Пётр Карачев. 15 августа 1924 г.».

После демобилизации из Красной армии по командировке Вятского губернского комитета партии Михаил Елсуков поступил учиться в 1924 г. на общественно-экономическое отделение Вятского пединститута. При приёме в институт предъявление аттестата о среднем образовании не было в то время обязательным. Откуда ему было взяться у таких ребят, как Михаил, – детство в деревне, юность на фронте... Начальная земская школа да четыре класса школы 2-й ступени в селе Верхошижемье – вот и всё образование.

Несмотря на материальные проблемы и другие трудности, студенты тех лет жили насыщенной интересной жизнью, и Михаил Елсуков всегда был в гуще событий. В свободное от учебы время студенты любили заниматься художественной самодеятельностью, которой руководил Александр Семёнович Ерёмин. Знаток хорового пения, он создал отличный хор, в репертуаре которого были и классика, и народные песни. Выступал он и в качестве режиссёра. Большим успехом у коллектива института пользовался поставленный им спектакль «Дни нашей жизни». Огромное удовольствие доставлял он студентам, когда на концертах исполнял арии из популярных опер и классические романсы. Большинство студентов, таких как Михаил Елсуков, были из деревни, где в ту пору и радио-то не было. Отсюда понятен живой интерес, который сопровождал каждое выступление питомцев Ерёмина.

Агитбригады студентов выступали на предприятиях, выезжали в деревни и села. Летом 1924 и 1925 гг. часть студентов первых двух курсов была направлена на работу секретарями сельских советов. Это

лишало студентов каникул, но они вынуждены были подчиниться этому распоряжению, так как грамотных на селе было мало. Особенно усилилась работа по направлению студентов на село в качестве агитаторов и писцов в конце 1920-х гг. Каждому комсомольцу давалось поручение разъяснять крестьянам значение коллективизации. Таким образом, студенты, в том числе и горожане, многие из которых в жизни не пахали и не сеяли, должны были учить крестьянина, как ему жить. Неудивительно, что встречали студенческо-преподавательские агитационные бригады на селе настороженно. Порой складывались и вовсе тревожные ситуации, особенно во время так называемого раскулачивания, когда у людей отнимали последнее, а самих ссылали в Сибирь, обрекали на голодную смерть [59, с. 37].

Вот только один трагический пример. Лиза Распопова родилась в Слободском. В 1928 г. окончила вместе с Елсуковым и своим мужем Иваном Говязиным общественно-экономическое отделение института. Работала учителем обществоведения в школах Нолинска и Слободского, затем инспектором в Смоленске. Муж Иван Александрович был призван в армию в октябре 1929 г., затем окончил военную академию и курсы при академии генштаба. Вся его жизнь в дальнейшем была связана с армией: воевал, вышел в отставку полковником. Что же касается его жены...

В Смоленске Елизавету Петровну часто посылали по комсомольской линии в сельские районы для оказания помощи в проведении хозяйственно-политических кампаний. В марте 1934 г. она была командирована в Колодненский сельсовет, что в 30 километрах от Смоленска. В одном из хуторов она остановилась на ночлег. Ночью спящую Лизу зверски убили. Вскоре преступник был изобличен и приговорён к расстрелу. Им оказался кулак, отбывавший ссылку, и нелегально вернувшийся домой... [45, с. 137–138]

В то время уделялось повышенное внимание воспитанию у комсомольцев патриотизма. Молодёжь воспитывалась в духе постоянной боевой готовности на случай вражеского нападения на нашу родину. Летом 1928 г. студенты первых двух курсов впервые были направлены в военные лагеря для прохождения военной подготовки в лагерных условиях. Лагеря размещались на тогдашней окраине Вятки, около территории нынешнего машиностроительного завода 1 Мая. Из студентов была сформирована отдельная студенческая рота, которой командовал преподаватель военной подготовки Андрей Евсеевич Чехарин.

Проводились и пробные комсомольские мобилизации, в которых участвовал и М. Елсуков. В один из весенних дней 1927 г. была объявлена тревога для всех комсомольцев-мужчин призывного и допризывного возрастов. Студенты получили мобилизационные повестки, и в назначенный час явились на сборные пункты (1-й и 2-й райкомы комсомола), готовые к отправке на фронт. (Так им сказали, – «на фронт!», хотя в то время вообще-то и не было никакого «фронта», если не считать провокаций на китайской границе, с которыми успешно справлялись своими силами пограничники.)

Рано утром на площади Большевиков (сейчас на её месте стадион «Динамо») был проведён общий митинг. Всех «мобилизованных» построили по боевому расчету. В строю было объявлено, что через час по сигналу трубы будет произведена посадка в вагоны, после чего эшелон будет немедленно отправлен, а куда, будет сказано только в пути. В дороге же, на одной из станций, каждому якобы будет выдано оружие. А пока, до посадки в вагоны, объявил «командир батальона», если кто считает нужным, пусть напишет письмо родным, близким или друзьям. Был оборудован специальный пункт, где можно было бесплатно взять письменные принадлежности и конверт, а затем опустить письмо в ящик. По команде «Разойдись!» многие стали писать письма. Затем строем, с песнями отправились на станцию Вятка-2 (ныне станция Киров-Котласский).

За несколько минут до отправления поезда на станции вдруг появились жены и девушки «будущих бойцов». Они пришли провожать своих мужей, товарищей и женихов. Некоторые были с детьми на руках. Все это внесло элемент напряжённости и сумятицы. Подошёл военный эшелон с теплушками. После построения началась посадка. Тут уж женщинам стало вовсе не до шуток: некоторые из них пустились в слезы. А когда эшелон тронулся, тут и самые храбрые из них заплакали. Все принимали происходящее всерьёз; думали, что эшелон действительно отправляется к китайской границе. Примерно через два часа поезд остановился на станции Вятка-1. Оттуда все строем направились обратно на площадь Большевиков. То-то было слёз у женщин, теперь уже от радости. Тревога оказалась учебной!

Между тем, пока студенты находились в пути, особая комсомольская комиссия собрала все их письма, прочитала их и на разборе этой пробной мобилизации сообщила о характере этих писем. У большинства студентов письма были боевые, в них выражалась готовность защищать Родину. С десятков писем были признаны «недос-

таточно бодрыми», но в целом «здорового направления». Но в злополучном ящике оказались два письма, в которых было написано примерно следующее: «Чёрт меня связал с этим комсомолом. Вот теперь и вляпался». И всё в таком духе. Авторов этих писем тут же на митинге исключили из комсомола и из института, вспоминал бывший студент Василий Федулович Смердов.

Студенческую молодёжь тех лет морально-этические проблемы интересовали не меньше, нежели молодёжь нынешнюю. Активно велась борьба за нравственную чистоту студента. Тогдашние студенты, впоследствии известные вятские учителя В. И. Мочалов, К. Г. Селезнёв и другие, вспоминали, например, что студенты совершенно не употребляли спиртные напитки. И не только потому, что не хватало на это денег, а главным образом оттого, что в комсомольской организации существовало непримиримое отношение к выпивке. Выпить стакан пива или рюмку водки считалось большим грехом, грубейшим нарушением комсомольской этики.

И всё-таки случались довольно драматические истории. В 1928 г. одна из центральных газет опубликовала большой фельетон «Дуэль, или Жестокая Агнюша», из которой студенты узнали, что два комсомольца, студент Ленинградского мединститута Юферов и Вятского пединститута Копытов, устроили в ленинградском общежитии... дуэль. К счастью, наган Копытова, стрелявшего первым, дал осечку, в комнату ворвались студенты и скрутили обоих дуэлянтов. Осенью, после каникул, комсомольское собрание, посвящённое разбору этого инцидента, проходило очень бурно. Копытова исключили из института и комсомола. Тогдашний студент, впоследствии профессор, Н. П. Борисов рассказывал нам, как в дальнейшем сложилась судьба его товарища. Павел Васильевич Копытов закончил пединститут в Ленинграде, работал по полученной специальности. В 1980-е гг. скончался [59, с. 38].

В 1920–1930-е гг. решительно осуждалось стремление некоторых молодых людей «уйти в чистый академизм»; постоянно подчёркивалось, что учёба должна быть связана с общественной работой, причём характер общественной работы изменялся год от года в зависимости от насущных потребностей дня. Так, М. Елсуков и другие студенты проводили шефскую работу в так называемом «Доме крестьянина», в мастерских учебных пособий (впоследствии – завод «Физприбор» № 2 имени А. В. Луначарского), в паровозном и вагонном депо, в железнодорожных мастерских (ныне машиностроитель-

ный завод 1 Мая) и на других предприятиях. Они распространяли облигации государственного займа, помогали налаживать выпуск стенных газет и организовывали художественную самодеятельность, проводили атеистическую работу, оказывали содействие в организации ячеек различных добровольных обществ: МОПР (Международная организация помощи революционерам), Осоавиахим, «Долой неграмотность» и др.

Михаил Елсуков активно занимался общественной работой. Не случайно уже на первом курсе он, как «представитель исполбюро профсекции», вместе с ректором Дерновым командирован в Москву на методическое совещание по педагогическому образованию. В 1926 г. студента Елсукова избирают секретарём парторганизации института. На сохранившейся фотографии партийного комитета ректор Н. А. Дернов сидит сбоку, а в центре – студент М. Елсуков. Приходилось Михаилу и подрабатывать в Вятском мелиоративном техникуме и других учебных заведениях. К этому времени у него появилась семья, подрастали дети.

Студенты Вятского пединститута участвовали в строительстве первого в СССР завода-автогиганта в Нижнем Новгороде. Уезжая на стройку, на своем собрании они заявили, что их отряд покажет пример ударной работы. И действительно, работали они хорошо, многие получили благодарность от стройкома за образцовую работу. В этой всесоюзной стройке первой пятилетки участвовали студенты в основном набора 1929 г., но были и с других курсов. Михаила, однако, среди них уже не было. Годом ранее он «окончил курс по общественно-экономическому отделению экономико-географической секции».

Любопытно, какие дисциплины изучались в то время. Удалось получить копию свидетельства М. А. Елсукова. Есть предметы, названия которых звучат сейчас «экзотично»: «Введение в педологию», «Учение о детских аномалиях», «Основы работы с детьми, уклоняющимися от нормы», «Трудовая школа», «Программы ГУСа», «Профдвижение» и т. п. Но есть и остросовременные предметы, такие как, например, «Социальная психология».

В институте работали различные научные кружки. Так, при кафедре общественных наук был кружок по изучению экономики местного края. Председателем кружка выбрали Аню Кузнецову (по мужу – Палтова). Заседания кружка собирали большое количество студентов. Для некоторых кружковцев эти заседания определили всю дальнейшую жизнь. Сама Палтова стала впоследствии кандидатом экономиче-

ских наук, многие годы преподавала в педагогическом и сельскохозяйственном институтах г. Кирова. Очень активен в кружке был и Михаил Елсуков. Он и некоторые другие студенты готовили такие доклады и сообщения, которые даже печатались в местных изданиях [45, с. 141].

Комсомольская организация выдвигала наиболее достойных на кафедры в качестве их постоянных членов. Это были так называемые «академуполномоченные» студенты. В числе прочего эти студенты принимали участие в решении вопросов по выдвижению своих наиболее способных товарищей на научную работу, как говорили тогда, «в институт выдвиженцев», которых потом рекомендовали затем в аспирантуру. Среди этих «выдвиженцев» оказался и Елсуков. В 1922–1941 гг. при пединституте работал НИИ краеведения, деятельность которого внесла значительный вклад в изучение экономики, истории и культуры Вятского края. В аспирантуре при НИИ проходили подготовку выпускники пединститута, проявившие склонность к научной работе. 30 июля 1928 г. аспирантом «по общему краеведению» утверждается М. А. Елсуков. Сферой научных интересов аспиранта, а затем преподавателя, доцента Елсукова была политэкономия и экономическая география. Он вёл эти дисциплины в институте с 1929 г.

Активно занимался Михаил научной работой: публиковал статьи в журнале «Вятско-Ветлужский край», в сборнике «Вятский край» и других изданиях. Ныне его статьи, такие как «Кустарные промыслы края», «Транспорт края» и другие, представляют интерес для историков и краеведов. Научный руководитель Михаила профессор Валентин Алексеевич Танаевский высоко оценивал научную и преподавательскую деятельность своего аспиранта. Он вспоминал, что Елсуков принимал самое активное участие в методической работе кафедры и даже, будучи ещё студентом, вёл самостоятельную научную работу.

В 1930 г. М. А. Елсуков участвовал в качестве начальника отряда в экспедиции, организованной НИИ краеведения для изучения «мелкой промышленности» в Советском районе, и «проявил при подготовке и проведении экспедиции высокие организаторские способности и умение ориентироваться в изучаемой обстановке», отмечал профессор В. А. Танаевский [45, с. 142].

М. А. Елсуков являлся членом Кировского горкома ВКП(б), кандидатом в члены Кировского крайисполкома, членом горсовета. Постоянно консультировал партийные и плановые хозяйственные ор-

ганы по наиболее сложным вопросам местной экономики. С мая 1929 г. М. А. Елсуков – секретарь учебной части института, с января 1930 г. – заведующий общественно-экономическим отделением. Через год он уже заместитель директора по учебной части. Одновременно он оканчивает аспирантуру НИИ «по отделу экономики». 8 февраля 1932 г., в 27 лет, М. А. Елсуков назначается директором института [17, с. 41].

Прежний директор Семён Иванович Завыленков был переведён заместителем директора по учебной части в Нижегородский университет, где и был спустя некоторое время репрессирован. Ответственную должность директора института Елсуков занимал по 15 августа 1936 г. На посту директора ярко проявились его творческие и организаторские способности. Конечно, на него, как говорится, работала эпоха. Но и он сам в полной мере соответствовал эпохе – её целям, задачам и энтузиазму. За эти годы институт значительно расширился. Было проведено преобразование ставших архаичными отделений в факультеты, был открыт географический факультет. Много внимания директор уделял комплектованию кафедр квалифицированными преподавателями. К зданию института был пристроен третий этаж, и оно приобрело современный вид. М. А. Елсуков весь отдавался работе, жил интересами института, строил далеко идущие планы.

Роковой для него 1936 год начался благополучно. В феврале он прошёл в Москве курсы повышения квалификации директоров институтов при НКП. На втором всероссийском совещании директоров педагогических и учительских институтов он был награждён премией в две тысячи рублей за второе место в социалистическом соревновании; первое место было присуждено директору главного педвуза страны – московского. Это награждение фактически означало, что кировский педагогический институт – один из лучших в РСФСР, если вообще не лучший. Служебная деятельность М. А. Елсукова протекала без осложнений и не давала, казалось бы, никакого повода для беспокойства. Более того, в эту последнюю в его жизни командировку он получил от руководства НКП предложение о переходе на работу в Москву. В. А. Танаевский, живший в то время в Москве, убеждал Елсукова соглашаться: «Ведь вы завидно молоды, у вас всё впереди. Большому кораблю – большое плавание». Однако жизнь сложилась иначе... [12, с. 39]

(Да уж, пришлось поплавать Михаилу Афанасьевичу по Колыме и Охотскому морю. Что касается В. А. Танаевского, он вскоре после

описываемых событий был выслан из Москвы как «нежелательный элемент» и продолжил работу в Пермском университете. Можно сказать, что ему ещё повезло... Умер он в Перми в 1969 г. на 83-м году жизни.)

Ветераны Кировского пединститута, близко знавшие Елсукова, доценты Василий Александрович Соболев и Иван Минеевич Сметанин, вспоминали, что Михаил Афанасьевич служил примером для всего коллектива. Он был необычайно целеустремленным, деятельным, принципиальным руководителем. Высоко ценил трудолюбивых и умных людей, терпеть не мог бессовестных, разного рода ловкачей, льстецов, подхалимов, приспособленцев и карьеристов. В решении вопросов, касавшихся деятельности института, он всегда исходил из интересов общего дела. К людям всегда подходил без всякой предвзятости и тенденциозности; не считался со своими личными симпатиями и антипатиями, если видел в них честных тружеников, устойчивых и чистых в моральном отношении... Всех ли мог устраивать такой директор? Очевидно, что нет. Не удивительно, что в обстановке сталинского террора, наущничества и всеобщей слежки, царивших в стране, М. А. Елсуков был оклеветан как «враг народа»... [12, с. 40]

По возвращении из Москвы М. А. Елсуков уже через несколько дней был в первый раз вызван в НКВД, а 1 августа был отстранён от работы. 10 августа в институте прошло партийное собрание, на котором Михаила Афанасьевича «прорабатывали» и исключили из рядов ВКП(б). Его, вступившего в партию в самые трудные годы, в годы Гражданской войны в пятнадцать с половиной лет! Его, всегда бравшего на себя самую трудную ношу! «Припомнили» Михаилу Афанасьевичу и... надстройку третьего этажа учебного корпуса; де, «здание не сегодня-завтра обрушится». «Пришлось кстати» и выступление Елсукова на прошедшем за шесть лет до этого (!) институтском собрании-дискуссии, на котором обсуждалась известная статья «Головокружение от успехов». Многие студенты, особенно выходцы из средних слоев крестьянства, выступали честно и открыто. Михаил Афанасьевич, сам человек открытый, горячий и справедливый, поддержал эти выступления, откровенно говорил о перегибах коллективизации, об извращении на местах ленинского плана кооперации... [45, с. 144]

Арестовали М. А. Елсукова в тот же день, 10 августа, в деревне Решетники под Кировом, где семья на лето снимала крестьянский дом под дачу. 11 августа состоялся первый допрос, а 15 августа при-

казом НКП он был отстранён от занимаемой должности уже официально. Временно исполняющим обязанности директора был назначен Иван Григорьевич Автухов, который действительно был человеком временным, в институте работал всего два года (1935–1937), преподавал историю педагогики. 4 ноября 1936 г. он отправил в НКП телеграмму следующего содержания: «Ввиду хозяйничания в пединституте в течение ряда бывшего директора троцкиста Елсукова, а также обнаружившейся недостачи в кассе 500 рублей прошу выслать из Москвы ревизию финансово-хозяйственной части института или разрешить привлечь для этого дела местных работников крайфо. И. о. директора Автухов» [59, с. 40].

Но тогдашнему наркому просвещения, «видному государственному деятелю» Андрею Сергеевичу Бубнову, было не до того. Он сам уже находился под пристальным наблюдением «органов»; дни его были сочтены. Автухов же благополучно пережил период сталинщины. Его статьи появлялись в журнале «Советская педагогика» даже во время войны.

Следствие по обвинению М. А. Елсукова во «вредительской деятельности» продолжалось недолго, всего полтора месяца. «Врагов» было слишком много, чтобы с каждым «подолгу копаться». Уже 28 сентября 1936 г. постановлением особого совещания при НКВД СССР он был осуждён к пребыванию в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет по 58-й, печально известной «политической» статье уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Срок ему дали относительно небольшой, а для «контрреволюционера» и вовсе «детский» по тем временам, поскольку ставить ему в вину было просто нечего. В то время по стране ходил такой грустный анекдот: «Ты за что десять лет получил? – Ни за что. – Неправда. *Ни за что* дают *пять лет*». Вот эти *ни за что* и получил Михаил Афанасьевич.

Длительное время дочь М. А. Елсукова Ираида Михайловна Ананьева пыталась хоть что-то выяснить о судьбе отца. Она рассказывала автору данной монографии, что только 4 января 1990 г. ей была предоставлена возможность ознакомиться с обвинительным заключением по делу отца, в котором было написано: «Следствием установлено, что М. А. Елсуков имел связи с троцкистскими оппозиционерами-двурушниками Домрачевым и Бочаровым, находился в сговоре с троцкистской оппозицией. Обвиняется в хранении и использовании троцкистской литературы» [45, с. 145].

Исходя из теперешнего понимания событий тех лет вовсе не кажется невероятным, что на основании приведённого «обвинения»

можно было засадить человека за решётку. Естественно, М. А. Елсуков не мог не знать уважаемых преподавателей Ефрема Михайловича Бочарова и Василия Матвеевича Домрачева. Было бы странно, если бы они не общались друг с другом, поскольку преподавали один предмет – политэкономию: Бочаров в 1924–1927 гг., Домрачев в 1928–1931 гг. Ко времени ареста М. А. Елсукова они уже давно не работали в институте [30, с. 336–337].

М. А. Елсуков был арестован одним из первых в институте. Те, кого пока (пока!) не тронули, поспешили отмежеваться от опального «шефа». Так, в 1939 г. в Кирове вышла книга под названием «Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина». Ответственный редактор книги – Филипп Селивёрстович Орешков, тогдашний директор института. Интересно перелистать её страницы. В этой книге об уже «разоблачённых» к тому времени «врагах народа» (имелся в виду, прежде всего, М. А. Елсуков) говорилось так: «Разоблачённые ныне враги народа всячески стремились тормозить развитие института, разваливать его работу, дискредитировать педагогический институт как высшее учебное заведение. Они вредили делу подготовки кадров, не выполняя планы набора студентов, принимая в институт людей без должной проверки и подготовки. Они создали разрыв между площадью учебного заведения и жилой площадью для размещения студентов и научных сотрудников и т. д. (Имелись в виду усилия М. А. Елсукова по надстройке третьего этажа учебного корпуса, что позволило открыть дополнительно большое количество кабинетов. То есть в вину ему ставилось то, что он, тем самым, создал чересчур... хорошие условия для учебных занятий. – В. П.) Но ставка врагов бита. Их осиные гнёзда разгромлены. Коллектив института упорно борется за ликвидацию последствий вредительства, повышая революционную бдительность» [59, с. 41].

Примечательно, что в книге не названо *ни одной фамилии* «врагов» Почему? Ну, во-первых, их имена должны были быть «вычеркнуты из памяти народной», а во-вторых, не исключено было, что к моменту выхода книги список «врагов» мог пополниться – попали бы тогда впросак авторы книжки со своим «неполным» списком. По этой же причине не упоминается и о каких-либо успехах и достижениях в работе того или иного преподавателя. Действительно, а вдруг он затаившийся и пока что ещё не разоблачённый враг? Крайне осторожно говорится о коллективе института в целом, даётся перечень факультетов и кафедр, сугубо официально перечисляются фамилии директора, деканов и заведующих кафедрами.

В то же время в книге отмечаются такие успехи, как рост бюджета института, улучшение материальной обеспеченности студентов, строительство общежития и рост научной квалификации преподавателей, то есть как раз то, что и было достигнуто или чему было положено начало под руководством «врага народа» М. А. Елсукова.

В октябре 1936 г. Михаил Афанасьевич был отправлен на Колыму, откуда сообщил семье свой первый адрес: бухта Нагаево, Магадан, почтовое отделение Берелех. Его первое пребывание на Колыме длилось около года. В октябре 1937 г. в связи с новыми арестами сотрудников и студентов института его вернули в Киров на следствие. Находясь в кировской тюрьме, М. А. Елсуков подвергался пыткам и издевательствам. Сослуживец Михаила Афанасьевича Н. Ф. Пережогин вспоминал: «...Открывается дверь, и в камеру вползает М. А. Елсуков. Он так избит, что не может ходить. Мы положили его на нары. На нём была рваная рубаха, вся в крови. От побоев у него сильно болел желудок. Он не мог есть черный хлеб, который нам давали. Он клал куски хлеба на батарею парового отопления, чтобы подсушить их, но охранник с матерной бранью сбрасывал хлеб на пол и топтал его ногами» [59, с. 41].

Нахождение М. А. Елсукова в кировской тюрьме скрывалось от родственников, но о том, что его везут в Киров, он сумел сообщить открыткой с этапа из Новосибирска. Совершенно незнакомая женщина своевременно сообщила жене Елсукова Александре Виссарионовне об этом, и та стала хлопотать о свидании с заключенным мужем. Нелегко ей пришлось в то время. На руках трое детей и семидесятилетняя мать. В январе 1937 г. семью выселили из директорской квартиры и переселили в общежитие рабфака (ул. Урицкого, 36). Положение семьи стало вовсе безвыходным после того, как в «Кировской правде» вышла статья, автор которой В. Плохов вопрошал, до каких пор жена врага народа Елсукова будет работать в музее, да еще и фактически возглавлять историко-революционный отдел? Кто подбирает в музей враждебные нам кадры? Кто даёт этим людям возможность творить свои подлые дела? [29]

О том, какими же «подлыми делами» якобы занималась Александра Виссарионовна, действительно работавшая в музее на скромной должности экскурсовода и принимавшая участие в его оформлении, в заметке ничего не говорилось, за исключением одной фразы: «В отделе, посвящённом революции 1905 г., Елсукова после разных оговорок воспроизводила антисемитские лозунги черносотенцев».

(Действительно, на витрине были помещены соответствующие фотографии черносотенцев с транспарантами, как раз с целью их изобличения.) Досталось от автора заметки и директору музея Ивану Васильевичу Царегородцеву. Ему припомнили к тому же, что он был одним из авторов сборника, посвящённого 30-летию вятской парторганизации, сборника, «изобилующего контрреволюционными формулировками». «Царегородцевым, – писал автор заметки В. Плохов, – парторганизация в свое время занималась. Он объяснял допущенные им в сборнике “ошибки” своей неопытностью, клялся доказать на деле свою преданность партии. На практике работы в музее Царегородцева ясно видна цена его клятв и заверений. Политическим лицом Царегородцева надо заняться всерьёз. Надо оздоровить обстановку в Кировском музее революции, укрепить его большевистскими кадрами» [29].

Разумеется, А. В. Елсукову сразу же уволили с работы, и семья осталась без всяких средств к существованию. Пришлось за бесценок продавать всё, что было нажито за недолгие и в общем-то трудные в материальном отношении годы семейной жизни. Главным средством существования на какое-то время стала продажа книг личной библиотеки Михаила Афанасьевича. Немало сил потратила А. В. Елсукова на то, чтобы устроиться на работу, но двери учебных заведений были для нее закрыты. Не помогло и обращение к заведующему облоно Давиду Михайловичу Марчукову, с которым Елсуковы были хорошо знакомы со студенческих лет. Встретил он Александру Виссарионовну вроде бы приветливо, но, как только в кабинет кто-то вошёл, сразу же переменился в лице и громко заявил: «Не просите! У нас для вас работы нет!» А вскоре и сам Марчуков попал под нож сталинской инквизиции. Правда, ему посчастливилось выжить в лагерных условиях, и он благополучно скончался в Кирове в начале 1960-х гг. [45, с. 148]

«Друзья» и сослуживцы М. А. Елсукова сразу отвернулись; встретив на улице Александру Виссарионовну, они поспешно переходили на другую сторону, вспоминала в своих письмах к автору этой книги Ираида Михайловна, дочь М. А. Елсукова [61, с. 103].

С возвращением М. А. Елсукова в кировскую тюрьму жена стала хлопотать об облегчении его участи. В своих походах по инстанциям она обычно брала с собой для моральной поддержки старшую дочь Лиду, девочку живую и очень хорошенькую. Много лет спустя Лидия Михайловна с гневом вспоминала, как грубили её матери чиновники, к которым она обращалась. Они кричали ей: «Что вы ходи-

те, просите за врага народа?!» И в самом деле, ничего сделать для Михаила Афанасьевича не удалось. Да и что значила судьба директора какого-то провинциального института в то время, когда летели головы известных всей стране людей; когда счёт жертв сталинских репрессий шёл на миллионы; когда «охваченный праведным гневом и возмущением советский народ» «требовал» смертной казни Зиновьеву и Каменеву – «убийцам Кирова, пытавшимся убить любимого Сталина»? Заголовки и содержание статей газет второй половины тридцатых годов повергают в трепет. Казаки Дона требовали расстрела очередных «гнусных убийц», колхозники настаивали на самом суровом приговоре, и даже пионеры слали проклятия врагам народа. «Стальным кольцом окружим нашего любимого вождя!», «Как зеницу ока будем оберегать любимого Сталина!», а посему – «Взбесившихся псов расстрелять всех до одного!». «Воинственные», под стать политическим, названия материалов на вполне мирные темы («Уничтожим амбарного клеща!») смотрелись как продолжение поисков неприятеля повсюду, где только можно. Читателю вдалбливалась мысль о том, что кругом одни враги, которых надо разоблачать... И «разоблачали».

В августе 1936 г. на пленуме горкома ВКП(б) секретарь горкома Грачёв заклеил позором «подлых двурушников, контрреволюционную троцкистско-зиновьевскую сволочь, выброшенную из партии», – бывших членов горкома Елсукова и Гришова, директора кожевенного комбината им. Коминтерна. Спустя несколько дней на Кировской городской конференции ВКП(б) и в сентябре на пленуме крайкома М. А. Елсукова ещё и ещё раз «клеили» и «разоблачали». Тем самым пока что ещё не разоблаченные «враги народа», стоявшие тогда у руководства партийной организацией в Кирове, пытались отвести от себя удар, который обрушился на М. А. Елсукова. Они надеялись на то, что крупная жертва в угоду «красному молоху» в лице Елсукова и некоторых других кировских партийцев уже принесена, а «в одно место снаряд дважды не падает». При этом важно было как можно сильнее раздуть «дело Елсукова»; даже специальный термин придумали – «елсуковщина», по аналогии с троцкизмом и зиновьевщиной.

Кстати, на городской конференции Грачёвым была упомянута книжка «30 славных боевых лет», и при этом она была охарактеризована как фальсификация деятельности Кировского горкома ВКП(б). Н. Карнаушенко в статье «Троцкистская контрабанда в брошюре “30 славных боевых лет” (1903–1933)», опубликованной в Кировской

правде» 10 сентября 1936 г., поясняет, в чем состоял «троцкизм» авторов злополучной книжки, написанной преподавателями пединститута С. Токаревым, Н. Соломиной, Ф. Кармановским и И. Царегородцевым. Главная ошибка авторов, оказывается, состояла в том, что в ней «недостаточно выпукло» была показана роль Сталина во время его известного приезда в Вятку, когда он «спас положение на Восточном фронте, вопреки линии и плану Троцкого». Затем приводится цитата из ленинского письма: «К счастью, Восточная Сибирь, кажется, немного отстала от Вятской губернии в воинственности». Этим самым, пишет автор статьи, Ленин указывал «на жестокие бои марксистов с народниками в Вятской губернии, а авторы сборника находят возможным сказать об этом всего лишь несколькими словами». Отметим, что ко времени Гражданской войны никаких «народников» в России и в помине не было, как, собственно, не было в Вятке и раньше.

Особое возмущение у Н. Карнаушенко вызывает то обстоятельство, что злейшие враги народа – троцкисты, и при этом работники пединститута – не названы поимённо. При этом его не смущает то «незначительное» обстоятельство, что временные рамки сборника охватывают период, когда никаких «врагов народа» ещё не было. Да и сам сборник вышел в свет за несколько лет до их «разоблачения».

Несомненно добавило напряжённости в грозную общественно-педагогическую атмосферу тех лет и пресловутое постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Сыграв определённую положительную роль, – в частности, были устранены некоторые крайности в педологическом обследовании детей – это постановление нанесло непоправимый вред развитию психологии. Целая наука педология, ставившая перед собой задачу объединения в себе данных разных научных отраслей о развитии и формировании ребенка, объявлялась ложной и подлежала запрету. Педагогика и психология оказались под невероятным по своей тяжести идеологическим прессом, и их развитие оказалось сильно заторможено. (Как здесь не вспомнить известное высказывание Адольфа Гитлера, объявившего психологию «еврейской порнографией».) Косвенно это злополучное постановление ударило и по М. А. Елсукову. В пединституте сразу началось избиение педологических кадров, которые «распоясались со своими фашистскими бреднями при попустительстве директора пединститута» [45, с. 149].

Инициативу из центра услужливо подхватывали и проводили в жизнь местные подхалимы. Один из них, Александр Иванович Чеч-

ков, направленный в институт секретарём парткома «для укрепления партийных рядов», обрушился на «буржуазного апологета Танаевского» (Кировская правда от 6 мая 1937 г.), обвинив его – нет, не в научной некомпетентности, конечно! – а в том, что тот разделяет взгляды Кондратьева и Чаянова, выдающихся отечественных ученых, объявленных в те годы «врагами народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Танаевскому, писал Чечков, оказывается, мало Ленина, Маркса и Энгельса; он ещё использует труды Адама Смита, Фридриха Листа, Шарля Дюпэна и других представителей буржуазной науки. Кроме того, Танаевский «скрыл» и такой факт. В 1924 г. в пединституте работал так называемый «кружок ленинизма», в котором воспитывались троцкистско-бандитские кадры, заклятые враги народа Кузнецова, Бочаров, Елсуков, Шустов. Принимал участие в работе кружка и В. А. Танаевский.

О судьбе замечательных педагогов Константина Андреевича Шустова и его жены Фаины Васильевны уже в период горбачёвской «катастрофы» вышел исчерпывающий материал в местной прессе [10]. 27 июня 1937 г. в «Кировской правде» вышла ещё одна статья Чечкова, в которой он обрушился на очередную жертву – преподавателя Максима Антоновича Черешнёва [93].

Всё это время Александра Виссарионовна жила в ожидании собственного ареста. Не спала по ночам, бледнела от визга тормозов каждой проезжавшей под окнами машины, готовила детей к жизни в детдоме: перештопала детскую одежку, сделала опись на внутренней стороне вещевого сундучка; опасалась, как бы детские вещи не попали в чужие руки после её ареста... Только с окончанием следствия по «делу» Михаила Афанасьевича и его повторной отправки на Колыму его жене предоставили возможность работы в сельской глубинке. Летом 1938 г. семья перебралась в село Верхосунье Бельского (ныне Фалёнского) района, где А. В. Елсукова работала учителем географии и истории, а также завучем в местной школе в течение одиннадцати лет. Все силы она отдавала тому, чтобы поставить детей на ноги; всем троим дала высшее образование. Сама она училась на одном курсе с Михаилом Афанасьевичем. Прошла полный курс обучения, но из-за рождения детей не успела сдать государственные экзамены, а потом об этом уже не могло идти и речи. Скончалась Александра Виссарионовна Елсукова (урожденная Шишкина) в 1970 г. [59, с. 42]

Вслед за Александрой Виссарионовной туда же, в Бельский район, отправилась после окончания географического факультета КГПИ сестра Михаила Афанасьевича Татьяна. В Фалёнской средней школе

она работала один год, затем переехала в родной для семьи Елсуковых Верхошижемский район. Там три года работала в Среднеивкинской средней школе, один год в роно инспектором, а затем с 1944 г. и до выхода на пенсию в 1971 г. Т. А. Головина (урожд. Елсукова) работала учителем географии в Верхошижемской средней школе. За добросовестный труд была награждена медалью «За трудовую доблесть» и знаком «Отличник народного просвещения РСФСР». Последние годы жизни она проживала в поселке Суводи Оричевского района вместе с сестрой Анастасией. Там и скончалась в мае 1991 г. [60, с. 61]

Другая сестра М. А. Елсукова Анастасия Афанасьевна свою педагогическую работу начала сразу же по окончании Верхошижемской средней школы в 1939 г. О поступлении в педагогический институт сестре «врага народа» нечего было и думать. После прохождения 2-месячных учительских курсов её направили в Среднеивкинскую школу учителем математики. В апреле 1942 г. она ушла добровольцем на фронт. Воевала в составе 2-й зенитно-прожекторной дивизии особой московской дивизии, в составе которой находилась до конца войны. Она окончила экстерном Советское педучилище (1948), Кировский учительский институт (1954) и, наконец, Кировский государственный педагогический институт (1958). Из тридцати одного года учительского стажа последние 23 года работала в средней школе поселка Техникум Оричевского района, причём 7 лет была завучем и 9 лет директором. Награждена орденом Отечественной войны II степени и семью медалями, была удостоена звания «Заслуженный учитель школы РСФСР». Персональный пенсионер республиканского значения [61, с. 104].

И ещё одна сестра Михаила Афанасьевича связала свою жизнь со школой. По окончании Советского педучилища в 1932 г. М. А. Коржавина (Елсукова) работала в Дубровской, Ярковской, Чашинской начальных школах Верхошижемского района. В 1951–1972 гг. заведовала Дымковской школой. И награды у неё, как у сестер, – медали, грамоты. В последние годы жизни Мария Афанасьевна проживала в поселке Верхошижемье [60, с. 104].

...Только из письма, датированного 12 мая 1938 г. и присланного, вероятно, нелегально с этапа, семье удалось узнать дальнейшие подробности судьбы М. А. Елсукова. Он писал жене: «Дорогая Шура! Счастлив тем, что наконец могу написать тебе несколько строк. Моё дело с дополнительным следствием закончено, и я снова еду в лагерь

отбывать свой старый срок. После приезда на место напишу подробно тебе обо всех своих делах и мыслях. Милая Шура! Хотя я и не уверен, что ты получишь мое письмо, а я успею получить ответ, все же прошу коротенько написать о себе и ребятах. Как я о вас скучаю...» [59, с. 43]

Больше в 1938 г. писем не было, а в 1939 г. было всего одно письмо, в котором М. А. Елсуков сообщал, что работать ему приходится на прииске «Ударник», на земляных работах. М. А. Елсуков, конечно, не мог знать о трагедии в родительской семье. Его брат Сергей (1920 г. рождения), которого неоднократно вызывали в «органы», поспешил уехать из родных мест с женой и семимесячным сыном в Новосибирскую область и умер там летом 1938 г. от брюшного тифа. От горя вскоре слегла и скончалась мать. Не перенёс обрушившихся на него несчастий и его отец Афанасий Семенович, потомственный российский крестьянин-труженик; скончался в декабре 1943 г. в возрасте всего 61 года. А была у него, между прочим, интересная судьба. Он был участником Русско-японской войны, награждён медалью «За оборону Порт-Артура». В колхозе был бригадиром. Всем своим детям дал образование. Знал многие ремёсла, был передовым для своего времени сельским хозяином. С начала войны он получил похоронки на зятьёв, проводил на фронт двух дочерей и сына. Трагической оказалась и судьба младшего брата М. А. Елсукова Сергея, который был моложе Михаила на 20 лет. Дважды горел в танке, дважды был тяжело ранен, имел боевые награды, но вернулся домой живой и невредимый. Смерть настигла его в карельских лесах, когда ему не было ещё и тридцати. Его убили браконьеры, с которыми он, лесничий, вел непримиримую борьбу [45, с. 152].

...В 1940 г. от Михаила Афанасьевича было шесть писем. В письме, датированном 20 июня, он писал: «Здоровье моё весьма удовлетворительное. За время пребывания на Колыме я ни разу не болел, а после тюремного истощения (в тюрьме потерял в весе 26 килограммов) я быстро поправился...» М. А. Елсуков жил верой в скорое освобождение. Но в 1941 г. писем от него уже не было. Первое, что сказала мать, узнав о начавшейся войне, было: «Значит, Михаил не вернется. Больше мы его не увидим». Так оно и вышло. Согласно свидетельству о смерти, выданному родственникам загсом Молотовского района г. Кирова 22 июля 1957 г., М. А. Елсуков скончался 11 июня (согласно данным уголовного дела – 14 июня) 1941 г. от «паралича сердца».

Если верить этим документам, он не дожил до своего освобождения двух месяцев. Скорее всего, однако, он, как и многие другие светлые головы, был намеренно расстрелян в самом начале войны, а данные о его смерти были «взяты с потолка». Прошёл было слух, что Елсуков погиб, возвращаясь домой: пароход с уже освободившимися людьми якобы затонул на одной из сибирских рек. Эта версия никак не подтверждается документально. Подобного рода байки были распространены в те годы: люди никак не хотели верить ужасной правде о сталинском ГУЛАГе и были готовы придумывать хоть какие-то «смягчающие обстоятельства»: то машина с заключёнными перевернулась, то поезд с рельс сошел. В общем, никто не виноват, «так вышло».

Коллеги М. А. Елсукова, люди, близко знавшие его, с теплотой вспоминали этого человека. (Правда, эти воспоминания относятся к периоду 1980-х гг.) Историк Анастасия Андреевна Папырина рассказывала: «Была карточная система распределения продуктов, жили бедно. Рынок был на месте нынешнего парка имени Ю. А. Гагарина, и оттуда к нам привозили дрова. Хотя и дорого это было, но Елсуков никогда не брал для себя из институтского запаса». Преподаватель политэкономии и председатель студенческого профкома в конце 1920 – начале 1930-х гг. Вадим Николаевич Никологорский вспоминал в разговоре с автором монографии: «С Елсуковыми жили на одной площадке. Прекрасный был человек. Первым из администрации начал заботиться о ремонте и строительстве...»

У Михаила Афанасьевича остались трое детей: 11-летний сын Виктор и две дочери семи и девяти лет, Ираида и Лида. Все дети унаследовали профессию родителей, стали педагогами. В. М. Елсуков (1925–1984) участвовал в Великой Отечественной войне. В 1957 г. заочно окончил физмат КГПИ, одновременно работая в Верхосунской школе. Длительное время жил в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Работал там учителем, завучем, директором школы. С мая 1970 г. и до своей кончины возглавлял гороно. Был награждён многими орденами и медалями.

Л. М. Климина (Елсукова) с 1948 г. жила в Ленинграде. Окончила здесь пединститут, с 1954 г. работала в Ленинградском политехническом институте, несколько лет преподавала русский язык в Лейпцигском университете. Её муж Михаил Васильевич – профессор политэкономии. И. М. Ананьева (Елсукова) в 1949–1953 гг. училась на географическом факультете КГПИ. Хотя со времени ареста отца тогда прошло уже немало времени, эпоха сталинщины всё еще продолжалась. «Мы всё про тебя знаем. Твой отец – враг народа, преда-

тель, троцкист. И ты, Елсукова, со своим происхождением лучше бы помалкивала. Нам всё известно про вашу вражескую семью», – кричали в лицо Ире её однокурсники. А было это уже весной 1953-го. Вступался за Иру один только сокурсник Иван Кодолов, инвалид-фронтовик.

Не удивительно, что при распределении Ираида не осталась в Кировской области, где ей все напоминало о гибели отца, где даже спустя многие годы ей ставили в вину его мнимые преступления. В 1953–1984 гг. она жила в одном городе с братом, работала в школе и местном педучилище. Затем семьёй переехали на родину мужа в Ростовскую область, в город Шахты. Преподавательскую династию семьи продолжает сын Игорь, кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского технического университета [61, с. 61].

18 октября 1956 г. президиум Кировского областного суда пересмотрел дело по обвинению М. А. Елсукова. Постановление особого совещания при НКВД СССР от 28.09.1936 г. в отношении Михаила Афанасьевича было отменено.

В экспозиции зала истории Кировского государственного педагогического института, оформленного к 75-летию вуза в 1989 г., а в начале 2000-х гг. демонтированного, М. А. Елсукову был посвящён стенд. Рядом были расположены две фотографии.

На одной Михаил Елсуков – молодой красивый двадцатилетний красноармеец; на другой, сделанной фотографом НКВД уже в период заключения, вид у него расстроенный, растерянный, в глазах застыл немой вопрос: «За что?» Да как раз за то, что был самым лучшим, чистым, смелым!

XV. ПЕРВЫЙ ДОКТОР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК «НА ВЯТКЕ» (П. Н. ШИМБИРЁВ)

Имя Павла Николаевича Шимбирёва хорошо известно на Вятской земле. Как-никак это был первый доктор педагогических наук, работавший в КГПИ. К тому же П. Н. Шимбирёв был, несомненно, самым крупным учёным, когда-либо работавшим в институте. Поэтому его неизменно включают в разного рода юбилейные списки [48]. Статьи автора этой монографии о Павле Николаевиче размещены в «Энциклопедии Земли Вятской», в «Российской педагогической энциклопедии», в «Российском педагогическом энциклопедическом словаре» [73, с. 424], в ряде сборников [75, с. 133–145]. Однако конкретных фактологических данных о нём сохранилось крайне мало.

Автору монографии пришлось еще в 1980-е гг. опросить значительное количество тогда ещё здравствовавших ветеранов педагогического труда – кировчан, а также коллег П. Н. Шимбирёва по работе в столице (Б. З. Вульфов, В. А. Сластёнин, О. С. Богданова, Б. Е. Ширвиндт) с тем, чтобы узнать как можно больше об этом замечательном человеке. Кропотливый поиск позволил восстановить в общих чертах биографию этого крупного ученого и деятеля высшего педагогического образования. П. Н. Шимбирёв родился 29 июня (11 июля) 1883 г. в деревне Пушкино Бронницкого уезда Московской губернии в рабочей семье. Отец его умер в 1889 г. В апреле 1896 г. Павел устроился в Москве «мальчиком» в кустарную мастерскую, занимавшуюся изготовлением деревянной посуды. В 1900–1901 гг. он служил почтальоном в Мытищинской почтово-телеграфной конторе.

В 1901 г. Павел поступил в учительскую семинарию в селе Поливаново Подольского уезда Московской губернии. Учёба в этом среднем педагогическом учебном заведении определила его дальнейший жизненный путь. Семинария, основанная в 1874 г., была известна на всю Россию и зарекомендовала себя как учреждение, выпускавшее хорошо подготовленных, любящих свое дело классных наставников и учителей начальных классов. Она имела хорошо оборудованный читальный зал, библиотеку, столярную и переплетную мастерские, а также подсобное хозяйство, где работали учащиеся, приобретая трудовые навыки и вторую, рабочую специальность. В числе преподавателей семинарии были люди, которые принесли ей славу едва ли не лучшего учебного заведения в России подобного типа, – это В. К. Беллюстин (1865–1925) и П. О. Афанасьев (1874–1944). Они стали главными наставниками Шимбирёва [76, с. 10].

Всеволод Константинович Беллюстин – директор семинарии в 1903–1912 гг., известный в России методист в области математики – стремился строить методы и приемы обучения арифметике на психологической основе. Он был автором популярных среди учителей методических учебных пособий, таких как «Методика арифметики», части 1–4 (М., 1899–1905), «Арифметические задачки для 1–4 годов обучения» (М., 1899–1905). По этим книгам занимались учителя по всей России. Позднее, уже посмертно, вышла его занимательная книга «Как постепенно дошли люди до настоящей математики» (М., 1940) [75, с. 134].

Выпускник Московской духовной академии Петр Онисимович Афанасьев начинал свою педагогическую деятельность учителем в сельской школе, затем стал работать в Поливановской семинарии.

Впоследствии доктор педагогических наук, профессор П. О. Афанасьев работал в педвузах и научно-исследовательских учреждениях Москвы. Им разрабатывались вопросы методики преподавания русского языка [59, с. 44].

Любопытно также то, что будущий доктор наук, профессор, член-корреспондент АПН РСФСР П. Н. Шимбирёв формально не имел никакого другого образования помимо того, что получил в семинарии. Впрочем, он не был исключением в этом отношении. Некоторые другие видные ученые первого советского поколения, а также доктора наук и профессора, такие, например, как И. Т. Огородников и М. Н. Скаткин, тоже не имели высшего образования. Таковы были парадоксы той эпохи!

По окончании семинарии в 1904 г. Шимбирёв работал учителем земской школы в родном Бронницком уезде по ноябрь 1911 г. Он рано приобщился к революционно-демократической деятельности. В 1902 г. даже подвергся аресту на полтора месяца за хранение нелегальной литературы и находился под гласным надзором полиции. В 1906 г. последовал новый арест, и снова на полтора месяца. Основанием послужило подозрение в его принадлежности к РСДРП(б). Действительно, он состоял в Бронницкой организации партии большевиков в 1906–1908 гг., участвовал в её деятельности в качестве пропагандиста-агитатора, но после провала организации потерял с ней связь [76, с. 11].

Империалистическую войну П. Н. Шимбирёв провёл на фронте, что называется «от звонка до звонка»: с августа 1914 г. по февраль 1918 г. Возраст у него уже был не призывной. Поэтому и служил он в должности писаря 46-го обозного батальона, имел звание «чиновник военного времени». Некоторое время до и после войны работал страховым агентом [59, с. 44].

С февраля 1921 г. П. Н. Шимбирёв возвратился к педагогической деятельности: несколько месяцев он работал инструктором Московского губернского союза работников просвещения, а затем заведующим отделом социального воспитания Московского городского отдела народного образования. В 1923–1928 гг. он заведует Московским педагогическим техникумом имени Профинтерна. В 1928–1930 гг. руководит в Мосгороно отделом профессионального образования [48].

В 1931–1936 гг. П. Н. Шимбирёв – заместитель директора НИИ планирования и организации народного образования при НКП РСФСР. Одновременно в эти же годы (1931–1933 гг.) он учится в ас-

пирантуре этого же самого НИИ. Затем утверждается в должности профессора и заведует кафедрой педагогики в Московском пединституте имени А. С. Бубнова (1934–1936). Кроме этого в 1933–1936 гг. он работает в должности профессора Центрального института педагогики, в Коммунистическом университете преподавателей общественных наук, в Московском областном пединституте, в Московском институте философии, литературы и искусства, совмещая работу сразу в нескольких учебных заведениях. Целый год (1930–1931) длится его командировка в Саратове, где он исполняет обязанности заместителя заведующего Нижне-Волжским краевым отделом народного образования [76, с. 11].

Наконец, последовала новая командировка – в Киров. Приказ по НКП № 947 от 17 октября 1936 г. гласил: «Директором и зав. кафедрой педагогики Кировского госпединститута назначить профессора Шимбирёва Павла Николаевича... И. о. наркома просвещения Крупская» [75, с. 135–136].

Ушла в прошлое демократическая традиция выборов ректоров. С 1.03.1930 г. и вплоть до начала 1960-х гг. должность руководителя вуза стала называться «директор» и перестала быть выборной. Теперь директоров стали присылать в командировку. П. Н. Шимбирёв стал директором КГПИ в смутное время. Начиналась волна репрессий. Все ректоры (директора) этого вуза сталинского периода (П. Н. Соколов, А. И. Заручевский, С. И. Завыленков, Н. А. Дернов, М. А. Елсуков) были репрессированы, причём последние трое расстреляны или погибли в сталинских лагерях. В годы сталинщины были незаконно арестованы и безвинно понесли суровые наказания вплоть до расстрела, по данным автора монографии, более ста преподавателей и стентов-очников этого небольшого института. «Праведное негодование» в отношении первых «врагов народа» вскоре сменилось у большинства сотрудников Кировского пединститута чувством страха, стремлением «лечь на дно» и тихо переждать тревожные годы. Можно представить, как непросто было известному московскому учёному в уже немолодом возрасте отрываться от семьи и любимой работы и ехать в длительную командировку в провинциальный город, название которого у него, наверно, ассоциировалось прежде всего с именами Герцена и Салтыкова-Щедрина, отбывавшими в Вятке ссылку [76, с. 11].

«Человек со стороны» был призван восстановить спокойствие в институте; устранить, как вспоминал он сам, элементы смятения, имевшие место в связи с арестом предыдущего директора М. А. Ел-

сукова. 4 декабря 1936 г. Шимбирёв приступил к работе в КГПИ. На следующий год приехала и его жена Екатерина Николаевна, которая также работала на кафедре педагогики в должности и. о. доцента. Студенты тех лет запомнили её как энергичную, деятельную женщину, доброго и умного наставника молодежи [75, с. 136].

П. Н. Шимбирёв остался в памяти сослуживцев как очень скромный, гуманный и добросердечный человек. Он приложил много усилий к тому, чтобы было построено большое общежитие для студентов по улице Свободы, 122. Здание было построено так добротно, что потребовало серьёзного ремонта лишь через полвека и то, главным образом, в связи с перепрофилированием его под нужды учебного процесса. Теперь это учебный корпус № 16 Вятского государственного университета. Более всего директор опасался того, что ему вместо благодарности за его усилия по строительству предъявят обвинения во вредительстве, ведь стройматериалы, израсходованные на строительство общежития, могли бы пойти на «более важную» стройку, например, на строительство квартир для рабочих или памятника товарищу Сталину! Предшественнику Шимбирёва в должности директора М. А. Елсукову, осуществившему надстройку третьего этажа учебного корпуса, в вину было поставлено недостаточно высокое качество строительства. Однако, как показали истекшие с тех пор десятилетия, работы были проведены на очень высоком уровне и ремонт потребовался лишь спустя семьдесят лет!

Авторитет П. Н. Шимбирёва в коллективе института был очень высок, что объяснялось, прежде всего, тем, что в ту пору он был действительно одним из видных специалистов в области педагогики. Ему одному из первых в стране, причём без защиты диссертации, была присвоена в 1938 г. тогда только что введённая учёная степень доктора педагогических наук. (К этому решению имел отношения учёный совет КГПИ, принявший на своем заседании 21.12.1937 г. решение ходатайствовать перед квалификационной комиссией НКП о присуждении Шимбирёву ученой степени доктора педагогических наук [76, с. 12].)

(Примечательно, что следующий доктор педагогических наук, физик-методист Вячеслав Всеволодович Мултановский, в КГПИ появился лишь в 1981 г., а второй – после Шимбирёва – доктор педагогических наук по общей педагогике Василий Федорович Сахаров – в 1985 г., то есть спустя 47 лет!)

Ещё раньше, в 1935 г. П. Н. Шимбирёву было присвоено учёное звание профессора. Позднее, в 1955 г., он стал членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР [73, с. 424].

Все знавшие П. Н. Шимбирёва отмечали его необычайную строгость, суровость и принципиальность в научных вопросах. Нередко на заседаниях диссертационных советов он один прямо и открыто выступал против присуждения учёной степени тому или иному соискателю. Выпускник Вятского пединститута 1926 г., впоследствии академик Эле Исаевич Монозон вспоминал в разговоре с автором этой книги, что П. Н. Шимбирёв отличался большой прямоотой, резкой категоричностью в суждениях, кстати, всегда оригинальных. Проявлял он высокую требовательность к сотрудникам студентам и аспирантам. Доктор педагогических наук, профессор Вятского государственного гуманитарного университета В. Ф. Сахаров (1920–2010) вспоминал, как в 1951 г., будучи аспирантом, он сдавал кандидатский экзамен П. Н. Шимбирёву. Сам-то Сахаров получил отличную отметку, а вот отвечавший перед ним фронтовик-инвалид удостоился «неуда» – в ответе он не назвал какую-то существенную книгу по теме экзаменационного билета.

О строгости П. Н. Шимбирёва автору монографии известно и со слов нашего научного консультанта по докторской диссертации, действительного члена Российской академии образования Захара Ильича Равкина, который в начале 1950-х гг. был аспирантом Павла Николаевича. Именно Шимбирёв привил своему тогдашнему аспиранту влюблённость в педагогику и её историю, способствовал формированию таких неотъемлемых для учёного качеств, как трудолюбие, научная добросовестность, гуманность и порядочность.

В соответствии с существующей в среде аспирантов и докторантов шутливой традицией автор данной монографии с полным основанием может считать себя научным «внуком» П. Н. Шимбирёва.

Известный кировский краевед, заслуженный учитель школы РСФСР, а в 1930-е гг. студент КГПИ Виктор Алексеевич Шарыгин вспоминал с улыбкой: «После того как Шимбирёв поставил мне на экзамене по педагогике высший балл, ни у кого из преподавателей рука не поднималась в дальнейшем ставить мне более низкую отметку. Так и окончил институт круглым отличником» [59, с. 45].

Академик Э. И. Монозон отмечал в беседе с автором монографии, что особенностью стиля научной работы П. Н. Шимбирёва была глубокая связь со школьной практикой, стремление к изучению и обобщению педагогического опыта в целях совершенствования педагогической теории и учебно-воспитательной практики.

П. Н. Шимбирёв был автором первого в СССР учебника по педагогике для педагогических техникумов (1934). Он занимался со-

ставлением программ для пединститутов, разрабатывал проблемы истории и теории педагогического образования, дидактики, методики нравственного воспитания, а также истории педагогики [76, с. 13].

О характере научных интересов Е. Н. Шимбирёвой говорят названия её работ, вышедших в издательстве «Учпедгиз» в 1950-х гг., например «Воспитание навыков и привычек культурного поведения учащихся начальной школы» и др. [75, с. 138].

П. Н. Шимбирёв, бывший учитель, хорошо знал жизнь школы и читал свои лекции доходчиво, аргументируя теоретические положения фактами и материалами из школьной практики. В годы «кировской командировки» он усиленно работал над учебником по педагогике для педагогических училищ. Этот учебник вышел в 1940 г. В отличие от принятой в то время структуры курса в этом учебном пособии освещение основ воспитания предшествовало изложению основ дидактики. Тем самым им выдвигалась и была реализована идея приоритета процесса воспитания по отношению к процессу обучения. В разделе, освещавшем вопросы воспитания, подробно раскрывались цель и содержание воспитательного процесса, его особенности на различных возрастных этапах; подчеркивалось единство общего и политехнического образования и намечались пути их осуществления в начальной школе. Подробно анализировал автор учебника задачи воспитания детей в дошкольный период их жизни, глубоко раскрывал проблемы дидактики начального обучения и их возрастную специфику. Обстоятельно были освещены вопросы школоведения, а именно проблемы управления народным образованием и руководство школой, функции и задачи работы директора школы и его заместителей, педагогические требования к школьным знаниям, мебели и учебному оборудованию.

Сама постановка вопросов школоведения носила для того времени новаторский характер, по существу, ставилась впервые в педагогике. И всё-таки наиболее существенной частью учебника был раздел дидактики. Учитель, прочитавший учебник, получал конкретное и полное представление о структуре урока как основной форме учебной работы, о методах и приемах обучения в начальной школе; в книге была показана возрастная специфика их использования.

Особую актуальность учебнику Шимбирёва придавало то обстоятельство, что в 1930-е гг. были приняты постановления ЦК ВКП(б), в частности постановление «О начальной и средней школе» от 5.09.1931 г., нацелившие педагогов на исправление допущенных

по вине руководителей НКП ошибок, связанных с использованием таких методов обучения, как Дальтон-план, лабораторно-бригадный метод и учебные комплексы, некритически заимствованных из буржуазной педагогики. Отказавшись от этих методов, надо было что-то предложить учителю взамен.

В учебнике П. Н. Шимбирёва и давалось подробное изложение «новых старых» методов, таких как систематическое изложение учебного материала, беседа, лабораторные занятия, работа учащихся с книгой, письменные и графические работы учащихся, экскурсия, проверка знаний и оценка успеваемости школьников и др.

То, что сейчас представляется любому учителю само собой разумеющимся, П. Н. Шимбирёву приходилось отстаивать в борьбе мнений, где аргументом подчас служили не научная доказательность, не логика или конкретные результаты практической деятельности, а доносы, клевета и письма в «соответствующие инстанции». Умом понимаешь тот факт, что сталинский режим развращал людей; делал их доносчиками, лгунами и предателями. Но сердцем это начинаешь чувствовать лишь тогда, когда знакомишься с конкретными судьбами людей. Бесстрастные, пыльные газетные подшивки доносят до нас сквозь десятилетия живое, а подчас и смрадное дыхание давно ушедшей, но по-прежнему будоражащей эпохи. Для того чтобы читатель мог представить, какой была общественная атмосфера в те годы, какого рода материалами заполнялись страницы кировской прессы, наконец, с какими людьми приходилось работать Шимбирёву, воспроизведём статью секретаря парткома КГПИ Александра Ивановича Чечкова, опубликованную в «Кировской правде» [93].

Вот что писал А. И. Чечков: «После разоблачения бывшего директора Кировского пединститута троцкиста Елсукова преподаватель педагогики того же института, член партии Черешнёв развил большую активность. Он начал строчить статьи и заявления, “изобличающие” уже разоблаченного Елсукова в троцкизме. Свои статьи Черешнёв пытался пристроить в стенгазету института, в “Кировскую правду”. Так как в этих статьях сообщались только факты, уже давно известные партийным органам и общественности, то редакции их не печатали. Черешнёв выражал возмущение, негодовал, вопил, что его сигналы зажимаются, требовал расписки в том, что его статьи, “разоблачающие” Елсукова, находятся в портфеле редакции.

“Активность” Черешнёва, направленная на “разоблачение” уже разоблаченных врагов, показалась подозрительной. И действительно,

дальнейшие события показали, что эта “активность” была средством маскировки ловкого, изворотливого, наглого двурушника.

3 июня на собрании студентов и научных работников института в прениях по докладу о вредительстве в педагогике (?! – В. П.) Черешнёв выступил с большой речью. Он громил всех и вся, обвиняя всю партийную организацию института в попустительстве врагам. В ораторском пылу Черешнёв ненароком проговорился о каких-то своих колебаниях в прошлом. Тут же спохватившись, он попытался сделать вид, что ничего не было сказано. Но было уже поздно. Парторганизация еще больше насторожилась и потребовала объяснений. Тут запутавшийся мерзавец выкинул новый трюк: “заболел”, представился, что объяснение написать не в состоянии. Парторганизация начала распутывать клубок.

Выяснилось, что в 1923–1924 гг., когда Черешнёв учился в Центральном институте организаторов народного образования в Москве, он стоял целиком на троцкистских позициях. По партийным документам числился рабочим, а на деле двенадцать лет был монахом Троице-Сергиевой лавры; окончил духовную семинарию, во время империалистической войны получил чин штабс-капитана и орден Станислава. Во время работы в пединституте Черешнёв вредил, как только мог. Делая доклад о VII съезде Советов, он допустил троцкистские выпады против нашей страны. Цитировал произведения обер-бандита Троцкого. Протаскивал в работе осужденный партией бригадно-лабораторный метод. Заводил склоку, ввел термин “елсуковщина”, клеветал на партийных руководителей.

Дело Черешнёва (уже “дело”! – В. П.) показывает еще раз, как ловко маскируются заклятые враги нашей партии – троцкистские и правые японо-немецкие шпионы и вредители. Для маскировки они используют все методы и средства. Надевают личину “активистов”, произносят громовые речи о бдительности, требуют самой суровой кары для своих же пойманных сподвижников, чтобы самим остаться в тени, сохранить кадры контрреволюционного подполья. Чтобы замести свои преступные следы, они обвиняют честных коммунистов в попустительству врагу. На примере тактики гада Черешнёва видно, до каких пределов довела “искусство” двурушничества троцкистская банда» [93].

Едва ли стоит что-то добавлять к процитированному. Несколько слов о вполне порядочном человеке Максиме Антоновиче Черешнёве. Родился он в 1886 г. в Рязанской губернии, в Гражданскую войну

сражался на стороне Красной армии, был даже сотрудником ЧК. Далее – на педагогической работе. Биография, по тем временам, обычная [75, с. 141].

Любопытна ссылка Чечкова на так называемый бригадно-лабораторный метод, «осуждённый партией». «Протаскивание» этого метода ставится им Черешнёву в вину. А ведь в 1920-е гг. он насильственно вводился в учебных заведениях, от школ до институтов. Те же, кто отказывался его протас... проводить в жизнь, подвергались репрессиям. А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» пишет, что в лагерях был целый *ручеек* педагогов, которым в вину ставилось только одно, а именно отказ работать, используя этот и подобные ему методы. Спустя несколько лет те, кто всё-таки как-то приспособился к этим методам, опять-таки подверглись гонениям – теперь уже за их использование [75, с. 141].

Ещё один конкретный эпизод, характеризующий атмосферу в тогдашней преподавательской среде. Директор П. Н. Шимбирёв стремился привлечь к работе в институте, хотя бы на короткий срок, видных учёных «со стороны», прежде всего, разумеется, столичных.

В частности, его внимание привлёк доктор наук, профессор Михаил Михайлович Кудрявцев (1884 г. рождения), выпускник Московского университета (1905–1910), поработавший в ряде вузов Москвы и в Саратовском университете. Он стажировался в Германии, Швейцарии и Италии, в досоветское время, разумеется. Отзывы специалистов о нём были самые восторженные. В своих письмах к М. М. Кудрявцеву Шимбирёв в самых льстивых выражениях приглашал его в Киров, и наконец маститый московский учёный дал своё согласие поработать в периферийном вузе [75, с. 143].

Однако пробыл он в Кирове совсем недолго: всего лишь с 7 июля по 13 декабря 1937 г. он занимал должность и. о. декана естественно-географического факультета и заведующим кафедрой географии. Его приезд нарушил карьерные планы другого преподавателя, причём именно того, кто на протяжении ряда лет был главным «информатором» в КГПИ и, кстати, прожил без малого 90 лет. Шимбирёву быстро дали понять *что к чему*. В итоге М. М. Кудрявцев получил на руки справку за подписью директора от 16 декабря 1937 г., в которой отмечалось, что он, Кудрявцев, уволен «в связи с низким научным уровнем его лекций и политическими ошибками в преподавании...» [75, 143].

1920 – начало 1930-х гг. были временем методических исканий в педагогике. Прежняя система образования была отринута. В поисках

новых идей в обучении педагоги обратились к творчеству западных, прежде всего американских, учёных, таких как Джон Дьюи, Элен Дьюи, Элен Паркхерст. Некритическое усвоение их методов нанесло большой ущерб качеству образования в школах и вузах. Так, например, согласно Дальтон-плану учебное время студентов делилось на три части: лекции, занятия в группах с преподавателем в роли консультанта и дни самостоятельной работы. В «теории» всё вроде бы выглядело неплохо, но на практике ничего не выходило. Возможностей для организации полноценной самостоятельной работы не было: не хватало книг и учебников, аудиторий и оборудования. Многие студенты тратили эти дни на поиски дополнительного заработка. К тому же далеко не каждый обладал навыками самостоятельной работы. Такой подход к обучению сильно снижал качество подготовки будущих учителей. В ходе использования бригадно-лабораторного метода учебные задания давались не каждому в отдельности, а целой бригаде, состоявшей из четырех-шести человек. После выполнения задания один из членов бригады, самый бойкий и знающий, отчитывался, а остальные согласно кивали головами. Получалось нечто вроде игры «Что? Где? Когда?». Конечно, при таком методе, точнее при такой его «интерпретации», можно было не утруждать себя работой [75, с. 141–142].

Заместитель директора по учебной работе КГПИ В. М. Дьяконов вспоминал: «Индивидуальная работа студентов растворилась в работе бригады; известная часть студенчества весь процесс учебы ограничивала бригадной проработкой вопросов, большей частью в форме беседы между собой членов бригады. При этом основная тяжесть работы выпадала на наиболее сильных по подготовленности студентов; слабые студенты, иногда не проработав самостоятельно учебного материала по книге, усваивали предмет со слов бригадира или сильных студентов в процессе так называемой бригадной проработки. Вместе с тем наличие сильных и слабых студентов в одной бригаде приводило к замедлению хода работы сильных студентов» [59, с. 46].

А вот как обычно проходили зачёты. Знания студентов оценивались не преподавателями, а самими студентами путём... голосования. Председатель из студентов вопрошал: «Голосуем! Кто за то, что Иванов материал знает?» – «Знает, знает, конечно, знает!» – хором отвечали студенты. Преподаватель при сем лишь присутствовал. Как правило, подобная «сессия» заканчивалась очень успешно. Правда, это «новгородское вече» продержалось недолго и к началу 1930-х гг. было отменено. Ввели студенческие зачетные книжки и экзаменационные ведомости, была организована сдача экзаменов по триместрам.

В 1937 г. Шимбирёв часто бывал в Москве, решая финансово-материальные, кадровые и научные вопросы. Начальник управления высшей школы НКП РСФСР Мария Платоновна Орахелашвили в этот период постоянно приглашала его для участия в работе научных конференций по педагогике. Однако уже в декабре того же года документы на имя П. Н. Шимбирёва шли в Киров за подписью «и. о. начальника управления высшей школы Александрова», а затем за подписью Двухшёрстова. Сама Орахелашвили и её муж Мамия (Иван) Дмитриевич Орахелашвили, известный государственный и политический деятель того времени, занимавший должность секретаря Президиума ЦИК СССР, а ранее работавший председателем СНК Закавказской ССР, 10 августа 1937 г. были приговорены к расстрелу. Трагическая судьба М. П. Орахелашвили приоткрывает завесу тайны над тем, почему всё-таки Шимбирёв оказался в Кирове. После постановлений ЦК ВКП(б) о школе и о запрете педологии, научного течения, которое прежде усиленно насаждалось, положение ряда известных ученых – педологов, психологов и педагогов – стало крайне неопределённым и даже опасным. Некоторые предпочитали уехать в провинцию и там переждать лихое время. Таким путем Орахелашвили пыталась, увы, безуспешно, спасти знаменитого профессора Марию Васильевну Крупенину, направив её в Томский университет. В случае с Шимбирёвым всё обошлось для него благополучно: крупная жертва в Кирове – М. А. Елсуков – была принесена ранее [76, с. 14].

Приказом наркома П. А. Тюркина от 16.03.1938 г. № 438 П. Н. Шимбирёв был освобождён от обязанностей директора. На его место был назначен следующий командированный, тоже преподаватель педагогики Филипп Селивёрстович Орешков [75, с. 144].

Последующие годы жизни П. Н. Шимбирёва были очень плодотворными. Приказом по НКП от 29 июля 1941 г. он был назначен директором Барнаульского педагогического института. И снова, как это было в случае с кировской командировкой, он приехал на место ранее репрессированного директора Андрея Петровича Юферова; был арестован и зам. директора Федосей Сидорович Козырь [75, с. 144]. По другим данным, он работал директором в период с 20.08.1941 г. по 14.10.1943 г. По сравнению с КГПИ барнаульский вуз имел ещё более короткую историю. Барнаульский учительский институт был учреждён лишь 1 сентября 1933 г., а преобразован в пединститут в 1941 г. Здесь супруги Шимбирёвы и их дочь Ирина, преподаватель биологии, работали в течение двух лет. Вместе с ними в этот тыловой город бы-

ли переведены многие известные специалисты. Например, филолог Геннадий Николаевич Пospelов, ранее работавший в Московском институте философии, истории и литературы имени Н. Г. Чернышевского. Из Калининского пединститута приехали филологи Владимир Владимирович и Мария Леонидовна Вансловы. В. В. Ванслов стал заместителем директора института. Их сын Виктор родился в Вятке в 1923 г., ныне он крупнейший российский учёный-культуролог. На плечи П. Н. Шимбирёва легла вся тяжесть эвакуации института из Барнаула в г. Камень-на-Оби, и, несмотря на острое финансовое положение вуза в тот военный период, 15 ноября 1941 г. учебные занятия начались уже на новом месте.

Много лет П. Н. Шимбирёв входил в состав редколлегии журнала «Советская педагогика». Вместе с известным ученым, уроженцем Котельничского уезда Вятской губернии Иваном Трофимовичем Огородниковым (1900–1976) он выпустил учебники по педагогике для учительских институтов (1946) и пединститутов (1954). Учебники приобрели большую и заслуженную популярность среди педагогов страны. Идеи, заложенные в них, структура построения учебного материала, во многом и сам фактический материал послужили своего рода фундаментом для составления учебников учеными следующих поколений.

П. Н. Шимбирёв принимал активное участие во всех педагогических дискуссиях 1940–1950-х гг., отстаивая ту точку зрения, какую ему подсказывала его высокая научная компетентность. В эти годы он продолжал оставаться одним из наиболее крупных учёных-педагогов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовое отличие», одним из первых был удостоен медали К. Д. Ушинского.

П. Н. Шимбирёв не забывал КГПИ. Работая в 1946–1949 гг. начальником отдела педвузов Министерства высшего образования СССР, а позднее участвуя в работе комиссий Министерства просвещения РСФСР, он поддерживал связи с работниками института. В своих неопубликованных воспоминаниях, датированных 27 сентября 1958 г., он тепло отзывается о своих кировских коллегах, в частности о секретаре парткома Петре Захаровиче Мосунове, ставшем в дальнейшем первым ректором Кировского политехнического института (1963–1965).

П. Н. Шимбирёва с благодарностью вспоминала его аспирант Татьяна Борисовна Брюхова (по мужу – Храбрикова), заведующая кафедрой педагогики КГПИ в 1960-е гг. Истекшие после его смерти

десятилетия подтвердили значимость педагогического наследия этого крупного учёного [75, с. 145].

Умер П. Н. Шимбирёв 22 декабря 1960 г. Он один из немногих ученых-педагогов (наряду с А. С. Макаренко, Н.А. Константиновым, Е. Н. Медынским) похоронен на Новодевичьем кладбище столицы.

П. Н. Шимбирёв оставил впечатляющий след в истории первого вятского вуза, так же как и в истории отечественной педагогики и российском образовании.

XVI. В ТРУДНЫЙ ЧАС (Н. Ф. ПЕРЕЖОГИН)

На Новомакарьевском кладбище г. Кирова, неподалеку от главного входа, рядом с могилой известной дымковской мастерицы Екатерины Иосифовны Косс-Деньшиной, покоится известный в своё время педагог Н. Ф. Пережогин. Современному поколению вятских учителей и преподавателей имя Никанора Фёдоровича ничего не говорит. Уже не осталось людей, работавших вместе с ним. Не попадает фамилия Пережогина и в разного рода «юбилейные» списки видных преподавателей, работавших в педагогическом вузе г. Кирова. Да, он не был ректором или проректором, доктором или кандидатом наук, не писал научных трудов. Что же побудило нас в книгу о наиболее заметных представителях педагогического «цеха» включить очерк именно об этом человеке? Попытаемся своим рассказом ответить на этот вопрос.

Н. Пережогин родился 10 (23) августа 1908 г. в деревне Янкино Аджимской волости Малмыжского уезда. Поселения этого давно нет, а в ту пору это была крупная, на 150–160 дворов деревня, утопавшая в зелени, разделённая на части рекой Аджимкой и маленькими речками – Катиной и Межёвкой. «На Катиной речке, – вспоминал Н. Ф. Пережогин, – богачи устроили три искусственных пруда, в которых разводили рыбу. Пруды охранялись, так что нам, мальчишкам из бедноты, и подойти к ним не разрешалось. Отец Федор Николаевич в 1915 г. был мобилизован в царскую армию и отправлен на империалистическую бойню. Последнее письмо от него получили год спустя. “Назначили меня в школу унтеров, но я отказался. Лучше на фронте погибнуть, чем истязать таких же крестьян-солдат, как и я...” – писал он в письме домой» [41, с. 241].

В 10 лет Никанор закончил три класса сельской школы, полгода поучился в Аджимской школе, а затем мать отдала его в портняжную

мастерскую инвалидов Гражданской войны. У Никанора с раннего детства из-за болезни не сгибалась одна нога, и он всю жизнь сильно хромотал. Соседями его здесь были люди, прошедшие сквозь ужасы военного лихолетья, лишённые рук, ног, зрения. Пьянство, картежная игра, драки – вот что постоянно видел мальчик. Проживая в доме инвалидов, Никанор вступил в городскую детскую организацию «Заря коммунизма», которой руководил комсомолец Иван Бабушкин. Свою первую самостоятельную работу, брюки галифе и гимнастерку, Никанор сшил Ивану Бабушкину и очень гордился этим [59, с. 47].

В 1923 г. мастерскую инвалидов закрыли, а Никанора определили в детский дом. Мальчик рано почувствовал интерес к общественной работе. В 1922 г. он вступил в комсомол, а летом 1924 г. ему поручили быть пионервожатым в школе-семилетке в г. Малмыже. В эти годы он был избран членом уездного комитета комсомола, окончил среднюю школу и стал готовиться к поступлению на рабфак Вятского пединститута. Нелегко было самоучке поступать на рабфак. Открытый 4 декабря 1921 г. рабочий факультет, носивший имя С. Н. Халтурина, был единственным в Вятской губернии и пользовался огромной популярностью у молодёжи [84, с. 130].

Три года подряд держал Никанор вступительные испытания. В 1926 г. конкурс был слишком высокий, а отметки у юноши – удовлетворительные. Спустя год русский язык и математику он сдал на «хорошо», обществоведение – на «отлично», но конкурс был ещё выше, и его опять не приняли. Но он не опустил руки. В 1928 г. все экзамены пришлось сдавать на «отлично», и только тогда для него открылись двери рабфака. Вот как непросто было в те годы поступить на учебу даже на рабфак! Учёба на рабфаке продолжалась три года. Пережогин выделялся своей настойчивостью. В 1929 г. его избрали членом партбюро и заместителем секретаря парторганизации рабфака. Одновременно ему поручили быть парторгом художественно-промышленного техникума, в котором, кстати, были два отделения: промышленное (по раскраске тканей) и художественное, на котором готовили художников, главным образом, для работы в школе.

В отличие от института учащиеся техникума по социальному положению были очень разными, и работать с ними было особенно трудно. Пришлось налаживать комсомольскую работу, у которой были свои недочеты. Зато существовало тайное общество девушек под названием «Долой стыд!», точнее, если можно так выразиться, его вятский «филиал».

Учебный процесс на рабфаке был поставлен образцово. Заведующим рабфака был Пётр Николаевич Соколов, добросердечный, близкий студентам человек, некоторое время даже исполнявший обязанности директора института (с 16 декабря 1930 г. по 28 апреля 1931 г.). Рабфаковцы за глаза звали его дедом. Указания П. Н. Соколова, его наставления воспринимались рабфаковцами беспрекословно, как абсолютная истина, вспоминал Н. Ф. Пережогин [22, с. 57].

Учебной частью рабфака заведовал Сергей Дмитриевич Юдинцев. Скажем несколько слов об этом замечательном человеке. С. Д. Юдинцев родился 2 апреля 1901 г. в деревне Николаевское Кундышской волости Яранского уезда Вятской губернии. Окончил Кукарскую учительскую семинарию и Вятский пединститут. В 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию по биологии (тема «К проблеме специфичности действия гистоллизатов»), в 1954 г. – докторскую («Некоторые закономерности циркуляции антибиотиков в зависимости от физиологического состояния организма»). Доцент (1938), профессор (1954). Область научных интересов: всасывание, циркуляция и выделение антибиотиков из организма. Старший научный сотрудник лаборатории развития НИИ зоологии (1934). Зам. декана по учебной части (1934–1937) и декан (1938–1948) биологического факультета. И. о. ректора МГУ (ноябрь 1942 – янв. 1943). Действительный член Академии наук СССР. Директор НИИ антибиотиков АН СССР. Освобождён от обязанностей декана постановлением Политбюро ЦК директор НИИ антибиотиков АН СССР. ВКП(б) № 365 от 9 августа 1948 г. в ходе развязанной в то время Сталиным кампании по борьбе с генетикой – «продажной девкой империализма»; так именовали эту науку в то время советские газеты. Скончался 26 января 1960 г.

Преподавали на вятском рабфаке ведущие доценты института А. С. Спасская, Н. М. Утробин, профессор К. В. Дрягин и др. Возрастной состав рабфаковцев колебался от 20 до 35 лет; половина студентов – бывшие участники Гражданской войны, почти все из рабочих и крестьян. Никанор был среди них самым молодым.

Рабфак пользовался авторитетом и имел промышленно-техническую направленность. Выпускников вятского рабфака охотно принимали на учёбу московские вузы, когда на рабфак приходили соответствующие путёвки. В 1931 г. рабфак окончен, и Никанор зачислен в состав студентов на факультет естествознания по специальности «биология». Учится он только на «отлично». Не раз писала о Пережогине институтская многотиражка «За пролетарские кадры». Главным

общественным поручением молодого человека стала работа с детьми. Каждое лето он проводит в пионерских лагерях, которые тогда ещё только зарождались.

Всё было внове. Организовывались лагеря в самых живописных местах, неподалёку от города. В 1930–1931 гг. Никанор работает заместителем начальника вятского городского пионерского дома отдыха в районе деревни Филейка. В 1932 г. он исполняет обязанности заместителя начальника общегородского пионерского лагеря в деревне Башарово. На следующий год он уже начальник вятского лагеря железнодорожников в селе Верховино, а зимой того же года им впервые организуется зимний общегородской пионерский лагерь в селе Боровое [59, с. 48].

Именно благодаря таким энтузиастам, как Никанор, пионерская организация Вятки стала приобретать авторитет среди детей. Никанор ищет новые формы работы с пионерами. Так, он ежегодно меняет дислокацию лагеря, которым руководит; считает, что так ребятам интересней. В 1934 г. он организует лагерь у села Никульчино, в 1935 г. – в селе Истобенске. Н. Пережогину активно помогают тогдашние студенты, ставшие впоследствии известными учителями и преподавателями пединститута: Эмилия Стрижова, Николай Сунцов, Фаина Пономарёва, Галина Возженикова, Исай Моносзон, Клава Шабалина и другие.

Так, Галина Александровна Возженикова в дальнейшем руководила средней школой № 29 г. Кирова. В соавторстве с кандидатом педагогических наук, доцентом, зав. кафедрой педагогики КГПИ Т. Б. Храбриковой она написала и издала в 1981 г. книгу «Беседы с учащимися о культуре умственного труда».

Исай Исаевич Моносзон, участник Великой Отечественной войны, полковник, кандидат педагогических наук, ряд лет работал на кафедре педагогики КГПИ. Его брат Эле Исаевич стал академиком АПН СССР.

Николай Степанович Сунцов, выпускник физического отделения, стал доктором педагогических наук, профессором, основателем НИИ школ Министерства просвещения СССР [47, с. 522].

Одна из вожатых, студентка Клава Ашихмина (Бажина), вспоминала о Никаноре: «Этот человек обладал огромными организаторскими способностями. Там, где Пережогин, там масса дел для всего лагеря: походы, костры, смотры, игры, работа на полях и огородах, концерты. Считаю себя счастливой тем, что встретила в жизни такого руководителя-вожака» [41, с. 244].

В июне 1935 г. Никанор оканчивает институт. Он член бюро горкома комсомола, заведует отделом пионеров. 4 апреля 1936 г. переходит на работу в пединститут помощником директора по вечернему отделению и инспектором по кадрам. Через год он начинает преподавательскую работу, читает курс Конституции СССР.

В 1980-е гг. мы неоднократно встречались с вдовой Н. Ф. Пережогина С. М. Дриго. Сама Сара Макарьевна окончила КГПИ по специальности «естествознание», работала старшим лаборантом на факультете иностранных языков со дня его открытия в июне 1941 г., мечтала об аспирантуре. Но жизнь сложилась иначе. Из воспоминаний вдовы Н. Ф. Пережогина: «В один из мартовских дней 1938 г. Никанор Фёдорович шёл на работу. К нему подъехала машина, и сидящий в ней мужчина сказал: “Садись, Пережогин, подвезём”. Что означало такое “приглашение”, любому в те годы было слишком хорошо известно. Сопротивляться было бесполезно. Прошёл день, прошла ночь. Муж дома не появляется. Не было его и в институте. Я начала его разыскивать. Обращалась в милицию, больницы, морг. Наконец, в органы безопасности. На мой вопрос, не арестован ли Пережогин, услышала издевательский смех: “Мы таких справок не даём!” Я обратилась к секретарю партбюро института Петру Захаровичу Мосунову. Он пообещал всё узнать. И действительно, вскоре Петр Захарович мне сказал: “Да, Никанор арестован как враг народа”.

Что мне делать? Я училась в институте, а жили мы в квартире институтского дома по ул. Свободы. Как жене врага народа мне с грудным ребенком предложили освободить квартиру. Вещи были перевезены в институтский сарай, а я с ребенком должна была искать себе приют. Знакомые перестали со мной разговаривать, родные мужа просили к ним не заходить, опасаясь, что им будет предъявлено обвинение за связь с семьёй врага народа. Сына я увезла к родителям, а сама поступила работать на завод им. Дзержинского на платформе Северянин под Москвой. Но где муж? Что с ним? Слышала о расстрелах, о высылке в лагеря, но пока тебя лично не касается, как-то во всё это не очень веришь. Я была уверена, что это какая-то жестокая ошибка. Пытаясь найти справедливость, я ездила в приёмную А. Я. Вышинского, генерального прокурора СССР.

Там были огромные очереди граждан с таким же горем, как и у меня, плачущие женщины и плачущие дети. Подала и я прошение разобраться в несправедливом аресте мужа, но ответа так и не получила. Так и не узнала, что с ним и где он. К 1 сентября я вернулась в

Киров. Мои родители взяли на себя заботу о маленьком сыне. Администрация института разрешила мне поселиться в комнате общежития, где жили мои сокурсницы. Нас было двенадцать человек в одной комнате. Я продолжила учебу. Обратилась в органы НКВД с просьбой разрешить передачу. Очень волновалась, будет ли ответ. Ждала ответ долго и наконец получила разрешение передать нижнее бельё и носовой платок.

Пришла с передачей в тюрьму. Меня и ещё нескольких женщин впустили в приёмную и за нами заперли дверь на замок. Долго сидели, никто не приходил. Мелькала мысль, что мы тоже арестованы. Наконец окошечко открылось, передачу взяли. Опять медленно тянулось время. После долгого ожидания мне выбросили клочок бумаги, на котором были написаны всего два слова: «Получил. Пережогин». Вот была радость – жив!». Как рассказывал Никанор после освобождения, его посадили в одну камеру с уголовниками, которых власти называли «социально близкими». Их руками пытали «фашистов», то есть «политических», тех, кому приписывали печально известную 58-ю статью УК РСФСР. Днём «политических» били уголовники, следователи добивали по ночам, когда сопротивление заключённых ослабевало. Утром «эстафету» опять принимали уголовники. И так без конца. Всё это называлось «беспрерывкой». Заключённых изматывали физически и морально: ругали нецензурными словами, избивали, читали им фиктивные письма, якобы написанные родственниками о том, что они отказываются от «врага народа». Следователи принуждали давать ложные показания. Основным вопросом было: «Кого завербовал? Признавайся!» И побои, побои... [59, с. 48–49].

Пережогина провоцировали, зачитывали «показания» на него других заключённых. Обвиняли его за связь с бывшим директором института М. А. Елсуковым. Естественно, что они были «связаны», ежедневно общаясь на работе. Во время допроса не разрешали садиться, и Пережогину, инвалиду, было особенно мучительно стоять на одной ноге часами. Мягкосердечный и добрый, физически слабый, он проявил большое мужество в сталинских застенках, не изменил своим убеждениям, никого не оговорил. После пребывания в общей камере с уголовниками он в дальнейшем сидел с «политическими». С ними уже было полегче; это же были действительно *свои* люди; более того, действительно *лучшие люди того времени*.

Да, «политическими» узниками были, как известно, лучшие люди. Многие из них были уничтожены, сломаны физически и мораль-

но. Некоторое время с Никанором в одной камере сидел известный врач Станислав Адольфович Драверт, представитель известной на Вятке медицинской династии, которого после допросов избитого, не способного держаться на ногах, в кровоподтеках с размаху бросали в камеру. Чтобы сохранить способность мыслить и говорить, не сойти с ума от побоев и издевательств, узники придумали себе занятие: пересказывали друг другу содержание литературных произведений, совместными усилиями вспоминали стихи.

Нужных показаний следователям Пережогин не давал. Тогда его перевели в одиночную камеру и сообщили, что он приговорён к расстрелу. Настали ещё более тяжкие дни. Угнетённое состояние, голод. Воды давали не более кружки в день. Ослабло здоровье, путались мысли. Наконец свершилось чудо: вызвали на допрос и объявили об освобождении. Новый нарком НКВД Л. П. Берия создавал видимость либерализации, и некоторое количество заключённых по стране, в том числе Н. Ф. Пережогин, было освобождено. К тому же Никанор Фёдорович явно не годился для работы на лесозаготовках и рытье каналов. Фактически инвалидность спасла ему жизнь. Пережогин пришел в институт узнать о семье. Однокурсники жены прибежали к Саре Макарьевне сообщить радостную весть, ведь он пользовался большим уважением и авторитетом в коллективе института. Первое, что он сказал жене при встрече, что он всё выдержал и никого не предал. А вскоре его восстановили на работе в институте. Квартира Пережогиных была уже занята. Первое время жили в общежитии, затем дали квартиру из двух комнат с кухней на шесть семей.

3 сентября 1941 г. Н. Ф. Пережогин назначается заведующим административно-хозяйственной частью института. Естественно, что значительная часть тягот по эвакуации института в Яранск легла на его плечи. Огромная библиотека, богатейшие коллекции, учебное оборудование, имущество эвакуируемых семей преподавателей и сотрудников – всё это надо было увязать, уложить и на лошадях отправить по раскисшей от дождей грунтовой дороге в Яранск.

Конечно, не было абсолютно никакой необходимости в эвакуации педагогического института, тем более именно в Яранск, но поступило распоряжение освободить помещение института для размещения Ленинградской военно-морской медицинской академии. Помимо неё в институте должны были находиться и некоторые другие организации. Пережогин предвидел, что по возвращении обратно в Киров оставленное оборудование, книги и мебель будут растащены,

и, конечно, оказался прав. Поэтому надо было взять как можно больше имущества в Яранск.

Преподаватели освобождают квартиры. Пережогин сдаёт ценности, печатывает лаборатории, передаёт здание новым временным хозяевам и с последним обозом выезжает в Яранск. Главный груз – документы, ящики со стеклом, сено и овёс для двух лошадей. В районе Советска остановились у реки. Переправа через Вятку уже закрыта, река встает, идет шуга. На берегу никого нет. Что делать? У сына высокая температура. Холодно, укрыться негде. С трудом Пережогин договаривается с местными жителями, и те на залазне в два приема перевозят на другой берег. За это пришлось отдать весь запас продуктов и наличных денег.

В Советске отдохнули, обогрелись в семье местного врача Крониды Минеева и тронулись дальше. Яраничи приветливо встретили приезд института, помогли устроиться на частные квартиры. По воскресеньям в Яранске работал базар. Эвакуированные меняли одежду, постельное белье на продукты питания, кое-как перебивались. Но долго так продолжаться не могло. Остро встал вопрос с топливом и продуктами. Местком, председателем которого был Никанор Фёдорович, получил лесную делянку и организовал заготовку дров. Первая заготовка и работа на лесосеке принесли огорчение: заготовленные с таким трудом дрова вывезли посторонние люди. Но потом дело пошло на лад.

Пережогин добыл разрешение на земельный участок для посадки картофеля за рекой Яранью. Километрах в четырех от Яранска в деревне Банново было организовано подсобное хозяйство института площадью более сорока гектаров. Сотрудники и студенты к тому же помогали убирать урожай в колхозе, работали на торфоразработках и на сплаве леса. Было трудно, но никто не падал духом. Знали, что на фронте ещё трудней, вспоминала студентка тех лет, впоследствии декан исторического факультета Валентина Гавриловна Авдеева [41, с. 247].

В феврале 1943 г. Н. Ф. Пережогина переводят на должность директора детского дома № 54, эвакуированного из поселка Волосово из-под Ленинграда. Располагался он в местечке Опытное Поле, в 12 километрах от Яранска. Прежний директор Бушуев был призван в армию, и Никанору Фёдоровичу предстояло занять его место. Прежде чем дать окончательное согласие, Пережогины поехали в детский дом познакомиться с предстоящей работой. Детдом располагался в здании бывшего монастыря, а помещение для учебных занятий – в деревян-

ной церкви. Встретила их полная разруха: оконные стекла были выбиты, железные прутья из спинок кроватей выломаны – на них пекли мороженую картошку. Печи в спальнях оказались полуразрушенными и дымили. Прошлись по спальням. Дети спали на полу «звездочкой» – головами к центру. Ноги в рваной обуви выставлялись из под матрацев, которыми укрывались дети вместо одеял. Было очень холодно. Нищета, заброшенность, безразличие к судьбам детей виделась во всём.

В подвальном этаже хранился запас картофеля, привезённый по разнарядке из колхозов. Он был весь заморожен, но ели и такой; других продуктов не было. Из всего привезенного из Ленинграда в детдоме осталась лишь финская лошадка Каролина и немного одежды, а все продукты были разграблены. Пережогин, сам бывший детдомовец, решает остаться. Его жена принимает старшую группу. Работы предстояло очень много. Первым делом Никанор Федорович разобрал деревянный верх церкви и полученным материалом перекрыл потолок школы. Сара Макарьевна, исходя из местных возможностей, составила программу по домоводству. Приезжала как-то комиссия из НКП с проверкой. Проверяющие были удивлены: в глуши, в неимоверной бедности составляются и выполняются программы.

В детдоме Пережогины работали по 25 марта 1946 г. В дальнейшем их трудовые биографии были связаны с системой профессионально-технического образования. В Кирове создавалось специальное ремесленное училище № 4 для детей-сирот. Состав учащихся формировался в основном из беспризорников. Собранные под одной крышей, мальчики рвались на улицу, не признавали никаких авторитетов, никаких правил поведения. Часто они убегали, прихватив с собой постельные принадлежности и другие вещи. Слабые учителя не выдерживали трудностей и уходили. Оставались только те, кто мог работать в этих трудных условиях, умел находить общий язык с этими педагогически запущенными подростками. Работы директору Пережогину хватало. Через несколько лет, когда жизнь в стране вошла в нормальную колею и был исчерпан контингент беспризорных, спец-ПТУ реорганизовали в обычное техническое училище.

В 1968 г. Н. Ф. Пережогин вышел на пенсию по возрасту, но продолжал трудиться вплоть до 1975 г. Н. Ф. Пережогин скончался 21 марта 1978 г. По воспоминаниям людей, близко знавших его, он любил людей, не искал в них недостатков и пороков, а стремился отыскать в каждом человеке и в каждом своём воспитаннике что-то хоро-

шее, доброе и красивое. Это позволяло ему быстро входить в контакт с детьми, подростками и коллегами. Знания его были обширны, эрудиция покоряла, а добрая общительность привлекала, позволяла каждому его подопечному раскрыть в себе самые лучшие качества.

XVII. ФОРТУНАТОВЫ – ПРИМЕР СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ

В годы военного лихолетья (Гражданская и Великая Отечественная войны) многие ведущие научные сотрудники НИИ Академии наук СССР, доктора наук и профессора столичных вузов нередко оказывались в эвакуации и продолжали свою научную деятельность в тыловых вузах. Именно так в Кирове в 1941 г. оказался Александр Алексеевич Фортунатов. Наш интерес к личности этого крупнейшего отечественного историка-медиевиста, собственно говоря, прежде всего этим и объясняется. Рассказывая о А. А. Фортунатове, нельзя не сказать и о его родных, которым мы также уделим внимание.

А. А. Фортунатов родился в Москве 12 июля 1884 г. в Москве [91, с. 520–521] в родовой семье, история которой насчитывает не менее трехсот лет. Родоначальником фамилии Фортунатовых считается Кузьма Фортунатов, богомаз села Холуй; его сын Никита был палехским иконописцем, а внук Фёдор – священником села Палех. Славилась семья и научными, педагогическими традициями. Прадед будущего историка Николай Петрович Фортунатов работал учителем гимназии в г. Вологде, его сын Фёдор Николаевич (1813–1872)⁴, выпускник Санкт-Петербургского университета, – учителем древних языков, инспектором школ, директором гимназии в ряде городов (Вологда, Петрозаводск, Олонец). Отец будущего историка Алексей Фёдорович (1856–1925) был крупнейшим российским статистиком и специалистом в области экономической географии, профессором Московского университета. В сфере его интересов была и история. В молодости он прошёл курс обучения в семинаре крупнейшего русского историка того времени Владимира Ивановича Герье, основателя первых в России Высших женских курсов, окончание которых тогда приравнивалось к получению высшего образования.

А. Ф. Фортунатов проявил себя и как организатор образования. В частности, для детей преподавателей Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Всероссийская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева) он организовал частную домашнюю

⁴ По другим данным, 1814–1872.

школу; в ней некоторое время учился и его сын Александр Фортунатов. Одним из студентов Алексея Федоровича был не кто иной, как Станислав Теофилович Шацкий, впоследствии выдающийся отечественный педагог, основоположник социальной педагогики. Позднее С. Т. Шацкий вспоминал своего учителя с благодарностью: «Особенное внимание я обратил на одного из самых оригинальных профессоров академии – А. Ф. Фортунатова, который не признавал экзаменов и всячески поощрял студентов с самого первого курса заниматься самостоятельной научной работой. Хотя его работа – сельскохозяйственная статистика – была очень далека от моих педагогических интересов, тем не менее, его методы работы меня в сильнейшей степени интересовали и привлекали» [94, с. 55].

К личности А. Ф. Фортунатова С. Т. Шацкий обращается и в статье «На пути к трудовой школе» [95]. Раскрывая недостатки современного ему высшего образования, он приводит слова Алексея Федоровича, «талантливейшего педагога нашего времени» [95, с. 15], который относил к числу этих недостатков «папирократию», то есть власть бумажки, диплома, а не реальные знания, которые студенты недополучают в вузе.

Брат отца А. А. Фортунатова, Филипп Фёдорович (1848–1914) – выдающийся лингвист, профессор Петрозаводского университета, действительный член Императорской Российской Академии наук. Его труды издавались в советское время [87]. Выходили публикации, раскрывающие значимость его научных заслуг [81].

Другой брат отца, Степан Фёдорович (1854–1915), был крупным историком, преподавателем Высших женских курсов в Москве. Их сестра Мария Фёдоровна была одним из активных организаторов воскресных школ, преподавала в них различные предметы.

А. А. Фортунатов получил образование на историко-филологическом факультете Московского университета (1903–1908). Преподавательскую деятельность он начал учителем истории и литературы на Пречистенских рабочих курсах (1908–1912), в частных гимназиях (1912–1916) и в Московском народном университете имени А. Л. Шанявского (1908–1920). Одновременно, сразу по окончании университета, он был оставлен на кафедре всеобщей истории в качестве магистранта и занимался под руководством профессора Д. М. Петрушевского (1908–1911).

К 1916 г. он сдал все необходимые экзамены и был утверждён в должности приват-доцента историко-филологического факультета

(общественно-педагогического отделения). В 1921–1923 гг. он профессор кафедры теории и практики народного образования факультета общественных наук. В эти годы он активно занимался составлением учебных пособий по истории, которые применялись учителями всей страны. Особенно выделялось пособие «Книга для чтения по древней истории» (М., 1913), написанное в соавторстве. Так что ещё до 1917 г. имя молодого учёного-методиста стало известно всем преподавателям истории. Активную методическую работу учёный продолжил и в дальнейшем [88].

Он интересуется также проблемами обучения в начальной школе. В этом ему помогает жена Елена Яковлевна (урожд. Казимирова, 1882–1965). С 1907 г. Е. Я. Фортунатова возглавляла начальную школу в обществе «Сетлемент», организованном С. Т. Шацким и его единомышленниками [98, с. 319].

Несколько лет она работала в педагогическом центре Академии наук. Е. Я. Фортунатова не только посвятила свою жизнь школе, но также была крупным теоретиком педагогики, постоянно публиковалась в ведущих журналах.

Именно в соавторстве с ней и другим крупным педагогом того времени, Л. К. Шлегер, Александр опубликовал такие значительные работы, как «Первый год обучения в начальной школе» (М., 1914), «Второй и третий год обучения в начальной школе» (М., 1915). Ранее эти работы в сокращенном виде публиковались в журнале «Свободное воспитание».

Октябрьские преобразования внесли коррективы в научно-педагогические исследования А. А. Фортунатова. К числу основных работ этого периода можно отнести такие его труды, как «Борьба за трудовой метод в Западной Европе и Америке» (М., 1924), «Социально-революционные течения в конце XVIII и в XIX вв. и трудовая школа» (М., 1924), «Теория трудовой школы в ее историческом развитии. Ч. 1. От Томаса Мора до Карла Маркса» (М., 1925). Его статьи публиковались в энциклопедическом словаре Граната. Ученый рассматривал педагогический процесс в его постоянном диалектическом развитии, неизменно подчеркивал глубокую внутреннюю связь типа школы и социально-экономических условий жизни общества. Он доказывал, что структура и функции школы отражают политические, экономические и культурные интересы господствующих классов.

В деятельности А. А. Фортунатова органично сочетались увлечения историей и педагогикой, причем педагогикой не только теоретической, а прежде всего практической. Вместе со своим старшим братом

Константином, студентом-медиком⁵, Александр активно участвует в социально-педагогических экспериментах выдающихся отечественных педагогов Станислава Теофиловича Шацкого (1878–1934), Александра Устиновича Зеленко (1871–1953) и Луизы Карловны Шлегер (1863–1942), которые в 1905 г. открыли первую в России детскую трудовую летнюю колонию в Щелково «Бодрая жизнь», а осенью того же года – первый в России клуб для детей. Братья Фортунатовы подключились к этой работе осенью 1905 г., когда Шацкий и Зеленко задумались над созданием общества «Сетлемент» [96, с. 274]. В историю отечественной педагогики вошло еще одно их детище – общество «Детский труд и отдых».

В 1919–1925 гг. супруги Фортунатовы принимали активное участие в работе 1-й Опытной станции по народному образованию народного комиссариата просвещения РСФСР, руководимой С. Т. Шацким. Она была открыта на территории Малоярославецкого уезда (ныне территория г. Обнинска). Это было инновационное учреждение, представлявшее собой целый комплекс учебно-воспитательных заведений для детей и взрослых (школа 1-й и 2-й ступени, клуб, «университет» для взрослых, изба-читальня и т. п.). Фортунатовы были назначены туда в качестве педагогов-воспитателей.

А. А. Фортунатов руководил внешкольной работой учителей, занимался вопросами эстетического воспитания. Здесь начал учиться их сын Юрий (родился в Москве 27 мая 1911 г.), будущий профессор Московской консерватории. Позднее Юрий Александрович всегда тепло вспоминал колонию, где учили, помимо грамоты, еще и рисованию, музыке; даже ставили спектакли силами самих воспитанников, причем декорации и костюмы, а также тексты готовили сами ученики и педагоги⁶. В своих публикациях С. Т. Шацкий с благодарностью вспоминал Фортунатовых.

⁵ Константин Алексеевич Фортунатов, будучи студентом Московского университета, принимал активнейшее участие в педагогических новациях С. Т. Шацкого. По окончании университета два года работал земским врачом в сельской больнице в Калужской губернии. Погиб в 1915 г. на фронте в Восточной Пруссии, будучи военврачом. С. Т. Шацкий, по просьбе редактора журнала «Свободное воспитание» И. И. Горбунова-Посадова, написал очерк «Памяти светлой молодой жизни», посвященный К. А. Фортунатову и опубликованный в «Свободном воспитании» (1914–1915. № 6). Также очерк опубликован в собрании сочинений С. Т. Шацкого [97].

⁶ Ю. А. Фортунатов (1911–1999) окончил Московскую консерваторию (1932–1937), аспирантуру (Школу высшего художественного мастерства) (1937–1939). Среди его учителей А. Н. Александров и К. Н. Игумнов. Служил в музыкальном взводе Ташкентского пехотного училища, где в 1941 г. получил офицер-

В 1925–1939 гг. А. А. Фортунатов работал в МГУ; одновременно (в 1923–1929 гг.) в институте истории АН СССР. В 1939–1941 гг. и 1945–1949 гг. место его работы – Московский городской педагогический институт имени В. П. Потемкина; здесь он (с 1940 г.) заведует кафедрой средних веков, а в 1947–1949 гг. исполняет обязанности декана исторического факультета. Особенно важное значение для исторической науки в этот период имели его работы о средневековом просветителе Алкуине и его учениках. Этой теме он посвятил ряд работ, вышедших в «Учёных записках МГПИ имени В. П. Потемкина» [85].

В военные годы, как мы уже отмечали, профессор А. А. Фортунатов работал в Кировском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина. Заведовал кафедрой всеобщей истории. История КГПИ была неоднократно предметом самого тщательного изучения [17; 30; 59]. В публикациях, в том числе автора данного материала, фамилия Фортунатова неоднократно звучала. И все-таки уместно было бы рассказать о следующем. В конце 1980-х гг. автор этой статьи занимался сбором воспоминаний тогда еще здравствовавших ветеранов института и бывших студентов о годах их работы и учебы в Кировском (Вятском) пединституте.

Собранные по крупицам воспоминания частично вошли в сборник «Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2014» [12, с. 102–123], изданный в составе трехтомника (два других тома назывались «Ректоры ВГГУ» и «Преподаватели ВГГУ») к 90-летию со времени основания вуза, которое отмечалось в 2004 г. Полная версия воспоминаний была нами опубликована позднее [4]. Одним из моих респондентов был выпускник естественно-географического факультета КГПИ 1945 г. Никифор Васильевич Сыкчин, личность в высшей степени интересная. Самые любопытные и содержательные воспоминания, в том числе о А. А. Фортунатове, оставил именно он. Но что за человек сам Н. В. Сыкчин?.. Свою жизнь он посвятил не школе и не географии, а искусству. В 1950 г. он получил второе высшее образование: окончил Государственный институт театрального искусства. Кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры РСФСР. Работал проректором консерватории Литовской ССР, старшим инспектором Министерства культуры СССР,

ское звание с назначением на должность военного капельмейстера и командира музыкального взвода училища. В 1944–1948 гг. преподавал инструментовку в Высшем училище военных дирижёров (позднее – военно-дирижёрский факультет Московской консерватории). Работал в Московской консерватории (1945–1999). Доцент (1972), профессор (1988). Награждён орденом Дружбы (1997).

начальником репертуарно-художественного отдела Союзгосцирка СССР. В 1975–1980 гг. – редактор Росгосконцерта. В эти годы он занимался, в частности, организацией концертов. При встрече Никифор Васильевич показывал многочисленные фотографии, на которых он в окружении тогда ещё совсем юных Аллы Пугачёвой, Вячеслава Антонова (Добрынина), Валерия Сюткина и других ныне широко известных артистов эстрады. Он был организатором их концертов на начальном этапе их звёздной карьеры. В 1980–1990 гг. он был начальником отдела пропаганды и рекламы Моссовета, с 1990 г. – главный редактор комитета по культуре московской мэрии.

Вот что, в частности, писал в своих воспоминаниях Н. В. Сычин: «В Яранске⁷ Фортунатов, помимо лекций по искусству, читал факультатив по западноевропейскому искусству. Помню, было холодно, мы все сидели в пальто в самой большой аудитории исторического факультета на втором этаже. Зал был полон. Блистательно читал он лекции по итальянскому искусству, особенно периода Возрождения. У него были прекрасные цветные репродукции. Был старенький проекционный фонарь. Глядя на экран, мы все восторгались изображением. Все это он привез с собой в эвакуацию. Внешне он был притягателен. Выше среднего роста, плотного сложения, широкоплеч, сидящая борода клином, голубые улыбающиеся глаза. Красивая речь. Он напоминал мне людей эпохи Ренессанса. В нём чувствовались не только значительность, но и порода. После войны я встретил его на концерте в консерватории...» [12, с. 111]

Была в жизни А. А. Фортунатова и такая неприятная история, которая отравила всю его дальнейшую жизнь и нанесла ему огромный моральный, да и материальный, урон. В 1926 г. А. А. Фортунатов защитил докторскую диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук (по отделению всеобщей истории). Защита состоялась в диссертационном совете при Азербайджанском университете. Его попросили провести защиту именно там, для, так сказать, придания научного веса и моральной поддержки молодого университета и только что открытого в нём диссертационного совета. Однако последствия такой, с позволения сказать, благотворительности со стороны А. А. Фортунатова впоследствии обернулись против него самого. В 1945 г. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при совете народных комиссаров СССР произвела переаттестацию диссертационных советов и, в частности, выявила нарушения в деятельности диссертацион-

⁷ В районном городе Кировской области Яранске КГПИ находился в эвакуации.

ного совета в этом университете. И хотя конкретно к диссертации Фортунатова и процедуре её защиты у ВАК претензий не было, своим решением она не засчитала *все* защиты, проходившие в Баку.

Среди безвинно пострадавших оказался и Фортунатов; у него отобрали учёную степень доктора исторических наук спустя 19 лет после успешной защиты! И хотя учёное звание профессора ему удалось сохранить, учёную степень доктора наук вернуть так и не удалось. Неудивительно, что всё случившееся сильно пошатнуло его здоровье.

А тут ещё произошел неприятный казус. В первых числах сентября 1949 г. во время бурного заседания учёного совета института А. А. Фортунатов во время своего выступления запальчиво назвал директора Ф. Н. Щёголева «новым Филиппом Вторым». Присутствовавшим на заседании совета его членам осталось, конечно, неизвестно, какую сторону личности этого испанского короля XVI в. имел в виду профессор Фортунатов: то ли его похвальную любовь к чтению (среди любимых авторов Филиппа были Эразм Роттердамский, Коперник и Мирандола, а с Кораном он никогда не расставался и читал при первой возможности), то ли жестокость испанского короля из династии Габсбургов в отношении португальских сепаратистов... Так или иначе, сравнение директора советского учреждения, члена ВКП(б) (!) со средневековым монархом было воспринято не только как немыслимая грубость, недопустимая в академической среде, но и как *политическая ошибка*. И лучше всех это понимал сам Александр Алексеевич... Вскоре после этого неприятного события, 19 сентября 1949 г., А. А. Фортунатов скончался от сердечного приступа.

Научное наследие А. А. Фортунатова стало предметом исследования Ф. А. Фрадкина, В. Г. Безрогова и Н. М. Лозовской, опубликовавших небольшой очерк о его жизни и деятельности в сборнике научных трудов НИИ общей педагогики Академии педагогических наук СССР [90]. О пребывании А. А. Фортунатова в Кировской области в очерке сказано одним коротким предложением. О неприятностях, описанных выше, не упоминается вовсе. Здесь же приводится библиографический указатель литературы, включающий список его трудов, а также литературу о нем и других членах этого замечательного русского рода. Также в сборнике помещены ранее не публиковавшиеся статьи А. А. Фортунатова [86].

А. А. Фортунатов был крупным отечественным учёным, и часть своего преподавательского таланта он подарил в своё время вятским студентам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Открытие в 1914 г. Вятского учительского института стало важнейшим событием в развитии народного образования в Вятском крае. Это стало возможным благодаря той заботе о просвещении народа, которую неизменно проявляло как Вятское земство и дирекция народных училищ Вятской губернии, так и вышестоящие распорядительные органы, и прежде всего министерство народного просвещения во главе со Львом Аристовичем Кассо. Несмотря на развернувшуюся именно в 1914 г. мировую войну и связанные с этим событием невероятные по своей значимости материальные и иные трудности, развитие института шло поступательно и успешно.

Был даже такой период, когда Вятский институт оставался одним из четырёх вузов в стране, которые не остановили свою работу, а продолжали работать практически на чистом энтузиазме. Преподаватели и сотрудники не получали зарплату, но несмотря на это с энтузиазмом, порождённым революционным подъёмом, продолжали свою благородную миссию.

Не случайно именно Вятский институт народного образования получил имя В. И. Ленина с личного согласия вождя мирового пролетариата, и это было своего рода уникальное событие: ни одной другой организации Ленин не давал подобного согласия.

Успехи первого, и длительное время единственного, вуза Вятки дали основание включить его в число четырнадцати ударных вузов страны. Иными словами, с первых послеоктябрьских лет Вятский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина был одним из лучших вузов страны.

На протяжении десятков лет вуз был главной кузницей кадров высшей квалификации для Кировской области и других регионов СССР (РФ). Целевым способом институт готовил учительские кадры и для других республик СССР (Узбекистан, 1970–1980-е гг.).

Успехи КГПИ (с 1995 г. – Вятского государственного педагогического университета, с 2002 г. – Вятского государственного гуманитарного университета) были обусловлены тем, что во главе его неизменно стояли люди, преданные своему делу – просвещению народа. О некоторых из них идёт речь в нашей книге. Многие из этих педагогов сочетали в себе административное и преподавательское начала, а некоторые были к тому же крупными учёными.

Временные рамки нашей монографии ограничиваются, как мы уже указывали, первыми десятилетиями работы вуза, который много

десятилетий спустя после описываемых в книге событий, в 2016 г., торжественно отметил своё 100-летие.

Однако уже спустя два года он прекратил своё существование и был присоединён к Вятскому государственному университету.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алыпов С. А. Блестящий опыт // Вятская правда. 1923. 10 января.
2. Алыпов С. А. Вечер памяти С. Н. Халтурина // Вятская правда. 1922. 6 апреля.
3. Алыпов С. А. Картинки с натуры // Вятская правда. 1922. 30 марта.
4. Алыпов С. А. Картинки с натуры (продолжение) // Вятская правда. 1922. 31 марта.
5. Алыпов С. А. Молодость института // Вятская правда. 1921. 8 июня.
6. Алыпов С. А. На местах // Вятская правда. 1922. 17 февраля.
7. Алыпов С. А. Не укради! // Вятская правда. 1922. 9 марта.
8. Алыпов С. А. Об освежении учительского состава // Вятская правда. 1923. 28 апреля.
9. Алыпов С. А. Студенты – голодающим // Вятская правда. 1922. 25 апреля.
10. Белоус Т. «Три года одиночки» // Комсомольское племя (Киров). 1989, 25 марта.
11. Выросли мы в пламени, в пороховом дыму. Киров : Кировское книжное изд-во, 1958. 180 с.
12. Вятский государственный гуманитарный университет. 1914–2004 / Отв. ред. М. С. Судовиков. Киров : Изд-во ВГПУ, 2004. 304 с.
13. Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка : Губернская типография, 1901. 166 с.
14. Долгушев В. Г. Каринский Николай Михайлович // Энциклопедия Земли Вятской : В 10 т. / Гл. ред. В. А. Ситников. Т. 6. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. С. 183.
15. Зеленин Б. Вятская Ривьера // Вятская правда. 1929. 21 июня.
16. Зуй Е. 90 лет назад // Кировская правда. 1996. 20 января.
17. Кировский педагогический. 1914–1989 / Отв. ред. А. Г. Балыбердин. Киров : Изд-во КГПИ, 1989. 160 с.
18. Колотов А. В. В. А. Трейтер – вятский политик 1917 г. // Немцы в России: Взгляд из провинции : Сб. материалов Всерос. науч. конф. / ред. кол.: В. Т. Юнгблуд (и др.). Киров : ИД «Герценка», 2012. С. 51–59.
19. Кондаков А. И. Беседы с Дмитрием Ильичом // Семья и школа. 1960. № 4. С. 4–8.
20. Кондаков А. И. Школа-коммуна. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. 180 с.
21. Кондаков А. И. Школьные годы Володи Ульянова. М. : Изд-во «Учпедгиз», 1946. 160 с.
22. Машковцев А. А. Петр Николаевич Соколов // Ректоры ВятГГУ. 1914–2004 / Отв. ред. В. А. Бердинских. Киров : Изд-во ВГПУ, 2004. С. 57–61.
23. Молодые годы В. И. Ленина. М. : Изд-во «Молодая гвардия», 1957. 460 с.
24. Павлова В. Сохранено для города // Вечерняя Казань. 1982. 30 ноября.
25. Петрицкий В. А. Каринские в отечественной культуре // Девятые Петряевские чтения : Материалы науч. конф. (Киров, 23–24 мая 2008 г.) / Отв. ред. Н. П. Гурьянова. Киров : Изд-во «Триада плюс», 2008. С. 162–164.

26. Петров В. А. В начале пути // Кировская правда. 1957. 18 августа.
27. Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. Киров : Кировское книжное изд-во, 1986. 224 с.
28. Петряев Е. Д. Записки книголюбца. Киров : Кировское книжное изд-во, 1978. 280 с.
29. Плохов В. В чьих руках находится музей Революции? // Кировская правда. 1937. 24 августа.
30. Полвека в пути / Отв. ред. Ю.М. Рябов. Киров : Изд-во КГПИ, 1970. 440 с.
31. Помелов В. Б. А. К. Волнин: В тени великого ученика // Историко-педагогический журнал. 2018. № 1. С. 114–124.
32. Помелов В. Б. А. К. Волнин – основатель кафедры педагогики Вятского института народного образования // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 2. С. 58–64.
33. Помелов В. Б. Александр Модестович фон-Вилькен // Ректоры ВятГГУ. 1914–2004 / Отв. ред. В. А. Бердинских. Киров : Изд-во ВГПУ, 2004. С. 19–24.
34. Помелов В. Б. Алыпов Степан Акимович // Энциклопедия Земли Вятской : В 10 т. / Гл. ред. В. А. Ситников. Том 6. Знатные люди. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. С. 18.
35. Помелов В. Б. А. М. фон-Вилькен: Первый директор // Развитие общественной мысли в России: Современный и исторический аспекты : Материалы науч.-теоретической конф. 11.04.2009 г. / Сост.: А. М. Прокашев [и др.]. Киров : ООО «Типография «Старая Вятка», 2009. С. 49–52.
36. Помелов В. Б. А. М. фон-Вилькен – первый директор Вятского учительского института // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета) : Сб. материалов VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Ред. кол.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. / Киров, 20–21 ноября 2013 г. : В 2 т. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. Т. 1. С. 11–21.
37. Помелов В. Б. Б. П. Есипов – крупный учёный-педагог // Вятская Земля в прошлом и настоящем : Материалы регион. науч. конф. / Ред. Е. И. Кирюхина. Киров : Изд-во КГПИ, 1989. С. 202–204.
38. Помелов В. Б. В. А. Трейтер – врач, педагог, педолог, общественный деятель Вятки // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2015 год : Информ.-стат. сб. / Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. : Н. И. Зорин (пред.) [и др.]. Киров, 2014. С. 292–297.
39. Помелов В. Б. Вилькен, фон, А. М. // Энциклопедия Земли Вятской : В 10 т. / Гл. ред. В. А. Ситников. Том 6. Знатные люди. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. С. 88.
40. Помелов В. Б. Воспоминания педагога Н. П. Борисова о 1920–1930-х годах // Герценка: Вятские записки : Научно-популярный альманах : Вып. 22 / ред. кол.: Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. Киров : ИД «Герценка», 2012. С. 111–130.
41. Помелов В. Б. В трудный час (о педагоге Н. Ф. Пережогине) // Вятский исторический сборник. Год 2014-й : Тр. науч.-исслед. Центра регионоведения / Киров. обл. научн. б-ка им. А. И. Герцена. Киров : ИД «Герценка». С. 241–249.

42. Помелов В. Б. Вятский Макаренко // Спутник агитатора. Киров, 1989. № 12. С. 29–32
43. Помелов В. Б. Дернов Николай Андреевич // Энциклопедия Земли Вятской : В 10 т. / Гл. ред. В. А. Ситников. Том 6. Знатные люди. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. С. 128.
44. Помелов В. Б. Елсуков Михаил Афанасьевич // Энциклопедия Земли Вятской : В 10 т. / Гл. ред. В. А. Ситников. Том 6. Знатные люди. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. С. 140.
45. Помелов В. Б. За то, что был самым лучшим!: К 110-летию М. А. Елсукова // Герценка: Вятские записки : Научно-популярный альманах : Вып. 25 / ред. кол.: Н. П. Гурьянова (сост.). Киров : ИД «Герценка», 2014. С. 135–154.
46. Помелов В. Б. Знаменский школьный городок // Вятская Земля в прошлом и настоящем : В 2 т. : Материалы 2-й регион. науч. конф. / Отв. ред. Е. И. Кирюхина, зам. отв. ред. В. В. Низов и В. Б. Помелов. Т. 1. Киров : Изд-во КГПИ, 1992. С. 199–200.
47. Помелов В. Б. Имя в педагогике (о Н. С. Сунцове) // Вятская Земля в прошлом и настоящем : В 2 т. : Материалы 2-й регион. науч. конф. / Отв. ред. Е. И. Кирюхина, зам. отв. ред. В. В. Низов и В. Б. Помелов. Т. 1. Киров : Изд-во КГПИ, 1992. С. 520–522.
48. Помелов В. Б. История Вятского образования: XIV–XXI вв. [Электронный ресурс – CD-R] : Монография. Киров : Изд-во «РАДУГА-Пресс», 2013. 1184 с.
49. Помелов В. Б. И. Т. Огородников – уроженец Вятского края // Проблемы подготовки учителя: История и современность : В 3 т. : Материалы Всерос. науч. конф. / Ред. В. А. Сластенин, А. Е. Дмитриев, Н. Н. Рощина, Б. М. Бим-Бад. М. : Изд-во МПГУ, 2000. Т. 1. С. 29–33.
50. Помелов В. Б. Кондаков Анатолий Иванович // Энциклопедия Земли Вятской : В 10 т. / Гл. ред. В. А. Ситников. Том 6. Знатные люди. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. С. 206.
51. Помелов В. Б. Кукарское (Советское) учительское училище – первая кузница педагогических кадров в Вятском крае. К 110-летию со времени основания учебного заведения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 67–73.
52. Помелов В. Б. Маяковский в Вятке // Панорама. Киров, 1990. № 11. С. 33–36.
53. Помелов В. Б. Мейер Павел Константинович // Энциклопедия Земли Вятской : В 10 т. / Гл. ред. В. А. Ситников. Том 6. Знатные люди. Киров : Изд-во «Вятка», 1996. С. 281.
54. Помелов В. Б. Н. А. Дернов – первый ректор Вятского (Кировского) педагогического института им. В. И. Ленина // Система подготовки учителей к внеклассной воспитательной работе : Материалы Всерос. конф. / Под ред. В. Ф. Сахарова. Киров : Изд-во КГПИ, 1991. С. 239–241.
55. Помелов В. Б. Н. А. Дернов – первый ректор Вятского педагогического института имени В. И. Ленина // Вестник Вятского государственного педагогического университета. 2001. № 5. С. 115–119.

56. Помелов В. Б. Н. А. Дернов – первый ректор первого вуза на вятской земле // Вятский исторический сборник. Год 2016-й : Тр. науч.-исслед. центра регионоведения / Гл. ред. М. С. Судовиков. Киров : ИД «Герценка», 2017. С. 164–180.
57. Помелов В. Б. Открытие Вятского учительского института // Вятская Земля в прошлом и настоящем : В 2 т. : Материалы 2-й регион. науч. конф. / Отв. ред. Е. И. Кирюхина, зам. отв. ред. В. В. Низов и В. Б. Помелов. Т. 1. Киров : Изд-во КГПИ. С. 197–199.
58. Помелов В. Б. Открытие Вятского учительского института // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 123–130.
59. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров : Изд-во «Информцентр», 1993. 84 с.
60. Помелов В. Б. Педагогическая династия Елсуковых // Вятская Земля в прошлом и настоящем : Материалы 5-й регион. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. А. Бердинских. Киров : Изд-во КГПИ, 2001. С. 58–61.
61. Помелов В. Б. Педагогическая династия Елсуковых // Педагогические династии Вятского края : Сб. материалов / Под ред. О. В. Коршуновой. Киров : Изд-во ВГГУ, 2012. С. 101–104.
62. Помелов В. Б. Первый выпускник Вятского учительского института // Вятская земля в прошлом и настоящем : Сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. / Ред. кол. : Е. И. Кирюхина [и др.] : В 5 т. Т. 1. Киров : Изд-во КГПИ, 1995. С. 215–216.
63. Помелов В. Б. Первый директор Вятского учительского института А. М. фон-Вилькен // Вятская земля в прошлом и настоящем : Сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. / Ред. кол. : Е. И. Кирюхина [и др.] : В 5 т. Т. 4. Киров : Изд-во КГПИ, 1995. С. 119–121.
64. Помелов В. Б. Первый ректор // Спутник агитатора. Киров, 1989. № 22. С. 13–14.
65. Помелов В. Б. Поборник просвещения // Вятка: Народное образование и благотворительность : Материалы регион. конф. / Науч. ред. М. С. Судовиков. Киров : ООО «Лобань», 2004. С. 53–57.
66. Помелов В. Б. Потомки Гёте на Русском Севере // Немцы и Русский Север: Материалы Всерос. науч. конф. / Сост. М. А. Ефимова : Вып. 5. М. : Изд-во ИТИП РАО, 2000. С. 99–107.
67. Помелов В. Б. Программно-методическая работа Наркогмпроса РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 94–103.
68. Помелов В. Б. Профессор П. К. Мейер // Вятская земля в прошлом и настоящем : В 5 т. : Материалы 3-й регион. науч. конф. / Гл. ред. Е. И. Кирюхина. Т. 4. Киров : Изд-во КГПИ, 1995. С. 131–136.
69. Помелов В. Б. Семья Трейтеров в Вятке // Немцы в России : Взгляд из провинции : Сб. материалов Всерос. науч. конф. / Ред. кол. : В. Т. Юнгблуд [и др.]. Киров : Изд-во ВГПУ, 2012. С. 92–102.
70. Помелов В. Б. Советский индустриально-педагогический колледж – старейшая кузница педагогических кадров в Кировской области // Социализа-

ция сельских школьников в условиях реформирования системы образования : Современные тенденции и опыт : Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 17–18.11.2011 г. / Под ред. Г. И. Симоновой. Киров : Изд-во ВГПУ, 2011. С. 66–73.

71. Помелов В. Б. Советский опыт трудового воспитания в институте «Новая жизнь» // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 8–14.

72. Помелов В. Б. «Теоретическая сила правления» // Десятые Петряевские чтения : Материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 25–26 февраля 2010 г.) / Ред. кол. : С. Н. Будашкина (сост.) [и др.]. Киров : ИД «Герценка», 2010. С. 291–294.

73. Помелов В. Б. Шимбирёв Павел Николаевич // Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 2002. С. 424.

74. Помелов В. Б. Шимбирёв Павел Николаевич // Преподаватели ВятГГУ. 1914–2004. Киров : Изд-во ВГПУ, 2004. С. 196.

75. Помелов В. Б. Шимбирёв П. Н. – учёный и директор Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина // Тринадцатые Петряевские чтения : Материалы Всерос. науч. конф. / Сост., науч. ред. М. С. Судовиков. Киров : ИД «Герценка», 2018. С. 133–145.

76. Помелов В. Б. Шимбирёв П. Н.: Человек со стороны // Государственная служба в России: Региональный аспект : Сб. материалов : Вып. 1 / Отв. ред. С. В. Мудролюбова. Киров : Изд-во РГГУ, 2008. С. 10–15.

77. Помелов В. Б. Школьные коммуны и школьные городки в 1920-е гг.: К 100-летию создания // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 3. С. 66–80.

78. Преснецов Р. А. Музыка и музыканты Вятки. Горький : Горьк. кн. изд-во, 1982. 180 с.

79. Селезнёв В. А., Малкова З. И. Неопубликованные материалы о семье Ульяновых // Советская педагогика. 1961. № 7. С. 135–136.

80. Ситникова Н. В. «Самый вдохновенный, самый популярный...» // Комсомольское племя. 1988. 9 апреля.

81. Стеценко А. Н. Ф. Ф. Фортунатов // Русская речь. 1972. № 4.

82. Тимкин Ю. Н. 1917 год: От революции по телеграфу к революции на штыках // Энциклопедия Земли Вятской : В 10 т. Т. 4. История. Киров : Изд-во «Вятка», 1995. С. 341–342.

83. Трейтер Е. А. Из веймарского окружения Гёте // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л. : Изд-во «Академия», 1973. С. 208–219.

84. Фаворов М. А. Вятский рабочий факультет имени Степана Халтурина // Вятская жизнь. 1924. № 1–7. С. 122–132.

85. Фортунатов А. А. Алкуин и его ученики // Учёные записки МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 8. Вып. 1. М., 1948.

86. Фортунатов А. А. Возникновение средневековой школы // Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль : Сб. науч. тр. Вып. 1. Ч. 2 / Отв. ред. К. И. Салимова, В. Г. Безрогов. М. : Изд-во АПН СССР, 1990. С. 45–74.

87. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды : В 2 т. М. : Изд-во «Наука», 1956.

88. Фортунатов А. А. Исследовательская работа учителя и пределы её применения. М., 1926. 76 с.

89. Фортунатов А. А. К вопросу о педагогической литературе Раннего Средневековья // Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль : Сб. науч. тр. Вып. 1. Ч. 2 / Отв. ред. К. И. Салимова, В. Г. Безрогов. М. : Изд-во АПН СССР, 1990. С. 75–108.
90. Фрадкин Ф. А., Безрогов В. Г., Лозовская Н. М. А. А. Фортунатов – историк средневековой школы и педагогики // Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль : Сб. науч. тр. Вып. 1. Ч. 2 / Отв. ред. К. И. Салимова, В. Г. Безрогов. М. : Изд-во АПН СССР, 1990. С. 34–44.
91. Фрадкин Ф. А. Фортунатов Александр Алексеевич // Российская педагогическая энциклопедия : В 2 т. / Ред. В. В. Давыдов. Т. 2. М. : Изд-во «Российская энциклопедия», 1999. С. 520–521.
92. Чарушин Н. А. О далёком прошлом. М. : Изд-во «Мысль», 1973. 420 с.
93. Чечков А. И. Тактика троцкистского двурушника Черешнёва // Кировская правда. 1937. 27 июня.
94. Шацкий С. Т. Мой педагогический путь // Собр. соч. : В 4 т. Т. 1 / Под ред. И. А. Каирова [и др.]. М. : Изд. АПН РСФСР, 1962. С. 49–67.
95. Шацкий С. Т. На пути к трудовой школе // Собр. соч. : В 4 т. Т. 2 / Под ред. И. А. Каирова [и др.]. М. : Изд-во «Просвещение», 1964. С. 13–43.
96. Шацкий С. Т. Новая общественно-педагогическая работа для «детей – работников будущего» // Собр. соч. : В 4 т. Т. 1 / Под ред. И. А. Каирова [и др.]. М. : Изд. АПН РСФСР, 1962. С. 272–286.
97. Шацкий С. Т. Памяти светлой молодой жизни // Собр. соч. : В 4 т. Т. 1 / Под ред. И. А. Каирова [и др.]. М. : Изд. АПН РСФСР, 1962. С. 293–294.
98. Шацкий С. Т. Первая опытная станция по народному образованию при наркомпросе РСФСР // Собр. соч. : В 4 т. Т. 3 / Под ред. И. А. Каирова [и др.]. М. : Изд. АПН РСФСР, 1964. С. 319–329.
99. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 616. Оп. 5. Д. 394. Л. 12, 13об., 71.
100. <http://www.topos.ru/article/zhizn-kak-est/lyubopytnye-podrobnosti-zhizni-v-vyatskom-krae> (дата обращения – 12.07.2019 г.).

Научное издание

Помелов Владимир Борисович

У ИСТОКОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ВЯТКЕ

Редактор *Ю. Н. Болдырева*

Технический редактор *Л. А. Кислицына*

Подписано в печать 30.12.2019 г.

Выход в свет 28.02.2020 г.

Формат 60×84/16.

Печать цифровая.

Бумага для офисной техники.

Усл. печ. л. 12,55.

Тираж 500 экз.

Заказ № 6139.

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, 36

www.vyatsu.ru, www.vestnik43.ru

Тел. 20-89-64 (Научное издательство ВятГУ)

Отпечатано в центре полиграфических услуг

Вятского государственного университета,

610000, г. Киров, ул. Московская, 36